

Мир, созданный на основе "The Lion King".

Лик судьбы

1.

Шесть лун совершенно мирной жизни, спокойной и беззаботной. И Таар теперь хорошо понимал древних, которые спрашивали свои сердца: «Слишком много мира — лучше ли войны?». Ответа на этот вопрос они не оставили. «Ну ничего, мы проживем — мы увидим», — подумал он, дренгир Юнити. Глава прайда Юнити.

За полгода не произошло даже каких-нибудь заметных стычек с чужаками, совершенно ничего. Правители прайдов Союза тоже сообщали, что все хорошо и отлично; все враги Союза или мертвы, или затаились далеко в страхе. Поэтому скука начинала все больше проявлять себя.

«В поход бы...», — думал Таар, смотря со своей скалы на то, как на занятиях старик Саргас заставляет передвигать молодых львов головой большие камни. Он истосковался уже сидеть на своей скале, иногда выдавать мелкие поручения и решать небольшие споры и ссоры, которые возникали в прайде; больших ссор и судов не было — Юнити всегда был самым дружным и сильным прайдом среди остальных в Союзе.

Теперь Союз совсем не так воинственен, как в прошлые времена. Когда-то он заставлял дрожать в живом страхе все округи, которые находились рядом с Союзом семи прайдов, существующим уже двести лет. Двести лет — очень много. Теперь округи не дрожат, но все равно помнят, поэтому около Союза не осталось больших прайдов, кроме как северняков на северо-востоке; но их становится все меньше и меньше, они уже не являются такой грозной силой и противником, как когда-то: они истратили весь свой дух, и никак не проявляли себя уже лет десять.

Таар решил сойти вниз со скалы и пройти к реке, чтобы утолить жажду; заодно он хотел перейти через центральное место прайда — может, кто попадется по пути. Хотя вряд ли это возможно в такой зной: все, кто не на обходе или не на охоте, спрятались в тени.

— Мой дренгир!

Таар обернулся. К нему бежал Таву, один из молодых львов; весь перепачканный, в пыли, — вероятно, с обхода. По выражению морды Таар понял, что случилось что-то, о чём сразу говорят дренгиру.

— Что такое?

Таву остановился, часто дыша.

— Ну, мы там кое-кого поймали на границе.

— Кого?

— Пусть дренгир пойдет и посмотрит сам. Мы не совсем поняли, кто это. Он вроде бы не простой чужак. Говорит, что он из какого-то там трайба...

Некоторые внешние прайды, что живут на далеком западе, называют себя трайбами. Это Таар знал. Но с представителями таких трайбов, когда они мирно приходили в прайд Юнити для переговоров, он встречался еще только подростком, когда дренгиром был его отец.

— Так где он?

— Идем, я покажу. Мы его пленили, тащить его не хотелось.

Они быстро пошли к тому месту: вышли через место сбора и отправились на запад по протоптанной дорожке.

— Далеко? — спросил Таар.

— Нет, мой дренгир, — ответил Таву.

— Нужно Дальвара позвать. Как придем, позовешь.

— Извините, мой дренгир, но почему его? — осторожно спросил Таву.

Таар язвительно сказал:

— Насколько я помню, он твой ярл, или я ошибаюсь?

У Таара вообще-то нетрудный характер, но иногда он становился, по выражению своей львицы Элиады, «ужасно противным».

Таву смутился.

— Нет, просто такое вот... Дальвар уже не мой ярл.

— А что случилось?

— Так... — Таву неопределенно хмыкнул. Таар на ходу перевел взгляд на него.

— И кто ж теперь твой ярл?

— Харлан, — в голосе молодого льва явно звучало презрение.

Таар прекрасно понимал почему. Единственное, что в прайде было неправильно, так это то, что Харлан Эйланский стал ярлом; и отец Таара Урмас однажды поддался на уговоры отца Харлана, поскольку тот был очень хорошим и верным другом Урмаса и очень уважаемым львом. Всё Харлан получил из-за своего происхождения из рода Эйланов, очень старого, известного рода. Известен этот род не только в самом Юнити, но даже и в главном прайде Союза, Хартланде. Ярлом, то есть предводителем двух десятков львов и львиц в прайде, он оказался плохим. В его яскарл попасть никто не хотел. Таар давно хотел изменить ситуацию: или исправить Харлана, или просто устранить, или же отправить подальше, в Хартланд; но всё было не так просто, этому многое мешало. Таву явно залетел туда не по своей воле, скорее всего, предыдущий ярл загнал его туда за какую-то провинность, и серьезную. Есть такое право у ярлов — передавать подчиненных в другие яскарлы.

— Чего ж ты наделал? — спокойно спросил дренгир.

Таву молчал, но после паузы ответил:

— Я сам пошел.

«Ясно. Конечно же, он не признается. Что там случилось с ним и Дальваром?.. Нужно будет выяснить», — подумал Таар.

Тем временем они подошли туда, где пленили чужака. Таву молча кивнул носом на обочину тропки. Там молча сидел напарник Таву по обходу, Ашади — огромный молодой лев.

— Эй... Ты его подтащил к дороге? — спросил Таву.

— Да, а чего ж там... Уууу, падаль, — прогудел Ашади, и неожиданно сильно зарычал на того льва, который валялся со связанными лапами возле него. Связывают всегда двое — кто-то один должен держать мертвой хваткой связываемого за шею или горло, причем так, чтобы тому было побольнее. А второй связывает веревкой. Главное — сделать побольше витков. Последний виток делается выше других. Так веревка более-менее держится, но всё равно стоит следить, чтобы она не расплелась. Потому Ашади и остался присматривать за пленником.

— Ээээ... Прости, мой дренгир, Харлана звать? Вместо Дальвара? — спросил Таву. Он понял, что Таар не станет совершать такую глупость.

— Нет, Харлана нет. Позови... позови Алири, и позови Дралана.

— Будет сделано.

Таар посмотрел вслед убегающему Таву, а потом глянул на Ашади, и спросил:

— Как вы его поймали?

— Да просто, мой дренгир. Идем мы, значит, в обход, около ближнего берега реки, ну как всегда; вдруг слышим — в акациях что-то шевелится. Ну, я не знал, что это может быть, а Таву предложил: «Давай посмотрим!». Я не очень хотел, но мы

всё же решили посмотреть. И тут вот выскакивает это, — Ашади кивнул на связанного льва, который до сих пор молчал и только испуганными глазами глядел вокруг, — и как заорет! Ну, я в два прыжка его настиг и придавил. А потом цапнул и держал за шею. Он уже никуда не рыпался... — Ашади говорил быстро и ему не хватало воздуха. — Вот...

— Хорошо, — сказал Таар, — хвалю. А что заорал-то? Он вообще говорит?

— Говорит-говорит, еще как говорит. Ничего не прокричал, просто выскочил и запищал, как львенок, — рассмеялся Ашади. — Испугался, наверное.

— Как тебя зовут? — спросил Таар.

Лев посмотрел на Таара, а потом сказал:

— Ничего вам не скажу! Я — высокого рода! Вы еще об этом пожалеете!

— Какого еще рода, несчастный? Чего делал на наших землях? — спокойно произнес Таар.

— Я посыльный! Из трайба Венгари! Вы должны знать, союзный лев, кто мы такие.

Ашади легонько стукнул говорящего.

— Ну-ну, ты говоришь дренгиром Юнити. Слова-то выбирай.

— Да уж, — ухмыльнулся Таар. — Посыльные в акациях не сидят. Трайб я такой помню, только был он на окраинах наших земель еще лет пятьдесят назад. Тогда не то что меня — моего отца не было. Слушай, сказки оставим львьятам. Что тебе надо? Признание уменьшит твои муки, и, возможно, мы тебя отпустим...

Ашади криво улыбнулся. Он прекрасно знал, как отпускали союзные львов-чужаков из Большого мира, которые нарушали границы прайда и смели что-то возникнуть или вести себя вызывающе. Могли запросто отгрызть уши и пожелать счастливого пути, а то еще похлеще.

— ...так что давай, рассказывай, сколько вас здесь шатается и всё такое прочее.

Молчание.

— Так как тебя зовут? Ашади, помоги ему вспомнить.

— Не надо помогать! — истерично прокричал лев. — Игнал! Меня зовут Игнал.

— Хорошо, Игнал. Что еще скажешь?

— Я — венгариец. Я посыльный. Мне сказали к вам придти, договориться... Вы поймете, что это ошибка. Просто отпустите меня, и всё...

— Просто уже не получится, — сказал Таар, — совсем нет.

— Зачем врешь? — добродушно рассмеялся Ашади. — В трайбах таких дурачков и трусов попросту не держат за посыльных. Да и что за чушь? Лев — и посыльный! Льву драться надо, а не бегать с болтовней.

Таар решил пока не спешить с решением. Ведь непонятно, откуда взялся этот Игнал. Дренгиру начала надоедать возня, потому самым простым и мудрым решением было оттащить того в пещеру, пока всё не прояснится. Игнал вызывал равнодушное отвращение своим трусливым поведением.

— Таар!

К ним бежали Таву, Алири и Дралан, помощник дренгира, верная права лапа Таара.

— Что здесь? — спросил Дралан, подбежав первым.

— Поймали вот... какого-то. Говорит — венгариец. И посыльный, — ухмыльнулся Таар.

— Что за венгариец? — спросила, подбежав, тяжело дышащая Алири, хозяйка всей разведки. — Это что такое вообще?

— Был когда-то такой трайб возле нас, еще пятьдесят лет назад, если мне не изменяет память... Потом мирно ушел. С ним войны никогда не было, после них пришли гунналы с западных лесов... — начал пространно объяснять Таар. Но умолк: сейчас рассказывать об истории Союза не время.

Все молчали. Потом сказал Дралан:

— Чушь какая-то. Где такое дремучее прошлое, а где мы. Того трайба, наверное, уже в помине нет. К шакалу его, Таар. Уберем его, чужак он, просто ерундой нас пичкает. Сейчас найдем малых, кто врага на зуб не пробовал...

— Нет, нет, постой! Тебе уже всё грызть! Я еще от него узнаю о других, может они... — запротестовала Алири.

— Каких других? Мы их сами повывлаживаем! — раздраженно сказал Дралан.

— Постой...

— Я сказал!

Начался ожесточенный спор между Алири и Драланом; они всегда спорили, по самым пустяковым вопросам, и, как помнил Таар, даже во время боя успевали спорить. Кончалось всё как правило тем, что Алири закатывала глаза к небу и взывала: «О небо, проучи же его!»; Дралан же морщился, всё больше и больше, а потом начинал ходить кругами.

Таар искренне забавлялся, смотря на них, то же самое Таву и Ашади. Все уж забыли о каком-то там непонятном чужаке — такое интересное представление невозможно пропустить. И Алири, и Дралан уже давно не молоды; Алири имеет дочь Ланнару, Дралан вообще трех сыновей. Но иногда они ведут себя, как дети.

И снова, как всегда, Алири начала закатывать глаза к небу: «Проучите же, наконец...», как ее прервал громко Таар:

— Извините, Алири и Дралан, мы не мешаем?

Дралан как раз хотел вставить какую-то, по его мнению, крайне важную реплику, а поэтому в ярости спора выдал:

— Нет!

Таар, Таву, Ашади и сама Алири рассмеялись.

Тем временем Игнал, который наблюдал за всем этим, вдруг громко расплакался. Он не выдержал.

Все удивленно посмотрели на эту несуразность. Воспитанные на простых идеалах бесстрашия и силы льва, они не могли поверить в такое: взрослый лев ревет как львенок. Алири подала свой голос львицы, неодобрительно зафыркав:

— Фу! Фу, фуй! Не могу поверить, что глаза это видят, а уши — слышат.

Все львы же захохотали до боли в животе.

— Так что вы все со мной сделаете?

Новый взрыв хохота.

Тут Таву спросил у Ашади:

— Ты рассказал дренгиру о львице?

Все перестали смеяться, внимательно слушая. Повисла тишина.

— Какой львице, Таву? Ты о чём? — настороженно спросил Таар.

— А, да! Мой дренгир, там еще кто-то был. Насчет этого... я не уверен... Это Таву заметил. Его спрашивать надо, — увильнул Ашади.

— Так кто же там еще был? — спросила Алири Таву, а потом наклонила голову к уху Игнала и прошептала: — Так вот что... Вас тут целая шайка объявилась. Ты мне всё о вас расскажешь, иначе я тебя выпотрошу.

Полными ужаса глазами смотрел он на нее, и не мог сказать ни слова.

Таву хотел было начать рассказывать о том, что еще он видел, но заметил, что Алири что-то говорит на ухо валяющемуся на земле Игналу, и замолчал.

— О чем же вы там шепчетесь, дорогие мои? — съязвил Дралан.

— Как львица с подругой... — спокойно съязвил Таву, намекая на трусость Игнала. Ашади засмеялся, пригладив гриву.

— Ладно, Таву, продолжай, времени не так уж много, — сказал Таар.

Все устали на Таву, и он начал рассказывать:

— Вам уже, наверное, говорил Ашади, как всё было. Были мы на обходе, возле ближнего берега Большого Мара, как раз собирались его переходить; ну, через тот брод, где акаций много растёт, — Таву неопределенно кивнул головой в сторону. — Заметили шевеление в кустах, как будто там сидела куча кроликов. Я втянул воздух, ощутил незнакомый запах; это явно не были кролики... Я решил проверить. Ашади говорил, что не стоит. Но мне стало интересно, — Таву начал дергать хвостом, и замолчал.

— Что за запах был? — спросила Алири.

— Львицы.

— Но здесь перед нами лев, — сказал Таар. — Откуда запах львицы?

Таву беспомощно взмахнул хвостом.

— Не знаю, его на нюх не чуял. Только ее.

— Поэтому и пошел туда?

— Да. Любопытно ему стало, что за чужие львицы в акациях шуршат, — ответил за него Ашади.

— Да, так оно и есть, — подтвердил Таву. — Потом, как Ашади его настиг и поймал, я увидел, что вроде бы... Вроде кто-то быстро убежал через акации. Я почти уверен, что это и была та львица. Она убежала, а этот просто не успел.

Все снова посмотрели на Игнала.

— Так с тобой еще и львица была, да? — спросил его Таар.

Он молчал.

— Ну?! — угрожающе повторил вопрос Таар.

Снова молчание.

— Ладно, хватит. Вот что. Его, связанного — в кладовую пещеру, пока не развязывать. Дралан, слушай сюда: я пока пойду к Дальвару, а ты к Шелли зайди обязательно, и позовешь ее в кладовую.

— Шелли нет, она ушла куда-то с Наррой и ученицами еще три дня назад, — заметила Алири.

Взъерошив гриву, Таар посмотрел по сторонам.

— Ах, да, совсем забыл, точно. Ладно, тащите его, — сказал он Ашади и Таву, — да поосторожнее.

Ашади взвалил на свою огромную спину связанного, Таву ему помог, и так они пошли к прайду.

Таву, Ашади и Дралан отошли, а Таар обратился к Алири:

— Поработай с ним. Он действительно может быть из какого-то прайда. Или трайба. Мне кажется, он разведывал наши земли.

Алири задумалась.

— У нас гости под носом?

— Думаю да. Со стороны запада, — ответил Таар.

Хозяйка разведки повела ушами и посмотрела на землю. Как-то неопределенно кивнула головой, махнула лапой.

— Только плохой он разведчик, — скептически сказала она, подняв взгляд на Таара. — Любой из них будет клясться, что он просто свободный лев, который заблудился... Не заметил, мол, меток, не заметил троп. А этот... Ну идиот какой-то! К тому же и трус, каких небо и земля еще не видали. Странно, Таар, не находишь? Кто

в здравом уме пустит такого на разведку? И если это правда Венгари или еще кто... Почему вдруг они решили что-то у нас выведывать?

Таар легко дотронулся к ее лапе.

— Вот поэтому с ним нужно поработать. Расспроси о той львице, о его прайде, что да как... Не мне тебя учить. Вот что я думаю: им нужно узнать, что да как здесь. Это, насколько я понимаю...

Таар умолк и начал оглядываться по сторонам:

— А где Дралан?

— Ушел уже.

Неторопливым шагом они начали удаляться. Алири шла задумавшись, Таар это заметил и спросил ее:

— О чём думаем?

— Ни о чём... Разреши удалиться, Таар, ещё много всего сделать надо. Да и сейчас на охоту надо отправляться.

— Куда?

— На Большой луг.

— Ладно. Конечно.

Алири ушла, а дренгир остался один. Уже перевалило за полдень, жара немного спала, но все равно душно. Таар не любит такой погоды, ему нравится сезон дождей, когда влажно и прохладно; жара же всегда нагоняет на него неопределенное, грустное настроение, и мысли о тщете жизни.

Ему нужно найти Дальвара, а где тот сейчас, Таар не представлял. «Скорее всего или отдыхает, или на тренировке с молодежью», — подумал Таар. Поэтому он сначала решил пойти к Холодной пещере, где в числе прочих жил и Дальвар со своей Ланной. Как раз Ланна умела делать отличные лиановые верёвки — ими и был связан Игнал; у нее есть трое детей — одна дочь Ириша и двое младших сыновей, еще совсем подростков. А еще она нянька, которую любят все малыши. С приятной, мягкой Ланной Таар ладил, и всегда любил разговаривать на самые разные темы; ему было всё равно, на какие: нравилось само общение.

Таар зашел в пещеру. Его, поднявшись с мест, небольшим поклоном поприветствовали все, кто прятался здесь от жары.

— Здравствуйте, сестры и братья.

Нестройный хор голосов ответил ему:

— Здравствуй, мой дренгир.

— А есть Ланна?

— Я здесь, мой дренгир, — прозвучал голос из дальнего угла.

— Можешь выйти на миг?

— Сейчас.

Сначала Таар вышел из пещеры наружу, потом и Ланна. В пещере темно, к тому же много лишних ушей, поэтому разговаривать там неудобно.

— Я ж тебя просил не раз, — обернулся он на выходе.

— Что именно? — удивилась Ланна.

— Не нужно говорить так вежливо. Обращайся на «ты». В самом деле, к чему это?

— Нельзя так, Таар. Нужно соблюдать традиции. По крайней мере, когда рядом дети, сестры и братья по прайду. Ведь так?

Таар посмотрел на нее. В глазах — спокойствие и сознание правоты своих слов. Конечно же, она права.

— Как дела?

Ланна вздохнула.

— Хорошо. С Иришей вот...

— Что-то случилось? — спросил Таар.

— Да нет. Сам понимаешь — уже считай взрослая. Ну, и проблемы соответственно. Думаю, догадываешься.

— Львы, любовь, всё такое?

Ланна помедлила с ответом:

— Да.

Они помолчали.

— Я вот чего пришел, — начал Таар, — мне нужно с Дальваром поговорить. Я не знаю где он, может ты подскажешь?

— Утром говорил, что на тренировку с частью яскарла пойдет, с молодыми. Еще взял старика Саргаса с собой.

— Гм... Я Саргаса видел сегодня утром, на площадке, но его там не было. Ладно, пойду спрошу. Извини за беспокойство.

Ланна улыбнулась.

— Нет проблем, нет проблем.

— Ладно, еще увидимся.

— До свидания, Таар, — она легко поклонилась, и не спеша ушла в пещеру.

Таар быстрой рысью побежал к площадке, но там он не обнаружил никого, кроме играющих малышей.

— Не видели ли вы Дальвара с его яскарлом?

Дети, увидев дренгира, быстро выстроились в ряд и поприветствовали его:

— Здравствуй, мой дренгир!

— И вам привет. Так видели?

Откликнулась одна львёна, вся в пятнах:

— Ушли, вон в ту сторону.

— Спасибо.

Малыши снова поклонились.

В указанном направлении Таар и нашел Дальвара с частью его яскарла — это были лишь молодые львы. На морде Дальвара проступало большое недовольство; все в яскарле же были в пыли, и имели усталый вид. Он ходил взад-вперед перед строем из пяти львов, и с раздражением прорывивал:

— Мне не нравится ваша скорость. Ваша скорость — это скорость кучки старых, жутко дряхлых львиц...

Прокатился смешок.

— ...сейчас мы все повторим, пока не будет нужного результата. Вы должны сразу собраться в два ряда; напоминаю специально для Тарны — в два боевых ряда, а не обычных. Понятно.

Снова смех. Тарна выглядел возмущенным:

— Мой ярл, но тогда не было команды...

— Не надо спорить, мой дорогой, не надо, — спокойным голосом произнес Дальвар, — а не то все уже разойдутся, а ты будешь до полуночи бегать.

Это было выше сил Рагнара, еще одного молодого льва, который уже корчился со смеху. Таар знал по себе, что в таких ситуациях может разбирать смех, причем неконтролируемый; и может кто сказать, почему?

— Так-так, пока мы тут мучаемся, Рагнару очень смешно. Рагнар! — сильным, хорошо поставленным голосом сказал ярл. — Иди сюда!

Рагнар был в первом ряду, поэтому сразу подбежал к Дальвару:

— Я прибыл, мой ярл.

На морде его блуждает улыбка, а глаза весёлы и сияют озорством. Таару стало интересно, что сейчас будет.

— Перед тем, как ты сейчас будешь бегать до упаду, можешь сказать свое последнее слово, — вкрадчиво произнес Дальвар.

Рагнар вытянулся, поднес подбородок выше, и громко произнес:

— Светлый день для смерти!

Все покатались со смеху, в том числе и Таар. Это был древний, пафосный отклик львов и львиц Союза в ответ на трудное задание. Также его можно было говорить в любых ситуациях, связанных со смертью, когда кто-нибудь считал это нужным. Здесь он звучал смешно; но все понимали, что в каждой шутке есть только доля шутки.

Таара пока не заметили, поэтому он вышел и стал между строем и Дальваром. Все сразу вытянулись, даже Дальвар.

— Здравствуйте, братья.

— Здравствуй, мой дренгир!

Таар обернулся к Дальвару:

— Не наказывай его. Посчитаем, что он искупил свою вину.

— Рагнар, тебе сегодня повезло, благодари судьбу денно и ночью. И стань в строй, — приказал Дальвар. — Ты ко мне, Таар?

— Да.

— Отдохните пока, — сказал он львам. — Идем в тень?

— Да, пошли под дерево.

Когда они пришли, Таар завязал разговор о всяких пустяках: спросил, как его дела, дела в яскарле; когда они идут с Драланом в Хартланд, столицу; как дела в его семье и прочее. Дальвар знал, что дренгир пришел не просто так, ибо он вообще никогда ничего не делал просто так — на праздность у него времени нет. Таар рассказал о сегодняшней новости, Дальвар очень удивился, и пообещал пойти пообщаться с этим «разведчиком», но Таар сказал, что сегодня с ним будет работать Алири, и поэтому нет смысла ей мешать. Потом они обсуждали, чего же нужно этому прайду или трайбу, если он шлет разведчиков. Пришли к выводу, что обходы надо усилить.

Но, конечно же, Таар не только пришел поведать о новости. Это Дальвар мог узнать уже сегодня вечером, на собрании всего прайда, которое непременно будет создано. Он хотел поговорить с ним о Таву, и попутно еще о Харлане; правда, не знал, как начать. Дренгир сильно подозревал, что Дальвар имел какие-то личные мотивы переброса Таву в яскарл Харлана. Само по себе перемещение не было чем-то важным для дренгира, но такие личные конфликты, в которых кто-то пользовался данной ему властью, он всегда старался расследовать, и пресекать по возможности — такова мудрость дренгиров. Прайд должен быть абсолютно цельным, и Таар делал для этого всё.

Он решил начать разговор о Харлане.

— Всё-таки, скажи мне откровенно, Дальвар: что делать с Харланом?

Дальвар наморщился, как будто съел что-то горькое. В прайде понимали все, что Харлан как ярл никуда не годится. Он практически не интересовался своим яскарлом, но очень гордился данным ему статусом; горделивое и спесивое поведение даже перед старшими львами и львицами в его яскарле стало нормой, и поэтому они ушли из него, другие просто всё игнорировали, третьи открыто отправляли Харлана куда подальше. Это было неслыханно, и другой бы не задержался в ярлах с такими успехами, но только не Харлан. Разговоры Таара с ним ни к чему не приводили. Он придумывал всяческие объяснения беспорядку в своей группе; в конце концов, в яскарле остались только молодые львы, и немного львиц (в яскарлы входят и

львицы наравне со львами; подготовка, правда, у них иная), которые старались обходиться без него. Иногда всё же Харлан решал заняться своим яскарлом, тогда это принимало самые извращённые формы. После одного случая, когда он взял всех в Западный лес, самый большой из всех в окрестностях, и яскарл заблудился вместе с ярлом, а некоторые даже потерялись, и возвращались в прайд поодиночке, никто уж не воспринимал его всерьёз. Молодые львы вспоминали этот случай со смехом и шутками-прибаутками, и в любые походы идти с Харланом уже не хотели.

— Таар, его давно пора гнать с ярла. Я это знаю, он это знает, и, самое главное — ты это знаешь, — мрачно молвил Дальвар, сделав ударение на «ты».

— Я-то знаю, — ответил Таар, — но так просто нельзя, я думаю. Нужен повод.

— Таар! — Дальвар сказал это так громко, что остальные, отдохавшие неподалеку, обернулись. — Таар, — добавил он уже потише, — какой повод? Поводов уже набралось столько, что я давно перестал их считать. Я тебя знаю — ты отличный дренгир и достоин своего отца; я знаю, что говорю. Но почему тебе не хватает духа просто погнать его прочь? Только потому, что за ним род Эйланов? Что здесь живет его старая мать, а остальная родня сидит в Хартланде, при конунге?

— Мать — это да. Если он перестанет быть ярлом, это будет для нее ударом. Она не верит в то, что говорят о сыне в прайде. Я с ней говорил. Ее можно понять. Но вот что: мой отец обещал его отцу, что поможет стать Харлану на лапы.

Дальвар резко отвернул голову в сторону, в знак протеста, и глубоко вздохнул. А Таар еще раз убедился, что принимать решения кажется простым только тому, кто на самом деле их никогда не принимал; и еще раз понял, почему его отец так рано состарился и умер.

— Но интересы прайда? Два десятка голов в его яскарле, они что, не в счет?

Таар молчал. Его глаза встретились с глазами Дальвара.

— Твои предложения?

— Не надо повода. Ты можешь всё сделать сам. Это раз. Но и второй путь ты тоже знаешь. Его яскарл может выдвинуть ему недоверие; они давно бы это сделали, если б знали, как к этому отнесешься ты. Все-таки это же, как-никак, скандал — в прайде Юнити недостойные ярлы. Они не хотят тебя задеть, понимаешь?

— Хорошо, — молвил Таар, — я принял решение.

— Какое?

— Соберу яскарл, поговорю с ними, и, если что, пусть выдвигают недоверие, как и положено — три четверти от всего яскарла.

— А не половина? — спросил Дальвар. — Вроде бы так... Я по молодости помню, такое было в прайде Хлаалу, так там...

— Нет, Дальвар, — перебил его Таар, — три четверти. Таков закон. Так что ты или напутал, или забыл.

— Что ж, с кем не бывает.

Снова они погрузились в молчание.

— Кстати, раз уж разговор о яскарлах, — внезапно начал Таар. — Сегодня на западном обходе были Таву и Ашади. Когда того разведчика поймали, Таву прибежал ко мне доложить; я еще удивился, почему он не побежал к ярлу, а прямо ко мне. Я спросил у него, — Таар хотел, чтобы Дальвар понял, что Таву ничего ему сам не рассказывал, — почему он не позвал тебя. Он сказал, что его ярл уже Харлан, а не ты. Зачем увеличивать яскарл Харлана, и гнать хорошего льва из своего? Вот мой вопрос. Смотри: Таву сегодня поймал разведчика, он отличный лев. И где смысл?

Дальвар внимательно слушал. По нему было видно, что тема для него не самая удобная. Он не хотел врать дренгиру, но и говорить правду тоже. «Всё-таки узнал, вот незадача...», — думал Дальвар. Он думал, что Таар попросту не будет знать,

ибо это слишком мелкое дело для дренгира; а в том, что Таву не пойдет и никому не пожалуется, он был полностью уверен. Ему уже было жаль молодого льва, которого он по горячке выгнал из яскарла; но было поздно.

Таар смотрел в упор, и Дальвар понял, что врать бессмысленно и недостойно.

— Извини, мой дренгир. Между нами возникло... кое-что личное.

— Я догадывался, Дальвар. Но ты же умудренный опытом лев, ярл, старше меня; и с другой стороны, молодой Таву. Не пойму, что случилось?

Закаленному жизнью льву, казалось, трудно выговаривать слова:

— Таву начал встречаться с Иришей, но я запретил. Не спрашивай почему — я просто желаю ей самого лучшего. Они начали встречаться тайно. Я узнал, и снова запретил Ирише. Она сказала мне: «Хорошо, папа». Но однажды я их застал вечером. Вместе. На другом берегу реки. Случайно. Тогда я наказал Иришу, и сказал идти домой, а Таву предупредил, чтобы он забыл о ней раз и навсегда. Он тогда дерзнул, плюнул на землю и сказал: «Ты больше не мой ярл!». На другой день, поутру, я определил его в яскарл Харлана. Всё.

Таар поежился от удивления.

— Не ожидал.

«Подумать только. Он же весьма мудрый лев, и тут — такие глупости...».

— Когда это случилось? — вздохнул Таар.

— Три дня назад. Я, если честно, сожалею, но уже поздно... Если его вернуть назад, подумает, что запрет уже не в силе.

— Но зачем запрет? Кому будет лучше?

— Пойми, Таар, вырастет твоя дочь — поймешь. Я хочу ей добра; она имеет возможность попасть в Хартланд, понимаешь...

Дренгир неодобрительно помотал головой.

— Нет, Дальвар. Мне кажется, что ты делаешь глупости. Ладно, твои семейные дела — твои дела, хоть я, как твой друг, говорю тебе: ты вынуждаешь дочь страдать. Но, конечно же, с Таву ты поступил нехорошо, ты сам понимаешь, почему; и это уже мое дело, дело прайда. В конце концов, есть нормальные яскарлы: Лагнала, Сиггиса... Да ударил бы его по морде, и все дела — так было бы намного справедливее. А ты взял, и применил власть, чтобы с ним расправиться.

Дальвар виновато смотрел в землю. Таар не хотел никого воспитывать — это было ни к чему, но он был сильно расстроен. Он не ожидал, что в прайде могут происходить такие вещи.

— Этот случай мы забудем, Дальвар. Уже ничего не исправишь. Я лично распоряджусь, чтобы Таву перевели в яскарл Сиггиса. Еще подумают, что он залетел к Харлану по какой-то провинности; с Харланом же мы в ближайшее время будем что-то решать. И еще — Таву даже не обмолвился обо всем этом, хотя мог смело придти ко мне и всё рассказать. Имел на это полное право из-за недостойного поведения своего ярла; но Таву не сделал этого, и подумай почему.

Таар поднялся, Дальвар так и остался лежать, но потом опомнился, и быстро встал — нельзя вот так вот валяться в присутствии дренгира.

— Пусть расходятся, на сегодня всё, — сказал Таар. — Подумай над этим случаем. Такого не должно быть.

— Я знаю, мой дренгир.

— Кстати, они знают о причине того, почему Таву ушел к Харлану?

— Может и знают, возможно, он им рассказал, хотя я не думаю.

— Он не рассказал, будь уверен. Иначе они бы вели себя сегодня совсем по-другому. Они бы смеялись тебе в глаза. Ты потерял хорошего льва, Дальвар.

Таар начал уходить, и только услышал позади голос ярла: «На сегодня всё...».

**

Алири внимательно смотрит на лежащего на земле Игнала. Рядом с ней еще две львицы — Нордоза, которая тоже состоит в группе разведки, и по совместительству еще и одна из хозяек охоты, и юная Шаана́ — одна из учениц ушедших на сбор различных трав Шелли и Нарры; в этот раз ее очередь оставаться в прайде. Алири и Нордоза стоят над Игналом, Шаана лежит неподалеку. Около нее находится пустой панцирь маленькой черепашки, а еще всякие травы и листья.

— А вот и наш славный лев, — сказала Алири.

— У меня лапы очень затекли. Развяжите меня... пожалуйста, — заискивающим голосом начал проситься Игнал.

Алири и Нордоза заулыбались.

— Мы тебя развяжем, обязательно; может, даже очень скоро отпустим. Но перед этим ты должен рассказать мне всю правду, — спокойно ответила Алири.

— Что именно?

— Для простоты: я буду тебе задавать по одному вопросу, а ты будешь на него отвечать. Так мы ничего не упустим. Договорились?

— Да, — уставшим голосом ответил главной разведчице Игнал.

— Какой хороший, даже упрашивать не надо, — вставила слово Нордоза.

— Конечно, я же знаю! Если буду молчать — вы будете меня пытаться, мне уже всё рассказали! — голосом, переходящим в визг, прокричал Игнал.

— Это кто тебе сказал? — спросила Алири.

— Эти двое, что меня сюда упрятали!

— Нам вовсе не нужны твои страдания, Игнал, — серьезным голосом сказала Нордоза. — Ты должен принять ответственность за свой поступок: ты был разведчиком, и ты был пойман; нет причин сетовать на судьбу. Это может случиться с каждым из тех, кто бегаёт по чужой земле. У нас нет выбора, как и у тебя. Если будешь молчать, то вынудишь нас пытаться тебя, ибо нам нужны твои слова, чтобы уберечь наш прайд; если ты всё расскажешь сразу, то не будешь страдать. Уж такова судьба.

— А потом вы меня убьёте! Разве не так? Разве не так? — мотал головой Игнал, смотря то на Нордозу, то на Алири.

— Мы подумаем, не малодушничай. Думаю, ты останешься жив.

— Как тебя зовут? — спросила Алири.

— Я же говорил. Меня зовут Игнал.

— Откуда ты?

— Трайб Венгари.

— Чем ты занимаешься в нем? Ты разведчик?

— Нет, я из высокого рода Лаас. Чем занимаюсь... ничем таким не занимаюсь. А мое полное имя — Игнал Лаас-на, — необычно торжественно произнес пленник. Нордоза с Алири переглянулись. Шаана хихикнула, но тут же перевела взгляд вниз, уняв смешливость.

— Что ж, Игнал Лаас, перейдем...

— Не Лаас, а Лаас-на, — поправил ее Игнал.

— А почему в конце добавляется «-на»? — изъяснила любопытство до сих пор молчащая Шаана. Игналу понравился ее голос — мягкий, слегка вкрадчивый. Он попытался повернуться, и это как-то удалось. На него смотрела красивая молодая львица; Игнал сразу отметил ее взгляд. Не такой, как у всех, вовсе не такой, а осо-

бенный... Но что в нем такого, ответить себе не мог. «Наверное, она... очень добрая!», — подумал он; от этого потеплело внутри. А вдруг всё обойдется?

— Такова древняя традиция: к имени рода для львов добавляют «-на», для львиц «-ла», — помедлив, ответил он, и обернулся назад.

— Интересно. Сколько голов в твоём прайде? — продолжила Алири.

— Шесть десятков и две, насколько я помню.

— Кто правитель?

— Тралис Ксардас-на.

— Хорошо. Зачем тебя послали на разведку?

— Я не должен был идти, — в голосе Игнала звучали нотки извинения и оправдания. — Мне предложил пойти отец, а я согласился, хотя никогда не ходил на такие дела. Для этого у нас есть авир... Ну, это... Группа львиц, и несколько львов. Просто есть традиция: все львы высокого рода должны побывать в каких-то боях, походах или еще там что... Ай, шакал! — зашипел Игнал. — Лапы уже до крови истерлись!

— Потерпи. Мы потом ослабим твои путы. Если будешь хорошо себя вести.

— Я буду, честно, — закивал он.

— Сколько вас было?

Игнал медлил с ответом. Он думал, что солгать, и никак не мог придумать.

— Был я, и со мной еще львица.

— Врёшь! — резко и зло прорычала Алири. — Мы всё знаем, кто еще был?!

— Вы поймали их?! — не сказал, а провизжал Игнал, подкупившись на такой дешевый приемчик.

— А ты как думал?! Имена всех, быстро! Будешь лгать — испытаешь на себе наш красный порошок!

Игнал испытывать порошок вовсе не хотел.

— Не надо, не надо! Со мной была Ранавалона, а еще была Кизура и Тамека, а больше никого, честное слово!

— Запомни, Нордоза.

— Запомню, запомню.

Игнал забеспокоился.

— Что вы с ними сделали?

— С ними всё хорошо, — ухмыльнулась Алири.

— Где они?

— Скоро ты их увидишь. Каковы цели разведки?

Тот начал спешно и сбивчиво рассказывать:

— Наш трайб недавно сделал большое перемещение, вот мы и оказались у вас под носом. Всего где-то полдня ходу, может, чуть больше. Старейшины прайда и наш правитель помнили о вас, как о воинственном прайде, и когда-то давно мы были вашими соседями, но вы... но вы с нами не воевали. Нам просто так приказали, на всякий случай посмотреть, что здесь происходит, и не попадаться; а потом, если бы всё прошло нормально, наши посыльные прибыли бы к вам. Вот и всё, что я знаю. Я не интересовался всем этим, шел вроде как на простое приключение; меня просто разведчицы взяли с собой, я не думал, что всё так выйдет... — Игнал продолжил поток своих стенаний, но Алири уже его не слушала. Ей всё стало понятно, впрочем, как и Нордозе.

— Что ж, спасибо, Игнал. Ты нам очень помог.

Он заткнулся и уставился влажными глазами на Алири.

— Можно теперь их увидеть?

— Кого? — удивилась Нордоза.

— Тамеку, Ранавалону...

Он не хотел оставаться один.

— Ах, вот ты о чем. Мы понятия не имеем, где они.

Игнал понял, что его просто обманули. Ему стало страшно, ибо они могли лгать и про остальное.

— Что теперь будет?! — спросил он.

— А теперь... Шаана! — сказала Алири. — Давай сюда.

Шаана начала сильно натирать листьями маленький панцирь, чтобы они пустили сок. Его набралось довольно мало.

— Что вы делаете?! Что вы делаете?! — запаниковал Игнал.

— Давай еще листьев, чтобы наверняка, — посоветовала Нордоза.

— Нордоза, я думаю, этого хватит, — сказала Шаана. — Точно хватит.

— Дай еще немножко, на всякий случай, не повредит. Нет, еще! Лучше побольше, для верности.

— Как Нордоза скажет.

Игнал подумал, что его наверняка убьют каким-то изощренным способом. Из-за этого он начал пытаться вырваться из пут, но они оказались очень крепкими. Из-за злого бессилия начались жуткие ругательства для того, кто сделал эти веревки — его род яростно проклинался и сулились ужасные кары.

— Заткнись! — сказала Алири и зарычала.

Но тот уже унять не мог.

Когда всё было готово, Шаана осторожно взяла панцирь в зубы, и подошла к воюющему с веревками Игналу.

— Держите ему нос, перекройте дыхание.

Нордоза и Алири попытались это сделать, но Игнал изо всех сил сопротивлялся, и не давал зажать себе нос, и даже пытался укусить их. Напрасно Алири говорила, что они дают ему снотворное, — не верил.

— Приложи ему листья к морде, он успокоится, а потом зальем сок, — предложила Алири.

— Так нельзя, — ответила Шаана, — листья идут после сока. Иначе он может захлебнуться и задохнуться, засыпая.

— Пей, тебе говорят! — начинала выходить из себя Нордоза.

— Пошла ты! Я так просто не умру! — вопил Игнал.

— Шаана, беги по кого-нибудь из львов, — сказала Алири.

— Зачем, Алири? Мы ведь обещали, что он не будет страдать, правда? Львы сначала будут долго его мучить, а потом прогрызут шею, и так убьют. Игнал, посмотри на меня, — так же мягко, даже нежно, вкрадчиво, говорила Шаана, — лучше ведь просто это принять и так незаметно, без страданий, отойти. Зачем мучение в жизни...

Игнал притих и начал слушать, глядя на нее.

— ...Игнал, посмотри мне в глаза, в левый глаз. Видишь ты? Дай мне свой нос, и открой рот, и всё кончится быстро, ты не заметишь. Обещаю я, что не будешь страдать, совсем не будешь, боли не будет, уже никогда не будет... — вдруг Шаана ловко схватила его левой лапой за нос, Игнал инстинктивно и покорно открыл рот, смотря на нее. — Тихонько, будь умницей, не противься судьбе, в этом нет смысла...

Правой лапой она взяла панцирь, и напоила его содержимым, которое он и проглотил. Тут же взяла листья, с которых добывала сок, и приставила ему к носу. И начала держать.

— Мама, мама, всё, мама... — шептал Игнал, и из глаз покатились слезы.

Через несколько мгновений он уже спал. Алири заулыбалась.

— Молодец, Шаана, ловко ты его.

— Спасибо. Да с ним было несложно...

— Сразу видно — вот она, ученица Шелли, — добавила Нордоза.

Шаана начала смущенно дергать хвостом из стороны в сторону.

— Как таких жалких львов земля носит? Не могу понять. Зачем так цепляться за жизнь, которая и так мимолетна, как сон в летнюю ночь? — задумчиво сказала Алири.

Нордоза ослабила путы на лапах Игнала, чтобы не застоялась кровь, и все трое ушли из кладовой пещеры к Таару.

**

Таар отдыхал в своей пещере, положив голову на передние лапы и прикрыв глаза. Очень хотелось спать, но нельзя — ждало еще много дел; поэтому таким способом он восстанавливал силы. Уже вечер, солнце катится к закату. Таар ждал, когда к нему придет Алири и расскажет, что же она узнала от Игнала; еще он ждал на Киррена, одного из старших львов в яскарле Харлана и хорошего друга его отца. Именно он заменял собой ярла, и его слушались намного охотнее, чем Харлана. Пока никто не приходил, и Таар был раздосадован этим. «Если сейчас никто не придет, я так и засну...», — подумал Таар. «Нужно еще с Элайшей поговорить, как там дела с охотой... Завтра напишу письмо Кигали... В Хартланд... Дам знать о здешних новостях с разведчиками, еще можно дать весть веларийцам, давно от них ничего не слышно... Завтра решится. Проклятье, не помню, как там с посылными, всё ли нормально, и кто может пойти. Нужно их вызвать, но это завтра, завтра. Не забыть бы... Нет, не забуду, ведь всё равно письмо напишу... Сколько дел, сколько дел...».

Он не заметил как зашла Элиада. Она погладила Таара по голове и лизнула в щеку. От этого он очнулся.

— А, это ты, Эли...

— Устал?

— Я уже всё. Мне нужен долгий-предолгий отдых, — зевнул Таар. — Эли, слушай, я совсем забыл. Мне нужна Элайша, скажи пожалуйста кому-то, чтобы ее вызвал...

— Тебе она зачем?

— Как там охота, распорядок, всё ли хорошо, никто не болен ли, и...

— Я уже с ней говорила, всё нормально. С распорядком тоже никаких проблем, никто не болен. Только беременная Тайша уже не может ходить на охоту, но это мелочи, ее заменили. Не беспокойся. Я же занимаюсь этим.

— Хорошо. Спасибо. Ты у меня самая лучшая.

Она ничего не сказала, только продолжала его гладить.

Таар снова прикрыл глаза. «Почему я так устаю? Сплю вроде бы нормально. Где же Алири? Нужно что-то решать с этим Игналом... Да, не забыть собрать сейчас прайд. Может, на общем сборе и спросить, что с ним делать? Нет, не надо. Просто поставлю в известность...».

— Эли?

Он открыл глаза. Ее не было — не заметил, как она ушла.

— Проклятье. Совсем старым дураком стал, что ли?.. — пробормотал Таар.

— Пап, нехорошо ругаться.

— О, привет, Шади, как дела? Извини, это я так.

Это дочь Таара — Шадири. Она еще совсем небольшая.

— Ладно, папа.

— Что это ты с собой принесла? — привстал Таар.

— Писать буду. У меня получается... не очень хорошо. Очень трудно! Шелли сказала тренироваться.

— Так уже темно.

— Я завтра. Пап, я сейчас приду, — сказала Шадири, и пошла к выходу пещеры. — Кстати, к тебе Алири, Шаана и Нордоза идут.

Таар встал, отряхнулся от пыли, привел себя в порядок. Зашли все три львицы.

— Ну, что там? — полюбопытствовал Таар и сел.

— Сейчас, Таар... — сказала Нордоза. Она вздохнула, повела ушами, и спокойно пересказала, что ей поведал Игнал.

— ...это всё.

— Отлично, — встал Таар и начал ходить кругами по пещере, — отлично! Теперь мы хоть не знаем всё, но это уже хорошо.

— Что с ним делать? — повела ушами Алири, внимательно следя за дренгиром.

— Он нам не нужен. К тому же он безобиден, как теленок. Отпустим.

— Кстати, Шаана хороша. Умело его усыпила, мы даже не ожидали, — добавила Алири.

Таар подошел к Шаане, и начал легко гладить ее по голове, приговаривая: «Наша Шаана такая умница, просто умница, обязательно расскажу Шелли и Нарре». Шаана не знала, куда ж себя деть от смущения. Таар явно пребывал в хорошем настроении. Вдруг он сделал серьезный лик, и нарочито строгим голосом спросил Шаану:

— Почему ты не мурлычешь, Шаана?

Шаана растерялась, и ответила:

— Не знаю, мой дренгир.

Таким же голосом Таар сказал:

— Когда гладит дренгир, полагается мурлыкать! — и заулыбался.

Шаана замурлыкала, Алири и Нордоза прыснули.

— Что это на тебя нашло, Таар? — спросила Алири. — Хватит пугать нашу Шаану. План действий?

— План действий? — переспросил Таар. — План действий — таков! — он перестал гладить Шаану, вышел из пещеры, и пошел к камню-возвышению около нее. Вскрабкавшись на него, он четыре раза сильно и протяжно прорычал, что означало общий сбор на главном месте прайда. Все, кто не на охоте и не на обходе, начали стекаться к месту сбора. Таар сошел с камня и пошел назад к пещере.

— Что ж, хорошо. Сейчас буду решать, что дальше. Спасибо вам, особенно тебе, наша юная шамани.

Шамани называют тех, кто занимается знахарством, целительством и прочими вещами, связанными с этим. Шаана — ученица Шелли и Нарры, а они — шамани прайда Юнити. В самом прайде многие знают толк в целительстве вообще, особенно львицы; но только шамани владеют этим в совершенстве. Также они единственные владеют определенной силой, совершенно непонятной для других, поэтому их уважают и побаиваются.

Трое львиц слегка раскланялись и ушли к остальным на главное место прайда. Пришли Эли и Шадири. Дочь спросила:

— Что такое?

— Сейчас услышите, — ответил Таар.

Когда все собрались, Таар снова вылез на камень, и посмотрел на тех, кто пришел. Поскольку это обычный сбор, каждый стоит или сидит как хочет, но ярлы, помощники дренгира, хозяйки охоты находятся ближе к Таару, чем остальные. Также здесь есть львята.

— Братья и сестры, — Таар поклонился, прайд поклонился в ответ, — сегодня случилось следующее... — он рассказал о сегодняшнем происшествии, похвалил Ашади и Таву, также, в общих деталях, рассказал о результатах допроса Игнала, и еще раз отметил Шаану. Ярлам приказал усилить обходы (львы, в большинстве молодые, разочарованно вздохнули). Потом попросил, чтобы к нему пришли Таву, Киррен, а также ярлы Сигис и Харлан. Затем объявил, что сбор окончен, и сошел со скалы.

Все принялись бурно обсуждать новости.

Таву сидел в компании из шести львов — Ашади, Тарны и еще четырех, уже постарше. Он собрался идти к дренгиру, а Ашади с Тарной начали над ним подшучивать:

— Слышал? — начал Тарна. — Таву вызывают, а тебя нет. Это же несправедливо! Хотя есть объяснение.

Остальные с интересом слушали.

— И какое, Тарна? — с деланным удивлением спросил Ашади.

— Дай-ка подумаю, — наморщил лоб Тарна, и почесал за ухом. — А, понял! Только Таву может учуять львицу за сто прыжков в кустах, — и все засмеялись.

— Да идите вы... — беззлобно сказал Таву.

— Это еще вопрос, — сказал Ашади. — Учужал он львицу, а поймали-то мы льва. Так кто сидел в кустах? И когда это он наострил нюх на львов?

Все снова засмеялись. Таву, уходя, сказал:

— Так, я сейчас вернусь, и я вам не завидую.

Они сидели, смеясь дальше, а Таву пошел к дренгиру.

По прибытию он увидел, что все, кого вызывали, уже собрались. Сидел всегда спокойный, степенный и невозмутимый ярл Сигис, которого подчиненные просто обожали за простоту и смелость. Сигис ничего не боялся, отличался в борьбе, несмотря на возраст, и никого из подчиненных не обижал. Сидел здесь и худощавый, с темной гривой и со всегда злобными глазами Киррен (на самом деле у него доброе и мягкое сердце, но он успешно старается это скрывать); впрочем, Киррена тоже любят, также все знают о его большой неприязни к Харлану. Он одним из первых заметил, что из него ярла не выйдет, и в свое время, еще молодым, пришел к отцу Таара, чтобы сказать всё, что думает о Харлане, тогда еще не ярле; за это он получил большой нагоняй, и Таар всегда жалел, что отец тогда не прислушался к Киррену, этому, несомненно, льву прайда и бойцу до мозга костей. Был здесь и сам Харлан, лев с жидкой гривой цвета выгорелой травы, толстоватый, с ленивыми и безучастными глазами, и немного комичный в повадках; о нем невозможно подумать как о ярле, увидев его впервые. Скорее, как о некоем лежебоке при конунге.

Таву ощутил, что ждут именно его, и нужно заспешить.

— Мой дренгир, по твоему... — начал он.

Таар поднял лапу, остановив ненужные слова. Все выстроились полукругом вокруг Таара, ожидая, что же будет.

Он медлил. Потом неожиданно приказал стоящему рядом с ним льву Халнасу, который сегодня был порученцем дренгира:

— Еще Дальвара ко мне.

Халнас молча устремился искать Дальвара.

У Халнаса еще с детства кличка «Хасан»; очень часто его звали только по кличке, и он к этому привык. Хасан маленький ростом, с рыжей гривой в темных пятнах, с черным кончиком хвоста. Он круглый сирота: отец и мать полегли в бою с горными львами-северняками на северо-восточной границе Союза, последнем и для Союза, и самих северняков за прошлые десять лет. После этого северняки затаились в горах надолго. Его воспитали тетки, сестры матери. Хасан — отчаянный лев, смело ходит в разведку и в рейды на отлов чужаков на границах, а еще он всегда выходит сухим из воды. Он будто заговоренный: ни в состязаниях по борьбе, ни в немногочисленных боях он ни разу не получил серьезного ранения. Еще он знает множество всяких шуток и анекдотов, умело ориентируется на территории Союза наравне с дренгиром, ярлом, ведущими (так называют знатоков местности в Союзе) и разведчицами.

Таву забеспокоил. Он понимал, что всё действие непосредственно касается его, и из-за этого становилось неудобно.

Хасан быстро нашел Дальвара, и они вместе прибыли к Таару. Таар хотел было начать разговор, но Дальвар заметил Таву, и вдруг вышел вперед:

— Разреши, мой дренгир, сказать слово.

Таар кивнул. Он этого не ожидал.

— Братья! Я виноват в следующем: использовал власть для того, чтобы расправиться с Таву, по личным мотивам; и это было несправедливо. Я выгнал его из своего яскарла, и переместил в яскарл Харлана, чтобы унять его с глаз долой. Прошу всех быть свидетелями того, как я приношу свои извинения Таву здесь и сейчас, — Дальвар начал смотреть Таву прямо в глаза.

Таву знал, каким должен быть ответ, но от неожиданности чуть растерялся.

— Я принимаю извинения Дальвара и не держу на него никакого зла, — ответил он. Потом, по традиции, он должен протянуть лапу первым; что он, испытывая неудобство, и сделал. Шутка ли — перед тобой извиняется ярл, твой бывший ярл...

Дальвар и Таву хлопнули по лапам, потом встали на свои места. Сигис не выдавал ни удивления, ни даже заинтересованности — просто спокойно сидел. Киррен, ничего не понимая, смотрел то на Таара, то на Таву. Только Харлан молвил:

— Не знал, что Таву попал в мой яскарл.

Дальвар в свое время поленился пойти и сообщить Харлану, надеясь на то, что Таву доложит сам. Это его обязательство, поэтому Дальвар смело воспользовался этим. И не пошел.

— Разве ты не доложил Харлану о своем перемещении? — спросил дренгир Таву.

— Я доложил, мой дренгир. Не понимаю, почему ярл Харлан так говорит, — сказал Таву, действительно не понимая.

«Вот проклятье, даже не помнит, как я к нему приходил! И я теперь в его яскарле! Может попроситься назад к Дальвару? Впрочем, нет, проситься не буду. Так уж точно не пойдет...», — думал Таву.

Тем временем Харлан имитировал припоминание:

— Он вроде бы... приходил. Да, вспомнил. Приходил.

Таар укоризненно сказал Харлану:

— Нельзя так с подчиненными, нужно помнить.

Теперь Таар не знал, как поступить. Признание Дальвара, несомненно, хорошая вещь, но оно расстроило все планы Таара. Он хотел переместить Таву с яскарла Харлана к Сигису, причем с треском, при всех. Особенно он хотел показать это Дальвару; Таар сам до конца не понимал, почему — наверное, в целях перевоспитания. Вопрос теперь стоял в том, куда деть Таву — то ли назад к Дальвару, то ли к

Сигису. Таар задумался. Вспомнив слова «Если его вернуть назад, подумает, что запрет уже не в силе...», дренгир решил всё же переместить Таву к Сигису. Он понял, что внешне конфликт вроде как исчерпан, но на самом деле — вовсе нет. Таву всё равно снова придет к Ирише (Таар в этом был уверен), ее отец узнает, а потом история снова повторится.

— Итак. Харлан! Таву больше не в твоём яскарле. Сигис — принимай Таву, думаю, тебе такие нужны.

— Нужны, мой дренгир, — сказал Сигис хрипловатым голосом. Сигис имеет уникальный голос. Многие львы отдали бы что угодно ради него; прикажи Сигис прыгнуть со скалы — весь яскарл бы и прыгнул, такая в нём сила.

Таву возликовал в душе оттого, что не остался в яскарле Харлана.

— Дальвар — это был правильный поступок настоящего ярла, спасибо тебе. Можешь идти.

— До свидания Таар! — попрощался он и быстро ушел.

— До свидания. Таву, Харлан и Сигис — вы также свободны.

Все трое, попрощавшись, ушли. Сигис и Таву отошли в сторону, чтобы обсудить новость. А Таар и Киррен остались наедине. Таар не спешил говорить и всё думал. Начал Киррен:

— Для чего мой дренгир меня вызвал?

Киррен подозревал зачем, но не был до конца уверен.

— Харлан, мой друг Киррен. Харлан. Это проблема прайда, ты согласен?

— Вполне, мой дренгир. Так считает весь яскарл. Так не может больше продолжаться.

— Есть выход из ситуации: я решил, что всё-таки нужно воспользоваться им...

— Я вот что скажу, — начал говорить Киррен, как только Таар умолк, — Харлан сам по себе, в принципе, неплохой лев. Да, с ленцой и странностями, но это, по большому счету, ерунда, я считаю, и нас не касается. Он просто лъвёныш из Хартланда, который попал сюда по ошибке. Так уж случилось, что яскарлом он командовал в мирное время и в настоящий бой — настоящий! — ни разу с ним не ходил. Да с ним бы никто и не пошел. Сначала для молодых настало раздолье — он просто забыл о яскарле. Никаких занятий, ничего. Потом опомнились, все до единого, даже самые ленивые. Таар, ему место в главном прайде Союза, а его давний каприз — получить яскарл — это лишь каприз; я уверен, он ему уже надоел. Ему всё равно, где быть — или в Юнити, или в Хартланде — лишь бы быть кем-то. Ему нужен статус, а не яскарл. Пусть тогда идет в свой Хартланд, откуда пришел...

Таар подумал, что Киррен умеет читать мысли. А тот всё больше распалялся; вообще Киррен вспыльчивый и нервный по характеру.

— ...я знаю, что это просто отвратительно. Никто с ним нормально не общается, но он настолько слеп, что даже не замечает этого!

Он закончил. У Таара вдруг возник вопрос:

— Почему же вы раньше ничего не делали?

— Как ничего? — удивился Киррен. — Я тебе уже это говорил, и не только я...

— Вы могли выдвинуть ему недоверие.

— Никто из нас не знал, как ты к такому отнесешься. Это же серьезно — недоверие, разбирательства, туда-сюда. Решения дренгиров не обсуждаются, понимаешь... Ты же однажды назначил его ярлом, когда он пришел со столицы.

— Я выполнял волю отца. А его, в свою очередь, просил отец Харлана. Ничего о нём я не знал. Пока разобрались, что к чему... — Таар закрыл глаза и устало потер нос.

— Знаешь, в прайде говорят, что это было самым худшим твоим решением за всё твоё правление. Ярл из чужого прайда — это совсем неправильно.

Таар задумался. Осмотрелся по сторонам, потом вылез на камень, и в раздумьях немного посидел там.

— Дела... Завтра выдвигайте недоверие, если считаете нужным. Я даю добро, хотя вы сами давно могли это сделать. Обязательно постройтесь, вызовите Харлана, чтобы он присутствовал, и всё сделайте, как надо. Будут три четверти — он больше не ярл, как ни крути. Возможно, он будет протестовать, но это ничего. Я буду неподалеку. Сразу посылай за мной в таком случае. Хорошо?

— Да.

— Предупреди сейчас своих. Только молчите, ничего не должно быть известно раньше времени.

— Предупрежу.

— Такое решение будет лучше, чем я просто сниму его с ярла. Ничего не нужно будет объяснять, всё и так будет ясно.

— Конечно.

— Отлично. До свидания.

— До свидания, мой дренгир.

Таар пошел в свою пещеру, и сразу лег спать.

**

Следующим утром был собран весь яскарл Харлана на месте сбора прайда. Никого не нужно было особо приглашать на такое действие. Киррен сказал одной из львиц сбежать за Харланом. Все в ожидании ярла легли на землю и начали вполголоса обсуждать, кого же дренгир назначит ярлом в этот раз. О том, что Харлан удержит статус, не было и речи — всё не в его пользу. Еще обсуждалось, как же они могли целых два года держать его в ярлах; оправдывали это тем, что назначения дренгиров обсуждать не привыкли. Кроме того, все любили и уважали Таара, и не хотели выказывать недовольства его решением.

Пришел Харлан, заспанный, расстроенный тем, что так рано разбудили. Увидев, что весь яскарл собрался на площадке, он насторожился, но ничего не заподозрил. Не заподозрил до самого последнего момента. Неожиданно Киррен вышел наперед и сказал:

— Кто против того, чтобы Харлан оставался ярлом для нашего яскарла, пусть тот сделает три шага вперед. Кто за — пусть стоит на месте.

Киррен специально задал вопрос таким образом, чтобы никаких сомнений ни у кого не возникло — кто против, тот должен делать три шага вперед.

Вышли наперед все. К чести Харлана, он не стал кричать, угрожать или бесноваться — он просто растерялся, и таким же растерянным голосом, как и его взгляд, сказал:

— Принимаю волю яскарла. Я больше не ваш ярл.

И молча ушел. Многие не ожидали, что Харлан так себя поведет и выдержит удар, поэтому все решили, что он таким образом реабилитирован, как личность. Харлан сам ушел доложить Таару. Тот с нетерпением ждал результатов, поэтому ходил кругами неподалеку, на своей скале. Харлан доложил и сразу же изъявил желание покинуть прайд и перейти в Хартланд, что стало неожиданностью для Таара. Дренгир уговаривал его остаться и говорил, что причин для ухода нет; но бывший ярл оказался непреклонным, и Таар не стал настаивать. Для него была не совсем по-

нятной такая спешка Харлана уйти из прайда сразу в Хартланд. Кроме того, он ведь был не сам, а со львицей и тремя львятами — его детьми.

Харлан попросил три дня для подготовки, и Таар согласился.

В полдень пришла охотничья группа Нордозы, которая ушла рано утром, и узнала новости в прайде. Многие отправились на обед. Алири в это время решила посмотреть, как там чувствует себя пленный узник.

Она не обнаружила Игнала на месте и ужаснулась, но ее успокоил подбежавший сторожевой — оказывается, его отвели двое львов на водопой. Игнал, как только его освободили, ходить не мог — слишком сильно затекли лапы. На реку его отнесли на спине; Алири увидела его уже по дороге назад — он хромал, стонал на каждом шагу и казался очень слабым.

— Здравствуйте, Алири! Ну, ты, здороваться не надо, что ли? — сказал Хали, один из сторожевых.

Видимо, с Игнала смеялись всю дорогу — он затравленным взглядом посмотрел на сторожевых, и неожиданно сказал:

— Здравова, Алири!

— Здравова, Игнал, — засмеялась Алири, и сторожевой слева — это был Хасан — легко пнул лапой Игнала в левый бок. Тот, корчась, упал.

— Зачем ты его так? Помрет же. Он буквально понял: поздороваться так поздороваться, — молвила Алири.

— Он притворяется. Ничего ему не будет.

— Смешной тип. Мы от него такого наслушались — внукам сказки будем рассказывать, — улыбался сторожевой справа, — «Я из самого высокого рода в нашем трайбе. Стоит только махнуть хвостом — все тут же...», — продолжал он. Хасан зашипел на него:

— Не сейчас, Алири же рядом. Не при ней.

— Ладно, мы его отпустим. Пусть катится куда хочет, — объявила Алири и собралась уходить.

Хасан поглядел на всё еще лежащего на земле Игнала, и сказал:

— Алири думает, что он сможет идти. Но боюсь, он какой-то очень слабый, и валится с лап. Говорит, в голове шумит и спать хочется. Пока дотащили до водопоя, намучились. Не видел еще никого, на кого бы так веревки действовали.

«Снотворное...», — подумала Алири. «Всё-таки Шаана правильно говорила, что хватит, а Нордоза — давай еще, давай еще... Теперь возись с ним».

— Тогда тащите в пещеру, пусть очухается, что тут поделаешь.

Алири решила на всякий случай позвать Шаану. Она не знала, что с ним дальше делать.

— Сейчас Шаана будет, ждите тут.

Львы потащили его к пещере и уложили пленника. Хасан заметил, что тот уже успел заснуть.

— Смотрите, да он уже спит! В жизни не видел такого!

— Хасан, ты еще много чего не видел. Наверное, сон-травы подсунули, — с уверенностью произнес Хали, — вот и улетел.

— А зачем ему сон-трава? — сказал Кисасин, самый младший из трех сторожевых.

— Чтобы ему слаще спалось, Киса. А что ж тут такого — пусть себе поспит на здоровье, нам что, жалко. Отоспится, так сказать, от трудов праведных... — ляпнул Хасан.

— Это чтобы можно было веревки ослабить, и он спал в ослабленных веревках и не рыпался. Если не ослабишь, он может стать калекой, вот так вот, — объяснил Хали.

— Ладно, ну его всё. Я сейчас приду, туда и назад, — сказал Кисасин и тут же ушел.

Хасан посмотрел на Хали. Они, не сговариваясь, вышли из пещеры и легли у входа. Воцарилось молчание. Вдали, под большим баобабом, играли маленькие львята, а за ними наблюдали несколько взрослых львиц.

— Смотри, Хасан, там Ланна, среди детей, видишь?

— Ну? — спросил Хасан, не поднимая головы и не открывая глаз.

— Я кое-чего вспомнил, сегодня утром было. Ты вот знаешь, почему из нашего яскарла Дальвар изгнал Таву?

— Нет, — поднял голову Хасан. — Никто не знает. Сам Таву молчит, как его ни дергай. Непонятно. То ли он сильно где-то оступился, то ли еще что. Дальвар тоже в молчанку играет.

— Слушай сюда, только попрошу, чтобы ты никому не рассказывал, ладно? Я тебе только по одной причине это говорю — наш давний спор.

— Не вопрос. Только какой спор, не помню?

— Помнишь, я тебе как-то говорил, что как Ириша вырастет, то ее папаня будет трястись над ней, как не знать над чем?

— Ну... Помню, — недоумевая, сказал Хасан.

— Ты еще говорил, что всё это ерунда.

— Ну, да.

— Ты сдул. Проиграл.

Хасан задумался. Потом повел ушами, поднял лапу и сказал:

— Погоди, стой! Не понял. Значит...

— Слушай сюда. Короче, утро, все львицы на охоту ушли. Ну, я просто в Холодную пещеру зашел, дай-ка, думаю, зайду, может кто остался. Слышу: кто-то ревет, как слон, в дальнем углу, я сначала решил не смотреть, ну мало ли чего. Потом передумал, прихожу, и вижу: стоит Ланна и успокаивает Иришу, а та ревет, ручьи слёз прям. Я уже хотел уйти, но Ланна меня заметила. Ну... я извинился, спросил, что случилось. Ланна сказала, что всё нормально, но Ириша вдруг встанет, и как скажет: «Мой отец ломает мне жизнь! Он не дает мне жить!»... И еще что-то там. Ланна чуть рот ей не затыкала. Потом Ириша снова: «Мама, я так сойду с ума!». Ланна подошла ко мне и решила мне раскрыть тайну, только сказала, чтобы я никому ни слова, потому что я стал свидетелем того, чего видеть не должен.

— А ты, конечно же, тайну не сдержал, — засмеялся Хасан.

— Заткнись. Я ж тебе сказал — только ради спора. И чтобы ты молчал! Слушай дальше. Выяснилось, что она с Таву встречалась, то да сё, но папаня сказал, что он для нее слишком мелкий: она будет вострить когти на льва в Хартланде...

— Так я и знал. Всегда знал, что у Дальвара не всё в порядке с головой, — перебил Хасан.

— ...вот. И ей запретил с ним встречаться. Но Таву же приходит, ее погулять тянет. Ну, она не против, хоть и запрещают. Но потом было такое: Дальвар их застукал вместе, ну вроде того, не знаю точно; он просто сбесился от такой наглости Таву, и ее непослушания. Иришу погнал домой, ему сказал к ней не подходить и катиться куда подальше. Таву, понятно, просто плюнул и сказал, что он больше ему не ярл. А Дальвар, вместо того, чтобы разобраться, как лев, поговорить — на следующий день погнал его в яскарл Харлана. Которого уже нет, кстати.

Хасан почесал за ухом.

— Ну что ж, плохо, что я могу сказать. Теперь Дальвар и Таву заедятся не на шутку. Помню, и отец Таву тоже в хороших отношениях с ним не был. Но я особо проблемы не вижу, если честно.

— А что так?

— Ну что Дальвар для Таву? — Хасан встал, потянулся всем телом, и снова лег. — Ну что он может ему сделать? Он уже ему не ярл. А насчет Ириши — да вон сколько львиц ходит в прайде, в чем проблема?

— Любовь, и всё такое. Ты, может, и не понимаешь, — заметил Хали.

— Вообще, лично она не в моем вкусе. Тихая такая, папки боится... дочь примерная. А мне лично нравятся такие, чтобы даже мне могли голову откусить. Так что на вкус и цвет.

Немного помолчали. Хасан перевернулся на спину: на небе не было ни облачка. Полдень, жара. Он подумал, что если они так и останутся здесь, на солнце, то скоро попросту иссушатся.

— О, Хасан, смотри. Ашади идет!

Хали показывал лапой вниз, на восточную дорогу, где на спине Ашади тащил импалу. За ним шли шесть старших львиц-охотниц, во рту каждой из них был хороший кусок мяса. Ашади помогал им нести добычу в прайд. Хасан выкрикнул:

— Ашади! Тащи это сюда! Зачем так мучиться, мы тебе поможем!

— Это для детей, — крикнул в ответ Ашади, — так что исчезни!

— На следующей тренировке я сожру тебя самого.

Ашади внизу и Хали рядом захохотали. Слишком хорошо все понимали, насколько разные категории у огромного льва, на которого почти все прайде смотрели снизу вверх, и маленького ростом Хасана.

— Слушай, Хали, Алири говорила, что сейчас наша шамани придет, а ее все нет...

— Кстати, видел, насколько Шаана стала красива?

Халнас призадумался.

— Да, раньше была такая: лапы длинные и вся в пятнах. Смешная. А теперь уж выросла, выросла... — поскреб он когтем скалу. — Всегда улыбается всем. Очень даже ничего стала. Как там, кстати, твоя Айша? — внезапно поменял тему разговора.

— Нормально, — ответил Хали.

— Не ссоритесь?

— Нет, — отрицательно покачал головой Хали.

— Что ж такое случилось, что не ссоритесь? На вас не похоже.

— Хасан, чего тебе надо, отстань. Ты, кстати, сам бы начал себе подыскивать пару. Вон, смотри, Шаана какая! Давай, работай.

— Кто? Я? — удивился Хасан, даже привстал. — Не, она таких как я, не любит.

— Откуда тебе знать?

— Хали, проклятье, ну ты ж не маленький! Сам всё понимаешь. Как это может быть? Я и Шаана. Вместе. Все же покатыются со смеху. Разве ей нужен глупец и безумец? Ей... нужен кто-то особенный. К ней так просто не подойдешь, разве ты не замечал? Хотя она правда добрая, но...

— Ого, Хасан, я не знал, что ты такой самокритичный, — начал подкалывать его Хали.

Халнас в ответ смолчал.

— Наконец, вот она идет... — встал Хали. — Привет, Шаана.

Поднялся и Халнас. Шаана вошла к ним, посмотрела сначала на одного, потом на второго. Потом на вход в пещеру.

— Привет. Где этот?

— В пещере, спит.

Шаана вошла внутрь, Хали и Хасан пошли за ней. Шаана надела большой амулет из трех крокодиловых зубов, единственный во всем прайде — лично он ей очень нравился; но надет он совсем не для красоты. На темно-золотистой шерсти шеи были нанесены три полосы черной глины с каждой стороны; красивые карие глаза смотрели сквозь вещи, и для них не было преград. Она выглядела внушительно.

— Шаан, можно вопрос? — спросил Хали.

— Давай, — улыбнулась ему Шаана.

— Почему ты иногда надеваешь эту штуку и делаешь полосы на шее? А иногда вообще этого не делаешь? Точнее, все вы — Нарра, Шелли, Аврина...

— Нам просто интересно, — добавил Хасан.

Шаана помедлила с ответом.

— В определенные дни нам надо это делать, — ответила она наконец, — точнее не дни, а ночи. Вообще-то, это скорее дань традиции, чем необходимость.

— А что это за дни? — любопытно спросил Хасан.

— Сложно тебе объяснить. Точнее, почти невозможно. Знание — сила, но лишь тогда, когда знаешь, что с этим знанием делать.

— Ладно, Хасан, отстань. У шамани свои дела, — сказал Хали и похлопал его по плечу.

— Извини, если что, — сказал Хасан.

— Нет, всё хорошо, — снова очаровательно улыбнулась Шаана, — а почему ты спрашиваешь? Мне что, не идет?

— Идет, идет, — два льва согласно закивали головами.

— Вот видите.

Шаана уже хорошо знала, что некоторые вещи действительно невозможно объяснить словами, как ни старайся.

Она, наконец, подошла к Игналу. Тот мирно спал на боку, громко посапывая. Пут на его лапах уже вообще не было, из чего Шаана сделала вывод, что его просто с миром отпустят. Осмотрела его со всех сторон. Хали и Хасан наблюдали за тем, что она делает. Шаана не могла понять, зачем же Алири позвала ее сюда — ведь он в порядке.

— Что с ним не так? — глянула она на Хали.

— Не знаем, просто он спит очень долго, — ответил он.

— И всё?

— Да.

— Это ничего, — сказала шамани, — всё нормально. Так и должно быть, мы его усыпили, но похоже, немного перестарались.

— Похоже на то, — ответил Хасан. — Да чего с ним возиться? Я так понял, его дренгир отпустил? Так и пусть катится, когда оклемается, куда хочет. Зря его, кстати, отпустили, что скажешь, Хали?

— Мне как-то всё равно, лишь бы он никого не трогал. Что у нас тут разведывать? Живет прайд, вот и все дела; у кого какие вопросы, пусть приходит, встретим.

— Он ведь совсем безобиден. Еще и труслив, — сказала им Шаана. — Постойте, а чего вы здесь сидите, возле пещеры?

Хасан подумал, почему же такая простая, но умная мысль не посетила его голову еще сегодня утром. Он хотел яростно стукнуть лапой о землю, или, еще лучше,

легко стукнуть Хали по голове и удрать (он приходил от этого в ярость, и неизменно начинал погоню), но сдержался — ведь здесь была молодая львица.

— Приказали, с раннего утра мы тут сменили сторожевых, — молвил Хали. — А никто, так сказать, указ не отменял. Ярл должен придти и сделать это. А Дальвар, наверное, забыл. Он все больше становится похожим на старый пенек, чтоб его...

— Ладно, я тогда пойду к Дальвару и скажу, что нам смысла сидеть нет. Киса таки не пришел, удрал. Я с ним разберусь еще, — пообещал Хасан и вышел.

Шаана и Хали остались одни. Она начала разглядывать Игнала, задумываясь, почему же снотворное дало такой сильный эффект. «Зря я послушала Нордозу... Для него это было слишком», — подумала Шаана. Всё-таки любопытная вещь: можно так усыпить кого-нибудь, дозой побольше, и не надо даже связывать; это неплохая идея...

Поскольку Шаану полностью поглотили раздумья, она не заметила, как Хали, стоя сбоку, начал разглядывать ее. Он не раз ловил себя на мысли, что ему трудно на нее смотреть, и не только потому, что она была красива и хороша. Однажды, откровенно поделившись этой мыслью с другими, он понял, что не одинок в своем смутном чувстве. Все немного побаивались шамани — нет, не обычным страхом, — а скорее какого-то рода уважением, поскольку шамани знают много, чего не дано знать остальным. Поэтому всегда, даже при подлинно дружеских отношениях, возникает некая преграда между ними, обычными молодыми львами, и нею, Шааной; это порождает ореол недосыгаемости, и львы, смелые, даже иногда фамильярные и наглые перед другими львицами, становятся робкими перед Шааной. Хали вдруг подумал, разглядывая плавные обводы ее тела, что, вероятно, она страдает от этого; никто просто так не может начать за тобой ухаживать, или даже банально пристать; хотя никто и не претит этого делать. Он подумал, что ее красота недоступна, хотя он не совсем понимал почему, — но недоступна, и тихо вздохнул. «Она шамани, не обычная львица, и поэтому с ней всё не так, как с другими...», — подумал он.

Хали увлекся, и Шаана почувствовала его взгляд. Обернувшись, и взгляды встретились. Хали смотрел в карие, глубокие, как сама бесконечность, глаза, и поймал себя на том, что оторваться попросту не может. Они смотрели друг на друга, ничего не говоря; Шаана очень легко, совсем слегка, улыбнулась, что придало еще больше тихого очарования. Хали продолжал смотреть в ее глаза, не в силах оторваться. Вдруг она чуть опустила голову, взгляда не потупив, а ее рот слегка приоткрылся. В голове у Хали возник полный хаос, он подумал, что Шаана наверняка сейчас возьмет да украдет его сознание, — ведь шамани! — и еще, что сейчас самое время сойти ума. Чтобы унять ситуацию, которая казалась ему неловкой, хотел сказать какую-нибудь ерунду вроде «Ну ладно, я пойду. Пока!», но вместо у него вырвалось настолько искреннее, что даже испугался:

— У тебя до безумия красивые глаза...

Шаана так же продолжала смотреть на него. Вдруг она улыбнулась своей очаровательной улыбкой, которой одаривала всех, и отвела взгляд. Ее хвост начал нервно биться о землю, уши прижались — верный признак смущения. Шаана была от природы стеснительной, и многие почему-то считали это продуманной актерской игрой, хотя на самом деле всё было не так.

Совсем не так.

— Спасибо, Хали.

Хали вернулся в прежний мир. Он смутился еще больше, чем Шаана, и чувствовал неловкость, как львенок, признавшийся в любви. Выдавил из себя:

— Ну, я пойду... наверное.

— Давай...

И Хали быстрым шагом покинул кладовую пещеру, вышел на солнце и подумал, что с ним, уже взрослым львом, имеющим львицу, вместе с которой он совсем скоро произнесет клятву, такого еще не было. Он вел себя как львенок, — она, Шаана, миг превратила взрослого, гордого и сильного льва в беспомощного львенка, которого поглотили эти глаза не из этого мира. Разве с остальными львицами такое может быть? «Нет, конечно», — подумал Хали. Шамани. Они чем-то владеют. Влюбиться в такую — опасно: утонешь в бесконечности... Но, наверное, насколько потрясающе! Хали вспомнил присказку своего деда, который любил говорить о трудном или невыполнимом такими словами: «Это птица не твоего полета!». Хали подумал, идя вниз со скалы к месту сбора, что именно эти слова хорошо отражают суть всего этого. Она — птица не его полета.

Но тогда чьего?

Шаана проводила взглядом удаляющегося Хали и вздохнула, убедившись еще раз, что между ней и львами прайда существует нечто. Это нечто, что заставляет их робеть перед нею, и даже бояться. Шаана уже спрашивала об этом Шелли и Нарру, своих наставниц, и Шелли объяснила ей, что такова судьба молодых львиц-шамани — они притягивают львов к себе, но в тоже время львы боятся их — их глаз, знаний, внутренней силы; поскольку это для них — слишком. Шелли тогда обрадовала ее тем, что есть и такие, которые ничуть не боятся, именно они — лучшая пара для шамани; такие львы отличаются от всех остальных, говорила Шелли, они сами рождены с талантом к тропе шамани, и иногда ими становятся; они с рождения на короткой лапе с силой, хотя сами этого не осознают. Нарра же добавила, что очень хорошо, если такие проблемы имеют место; но в чем позитив, она не объяснила.

Шаана поделилась своими затруднениями с двумя другими ученицами, по возрасту такими же, как она — Авриной и Иримэ. Но они весьма удивились, ответив, что они вовсе не наблюдают подобных вещей, хотя они — тоже ученицы-шамани. Это было похоже на правду; за Авриной ухлёстывали аж двое (и Аврине это очень нравилось, хотя она всегда напоказ сокрушалась, что не знает, куда ей деваться), и постоянно ссорились и даже дрались за нее; Иримэ же с раннего детства дружила с Ашади, и так же плавно их дружба при взрослении переросла в любовь. Все говорили о них, как об идеальной паре — большая, высокая, и немного мрачная, с волевой мордой Иримэ была хорошей спутницей жизни для огромного и такого же мрачного Ашади. Аврина даже с ехидцей молвила, что ни разу не замечала того, что «...львы бегут и боятся меня, в отличие от тебя, Шаана...». Растерявшись, Шаана хотела спросить самих Шелли и Нарру, были ли у них подобные проблемы в молодости, но постеснялась.

Посмотрев на Игнала еще раз — тот мирно посапывал, и похоже, не собирался просыпаться в ближайшем будущем — Шаана вышла на солнце. Вспомнила, что после обеда обещала заменить Айшу на охоте. Поскольку солнце уже перевалило за полдень, она заспешила к месту отдыха на Северных скалах, где на камнях любил погреться весь прайд.

**

— Ириша!

Таву наконец нашел ее этим вечером. Строгий отец Дальвар запретил Ирише ходить где-либо по ночам, и вообще теперь она должна спрашивать разрешения, чтобы пойти куда-то. Ланне это не нравилось и она упрашивала своего льва не делать этого, но Дальвар упорствовал. Ириша воспитана как хорошая дочь, она всегда слушается родителей — и не смела ослушаться и сейчас. В то же время ее младшие

сестренка и брат могли идти, куда желали; и Ириша часто плакала наедине, и не только из-за того, что не могла действовать, как вздумается, но еще, конечно же, потому, что не могла видеть Таву.

Мимолетное предчувствие задержало Иришу сейчас у водопоя: все уже ушли, а она — всё еще там. Она смотрела на свое отражение, потом на закат, потом снова на себя — и охватывали волны тоски. Вдруг расхотелось жить, и мир казался изрядной гадостью и несуразицей.

Она резко обернулась на голос, который сразу же узнала. К ней шел Таву, улыбаясь так, словно увидел нечто невероятное веселое; Ириша осмотрелась по сторонам — ей казалось, что отец наблюдает за ней, и если увидит, то это будет более, чем ужасно. Но Таву, видимо, нипочем строгие отцы и их запреты. Смело подошел к ней, коснулся кончиком носа ее мордочки, и вдруг начал вылизывать ее за ушком. Он всегда вот такой, нежный. Ириша даже не осознала, как начала глубоко мурлыкать.

— Таву...

Он оторваться не мог. Закрыв глаза, он продолжал вылизывать ее, как маленькую.

— Таву...

Посмотрев на нее, он спросил:

— И почему твой отец так против? Ничего не могу понять, Ири. Ничего. Что он во мне увидел плохого? Если знаешь, пожалуйста, скажи мне.

— Мой Таву, дело не в тебе, я уже это говорила раньше. Совсем не в тебе... Отец говорит, что мне нельзя заводить отношения со львами в прайде.

— Это же глупости!

— Да... Он говорит, что скоро меня отправит в Хартланд, что там мне следует найти «хорошего льва», как он твердит. Но зачем? Зачем мне это, Таву, я не хочу... А он говорит, что я не понимаю! Я не хочу покидать родной прайд, не хочу покидать тебя!

— А что мама?

— Кажется, она мне сочувствует. Но не смеет идти против воли отца. Таву, мой Таву, мне так трудно! — и она тихо заплакала у него на груди. Несмотря на мягкий и скромный характер, Ириша плакала очень редко — всегда сдерживалась, и поэтому Таву понял, что ей действительно очень тяжело.

— Ириша, ты никуда не уйдешь. Просто не пущу тебя, или умру, попытаюсь.

— Что ты... Не надо так...

— Пусть твой отец делает, что хочет. Я люблю тебя, и, если ты хочешь быть со мной, то пусть меня твой отец гоняет и в хвост, и в гриву — мне всё равно.

— Но как же я, Таву? Он и меня будет гонять...

Ириша не договорила. Таву не знал, что сказать — она права. Подумал, что хорошей идеей может оказаться откровенный разговор с Ланной. Может, она в состоянии повлиять.

— Я должна идти. Отец...

— Плевать. Пусть приходит сюда. Пусть увидит. Пусть убьет, если хочет, вместо того, чтобы меня швырять в другие яскарлы.

Она отстранилась от него; ее глаза — в слезах. Ириша хотела что-то ему сказать, но вдруг над саванной раздался громкий рык.

И он, и она понимали, что нужно быть сейчас внимательными — это вошло в их кровь с раннего детства. Рык стих.

— Раз... — молвил тихо Таву.

Раздался второй рык. Таву и Ириша продолжали внимательно слушать. Раздался третий рык. Они переглянулись — собрания сегодня не намечалось; обычное общее собрание обозначалось четырьмя рыками дренгира, и они стали ждать четвертого.

Но его не было. Это обозначало только одно — тревога, это значит Таву и Ирише нужно быстро бежать на место сбора, и бежать к своим, в свои яскарлы. Таву сказал:

— Побежали!

Уже на бегу Ириша ему сказала:

— Я к детям. Ты в строй?

— Да.

— Побежала тогда. До свидания, любовь моя, я люблю тебя...

Ее слова запали ему в душу. «Тогда не бойся, если любишь. Доверься мне», — подумал он.

Ириша отбежала в сторону, налево, к Северным скалам. Таву крикнул ей вдогонку:

— Не грусти!

Внезапно вспомнил: забыл рассказать, что ее отец всё-таки извинился перед ним. Но времени думать об этом уже нет.

**

К Таару прибежали двое обходящих, со своим ярлом Лагналом и помощником Таара Драланом, и сообщили, что с западной стороны к прайду приближается большая группа львов и львиц, голов двадцать. Все они идут длинной, стройной вереницей. Далеко впереди, подчеркнуто неспешно, перед колонной ступает львица — это общепринятый символ миролюбивых намерений. Но за ней шла слишком уж большая свита в двадцать голов; разве что правители ходят с такой свитой. Таар вмиг принял решение: построить всех по тревоге. Жизнь научила осторожности.

К площади стали бегом собираться взрослые львы и львицы, начали занимать свои места в порядках яскарлов; в первых шеренгах встали львы, за ними — львицы. Не все львицы прибежали на место сбора, многие из них спешно уносили детей на восток, в числе их была и Элиада, львица Таара, которая в таких случаях была главной. Посыльные же побежали за теми, кто сейчас пребывал на охоте; двое посыльных тут же стали около Таара, готовые передавать его приказы и сообщения куда угодно. Посыльные — особая каста в прайдах Союза. Это исключительно львицы, потому что они выносливее львов при долгой ходьбе и беге; самцы же, в свою очередь, сильнее и больше. Посыльные избираются в раннем возрасте, среди стройных и длинноногих львиц. Именно они переносили сообщения дренгиров и конунга, а также служили связующим звеном между членами прайда и дренгиром в боях, а иногда и в мирной жизни.

Скоро уже все, кому надо прибыть, прибыли; все разошлись по яскарлам. Таар вылез на камень возле своей пещеры, осмотрел всех. Впереди каждого яскарла уже стоял ярл. Только, с ужасом заметил Таар, не было ярла у бывшего яскарла Харлана. Сам он стоял на левой стороне строя собственного яскарла. Ясное дело. Ведь он уже не ярл, а простой лев.

Таар готов был порвать гриву в клочья: он понял, что проявил жуткую нерадивость, еще никого не назначив на должность ярла. Он отложил это на потом, хотел заняться этим завтра, но это «потом» вылезло сейчас боком — у яскарла не было главы; Таар знал, есть мало вещей хуже этой.

— Киррен!

— Я, мой дренгир! — донесся голос Киррена из строя.

Таар спрыгнул с камня, с довольно большой высоты.

— Ты — ярл. Братья и сестры, это теперь ваш ярл!

У Таара не было времени делать необходимый в этом случае совет с членами яскарла. Он просто назначил ярла, что не вослед традиции. Но иного выхода не было.

Никто возражать не стал. Яскарл поклонился и громко провозгласил:

— Готовы умереть с тобой!

Таар обошел камень и снова вскарабкался на него. Он стоит мордой на север, соответственно, все остальные обращены к югу. Вероятные враги идут с запада, по западной тропе. Наконец, все окончательно встали на места; воцарилась тишина. Все взоры обращены к Таару; он же смотрит на всех с камня, в последний раз осматривая, всё ли в порядке.

«Начнем...».

— Направо!

И быстро побежал вперед, к голове образовавшейся колонны. За ним не отставали две верные посыльные. Там, впереди, в первом яскарле, был не только ярл Сигис, но и старик Саргас, и еще Дралан. Отдельно, за этим яскарлом, находилась группа разведчиц Алири. Теперь они оказались по правую лапу от яскарла.

— Алири! Ты знаешь, что делать! — напомнил ей Таар. Она со своим отрядом должна стать за общим строем, посередине. Алири кивнула, и указала своим львицам стоять на месте.

— Пошли! — слова Таара разнеслись над всем прайдом; все двинулись вперед, навстречу опасности с запада.

Таар шел впереди, но совсем близко от своих, в отличие от идущей к ним львицы, которая выдвинулась далеко вперед, оставив друзей позади. Продвинувшись совсем немного, Таар приказал остановиться. Тотчас же яскарлы выбежали по правую и левую сторону от Таара, сохраняя значительные промежутки между собой.

Дренгир решил, что не стоит спешить раньше времени.

— Дралан, принимай прайд. Подниму правую лапу вверх — пусть строятся в широкий по четыре.

— Понял, сделаем.

Таар обратился к одной из посыльных.

— Пусть группа Алири уходит вправо-влево. Мало ли что.

Посыльная кивнула и побежала передать приказ. Ее разведчицы должны разойтись в стороны, чтобы посмотреть, не окружают ли прайд, не идет ли кто сбоку, или даже сзади.

Таар пошел навстречу одинокой львице; посыльная пошла было за ним, но он остановил. И пошел навстречу сам. Это такой своеобразный знак — сам, без никого, идет к ней, выражая осторожное дружелюбие.

Встретившись, они несколько мгновений молчали, изучая друг друга. Неизвестные чужаки, далеко за львицей, остановились. Таар также успел уйти от своего прайда на порядочное расстояние. Он отметил, что это довольно молодая, но уже не юная львица; очень правильные черты мордочки, умные глаза цвета неба. Крупные и красивые лапы. Привлек внимание и хвост — необычайно длинный, с большим кончиком. Две непонятные красные полосы на щеке. Таару львица сразу понравилась.

Львица же увидела немолодого льва, с черной гривой, среднего роста и с небольшим шрамом на щеке. Выглядел он не внушительно, но она сразу поняла — именно он здесь главный, он правитель. Определяла это по глазам. Ведь у тех, кто постоянно должен принимать решения, кто выносит груз большой ответственности — особые, немного печальные, но сосредоточенные и непреклонные глаза. Все это знала по опыту, который выразить словами не могла.

— Добро пожаловать, львица! Меня зовут Таар, — первым заговорил дренгир. — С чем пожаловала ты, и твои друзья на территорию Союза и прайда Юнити?

Львица глубоко поклонилась в ответ. Таар сделал это тоже (по правде сказать, он не любил, когда ему кланялись, и просто терпел эти традиции. И завел за правило кланяться в ответ, особенно послам), что вызвало удивление, которое отразилось в умных глазах львицы.

— Приветствую вас, правитель Таар. Я Шивисена Энталнас-ла, и прибыла сюда по приказу моего правителя, Тралиса Ксардас-на. Мы пожаловали с миром, и посчитали бы за честь провести беседу о соседстве наших трайбов, а также... — тут, заметил Таар, ее голос немного дрогнул и изменился, — ...о нашем пропавшем друге, который входит в наш трайб — Игнале Лаас-на.

— Что ж, смею пригласить львицу к себе. Там сможем побеседовать. По поводу вашего друга и разведчика Игнала — он у нас. К львице будет просьба оставить здесь своих друзей, и пойти со мной в одиночестве, или же взять с собой небольшую компанию. Еще смею задать один вопрос: есть ли тут, среди ваших друзей, львицы Ранавалона, Кизура и Тамека? Полагаю, Игнал будет весьма рад их видеть, так что именно их стоит взять с собой.

Мордочка Шивисены вытянулась, кончик ее хвоста дернулся; Таар уловил в ее глазах искры страха. Он понял, что поступил чуть нетактично, но иного выхода нет — надо показать ей, что он знает всё о том, кто и зачем приходил на разведку.

Она повернула голову назад, махнула лапой. Тотчас к ней побежала другая львица. Расстояние было довольно большое, потому, когда львица прибежала, то порядочно выбилась из дыхания — бежала очень быстро. Шивисена тихо что-то сказала ей, та кивнула, и понеслась назад. Пользуясь заминкой, она осторожно спросила:

— Позвольте задать вам вопрос?

— Пусть львица задает. Почему Шивисена говорит мне «вы», я же тут один?

Шивисена, видимо, немного растерялась.

— Так у нас принято... Это такое вежливое обращение...

— Понятно. У нас принято по-другому, мы говорим не «вы», а говорим словно о ком-то третьем. Впрочем, пусть Шивисена говорит как хочет, это неважно. Так что за вопрос?

— Что же с Игналом?

— Жив, здоров, насколько я знаю. Сейчас спит, поскольку ему дали снотворное. Если только не проснулся и не ушел.

— Куда ушел? — удивилась львица.

— Мы его отпустили на все четыре стороны. Ему дали слишком много снотворного, поэтому он спал. Ну, или еще спит. Впрочем, когда я с львицей приду в прайд, мы все увидим.

Тем временем к ним подошли три льва и три львицы. Таар сразу обратил внимание на одного из львов — он был похож на постаревшего, поумневшего и поседевшего Игнала; и Таар сделал вывод, что это, наверное, его отец. Догадку подтверждал его тревожный вид — он попросту ел глазами дренгира. Два остальных не

представляли из себя ничего особенного, две львицы были весьма молоды, а третья — уже в годах.

Таар жестом пригласил всех идти за собой и пошел в сторону прайда. Шел довольно быстро, и вскоре они оказались у рядов яскарлов прайда; Таар подозвал к себе посыльную и тихо сказал:

— Пусть Лагнал и Сигис со своими остаются здесь, присматривают за теми... — он кивнул в сторону Венгари, которые уже расположились далеко в саванне под деревьями. — Я иду на переговоры. Остальные пусть расходятся.

Отдав распоряжения, дренгир пошел было к своей пещере, но вдруг подумал, что сначала нужно отдать им Игнала — они, по большому счету, пришли за ним; Таара впечатлило, что ради одного льва пришло столько голов из его трайба; это могло означать, что он пользуется большим уважением среди соплеменников. «Хотя, — подумал Таар, — он же, по его словам, высокого рода. Наверное, отец забил тревогу. И к тому же имел достаточно влияния, чтобы убедить остальных сделать такой рискованный шаг: придти сюда, не зная, как здесь встретят...».

Поэтому Таар миновал свою пещеру, и пошел дальше. К нему по дороге присоединились Дальвар, Дралан и четверо львов из яскарла Дальвара — в их числе, заметил дренгир, был и молодой Тарна. Он известен в прайде; потомок старого и уважаемого рода, один из лучших бойцов. Хороший лев.

Наконец, они пришли к кладовой пещере, в которой хранились различные общие вещи прайда — панцири черепах, верёвки, чистые листы дерева хум и прочее. Там же, недалеко у входа, как ни в чем не бывало, продолжал спать на боку Игнал. «Как же они его снотворным напичкали...», — подумал Таар. Догадка подтвердилась: наперед выбежал тот лев, которого он принял за отца Игнала. Таар посмотрел на остальных — Шивисена спокойно, даже, показалось ему, с сожалением и снисхождением смотрела на Игнала. А две молодые львицы презрения почти что не скрывали.

— Игнал! Сынок! Ты меня слышишь? — начал трясти за лапу спящего лев. Тот поднял голову, и сонными глазами уставился на своего отца. Потом начал растерянно оглядываться, чтобы понять, куда судьба занесла его, пока он спал. Убедившись, что находится на прежнем месте, он увидел всех, кто собрался у входа; с нескрываемым удивлением спросил:

— Папа?! Что ты здесь делаешь?

— Вставай, пошли домой. Я пришел за тобой, — отцу явно хотелось обнять сына, но он сдержал чувство.

— Вставай-вставай, Игнал. Мы пришли забрать тебя, некогда спать, — шутливым тоном сказала Шивисена. — Побыл в гостях, осмотрелся, и хватит.

Эти слова насмешили Таара, что он скрыл под лапой, как бы почесываясь.

— Шивисена! Смотрите, Шивисена! — удивленным взглядом уставился он на нее, словно на привидение.

Наконец Игнал встал, и они с отцом тут же, без единого слова, пошли прочь из пещеры; за ними пошли и двое львов. Все провели их взглядом. Вдруг отец Игнала, вспомнив кое-что, вернулся назад. Подошел к Таару и сказал:

— Спасибо, что сохранили ему жизнь.

Таар ответил:

— Пожалуйста. Пусть растет здоров.

Отец ушел. Удивительно, но Игнал совсем не поблагодарил тех, кто пришел за ним — ни своего отца, ни Шивисену, никого. «А ведь они знали, что идут на риск. Огромный риск. Нужно будет расспросить ее обо всем, обязательно...», — мельк-

нула мысль в сознании Таара, а потом сказал вслух, смотря вслед удаляющимся четырем львам:

— Что ж, Шивисена видит, с Игналом всё в порядке, — он повернулся к ней, — нам не было смысла его убивать или держать здесь, когда мы полностью всё узнали. Он, прямо скажу вам всем, плохой разведчик, если не сказать хуже. А вы, я уверен, не намерены стать нашими врагами. Мудрый правитель всегда сначала хочет изучить окружение, а потом слать посыльных. Что ж, будем считать, ваш правитель хотел изучить обстановку, и не более.

— Что вы, мудрый Таар, мы намерены быть вашими друзьями, — горячо, с убеждением сказала ему Шивисена.

— Отлично. А это кто с Шивисеной остался? Насколько я могу судить, здесь есть Ранавалона, Кизура и Тамека, так?

— Он вам всё рассказал, да? — спросила одна из молодых львиц. — Это мы. Я Ранавалона, справа от меня Тамека. Сзади не Кизура — ее здесь нет — а хозяйка нашего авира разведчиц Серекисса. Мы приносим вам извинения за всё и ценим ваше благородство, — сказала она, и все, в том числе и Шивисена, поклонились до земли. Таар легко поклонился в ответ — от своего правила он не отступал никогда.

— Кстати, поймал Игнала один из наших молодых львов, Таву. Он услышал шум в акациях, и запах, но не Игнала, а львицы, так что сильно его не ругайте, — сказал Таар.

— Это я с ним была, — ответила Ранавалона, — он начал возиться, мол, колючки ему мешают. Сначала нас услышали, потом учуяли.

— Ладно. Идем в мою пещеру, Шивисена, где мы обсудим всё остальное.

Шивисена кивнула остальным, и они, попрощавшись, ушли. Дренгир, в свою очередь, сказал остальным, что они тоже свободны. Все ушли, остались только Шивисена и Таар, наедине. Они вышли из пещеры.

Уже темно, солнце зашло. Они последовали неспешным шагом к пещере; Таар посмотрел на нее, она посмотрела на него. Темнота придавала Шивисене загадочность, смутность очертаний. Таар вдруг улыбнулся — ему нравилась эта смелая львица-посыльная; с такими посыльными он, без сомнения, договорится о чем угодно. А прайд получит хорошего соседа в виде Венгари (у Таара уже сомнений по этому поводу нет), и главное — вестника об окружающей обстановке. Хорошие соседи очень полезны, это Таар прекрасно знает, как и любой разумный правитель. «Обязательно нужно сообщить конунгу...». Снова посмотрел на нее, она на него. Он ей улыбнулся, и она улыбнулась в ответ.

Пришли в пещеру. Там были Элиада и Шадири. Таар спросил у своей львицы, отозвав ее в сторонку на миг:

— Как там наши?

— Уже всё нормально, всех назад завернула.

— Хорошо.

Он решил, что лучше будет выйти, и расположиться у большого камня слева от входа, чтобы не мешать Элиаде и Шадири (и чтобы мать и дочь не мешали им). Камень оказался еще теплым, и они оба прилегли у него. Таар любил простую обстановку, разговоры с глазу на глаз и откровенность в суждениях.

Улегшись, они не нарушили молчания; каждый думал о своем. Таар прислушался к звукам мира. Где-то далеко львица звала своих детей — по голосу он никак не мог определить, кто это, и это ненадолго озадачило. Дул слабенький ветер саванны, и шелестела трава. Идиллию тишины первой нарушила Шивисена:

— Еще раз извините. Наш правитель Тралис лишь хотел увериться, что за пять десятков лет, что мы отсутствовали на этих землях, здесь ничего не изменилось в худшую сторону...

— Всё хорошо. Понимаю. Предлагаю перейти на «ты», Шиви. Ты согласна?

Она улыбнулась:

— Я согласна. Хорошо. Вы... ты необычный правитель.

— Обычный, самый обычный. Просто ты попала в прайд Союза, который называется Юнити. С древнего это значит...

— «Единство», насколько я помню.

— О, да, совершенно верно. Знаешь древний язык?

— Да, — кивнула та.

— Неожиданно... Единство для нас — это главное. Но мы также просты. Мы потомки воинов, и сами воины — не любим мелочиться.

— Понимаю, — сказала Шивисена, хотя на самом деле до конца не поняла его слов.

— С твоим трайбом — Венгари — наши предки жили мирно, хотя тогда мы были более... воинственными. Думаю, хорошая традиция продолжится. Если будете мирно сотрудничать с нами, то вы будете мирно ладить и со всем Союзом.

Шивисена кивала в такт того, как он говорил. Потом молвила:

— Мы расположились на западе от вас, у леса. Это около полдня ходу отсюда. Пришли мы из северо-запада, по причине того, что у нас на прежнем месте появились сильные враги. Справиться нам оказалось не под силу, поэтому наш правитель был вынужден принять решение переместиться на юго-восток, на наше старое место. Таар, мы не собираемся вам мешать, или, тем более, заходить на ваши земли.

— Хорошо. Есть несколько небольших условий, которые я обязан выдвинуть твоему трайбу. Вы теперь соседи Союза. Это имеет как свои преимущества, так и недостатки для вас, — Таар отвел взгляд в сторону, потом посмотрел на небо, словно там была подсказка. — Первое — мы, уведомляя вас об этом, можем свободно перемещаться группами по вашей территории. Второе — к вам время от времени будут приходить посыльные, от меня или от других дренгиров. Скорее всего, от Варрана, дренгира прайда Хлаалу — это полдня ходу отсюда на юг. Они будут приходить не просто так — если вы будете знать что-то о группах чужаков, новых прайдах, которые появятся поблизости, короче, любые существенные новости, то очень хорошо бы сообщать их посыльным. В принципе, это всё.

— Понятно. Я думаю, такие условия мы примем без проблем.

— Отлично, Шиви. Слушай, а что у тебя за две красные полосы на щеке? Это обычай для ваших посыльных?

— Это наш обычай, но не для посыльных. Это делают те, кто предполагает, что идет на смерть.

Таар удивленно посмотрел на нее. Вопрос весьма взволновал ее — она повела ушами и посмотрела в сторону.

— Мы предполагали, — продолжила она, — что вы просто так не отдадите Игнала; мало того, многие считали, что он вообще мертв, и нам, если повезет, придется забирать лишь тело. Тем более, мы не понаслышке знаем о том, как ваш Союз справляется с врагами; мать моей матери рассказывала мне о вас; как она говорила, вы без всяких сомнений обманываете врага, лжете ему в глаза, учиняете различные хитрости. Я была почти уверена, что вы считаете наш трайб вражеским, да и не только я. Поэтому и сделала эти метки; не думала я, что мне дано много шанса выбраться отсюда живой...

Таар перебил, прикоснувшись лапой к ее плечу:

— Мы обманываем только врагов. Друзей и равнодушных к нам не обманываем. Мы быстро раскусили вашего разведчика, и поняли, что пришли к нам не враги.

— Хорошо, что так всё вышло. Это действительно удивительно, Таар. Когда мы встретились тогда, среди ветров саванны, я не знала, чего ждать; а когда ты сказал, что Игнал будет рад увидеть Ранавалону и остальных, подумала: «Вот и конец — Союз просто поубивает нас всех».

— Но ты всё равно пошла. Я очень ценю, мы все, — Таар обвел лапой вокруг, — очень ценим такую смелость: безропотно идти к своей судьбе. Но есть вопрос. Извини, но почему этого глупыша отправили в разведку?

Шивисена вздохнула.

— Что тут сказать? Есть традиция в нашем трайбе: каждый лев и львица, а особенно лев, которые происходят из высокого рода, не обычного, должны поучаствовать в битве, или в разведке, когда повзрослели. В общем, во всём том, что требует мужества и смелости. Этот Игнал избалован до предела; но его род — самый влиятельный род в трайбе. Отец и мать определили для него такое задание, поскольку оно казалось весьма легким. Но он его провалил.

Таар засмеялся.

— Теперь его наверняка ждет всеобщее презрение.

— Как бы не так, — грустно улыбнулась Шиви, — скорее, наоборот. Он только и будет всем бахвалиться, как побывал в плену, как его там пытали, — а он, вопреки всему, выжил, — она засмеялась. — Давай бросим эту тему, Таар...

— Давай, Шиви.

Она потянулась всем телом, вытянула когти. Таар заметил — она устала.

— Действительно, просто потрясающе. Сегодня утром я готовилась к смерти, а теперь я разговариваю с правителем прайда, опершись на теплый камень. Знаешь, так надоели чванство, притворство. Я посыльная, я видела всяких правителей. Все старались принять напыщенность, один другого краше. От этого уже просто тошнило...

Шивисена продолжила откровения. Она расслабилась в непринужденной позе, опершись на камень, и смотрела куда-то в сторону. Таар понял, что напряжение сегодняшнего дня действительно сказалось на ней — с чужими не бывают откровенны просто так.

— Интересно, почему они не послали льва? У тебя есть дети? Ты же, в конце концов львица. У нас есть поговорка: «Львицам путь, но не в бою».

— Не знаю. Мне приказал мой правитель. И я пошла. Наверное, расчет был на то, что я львица, и смогу как-нибудь добиться милости правителя прайда, то есть... у тебя, Таар.

Она замолчала.

— А дети у тебя есть? Извини, если на этот вопрос отвечать не хочешь, то мы его пройдем.

— Нет, нет. Все хорошо, хороший вопрос. Есть, трое, — Шивисена вздохнула.

— А если бы Игнал был обычным львом, — спросил Таар после некоторой паузы. — Без высокого происхождения?

Шивисена посмотрела на него.

— Скажу правду, что скрывать. Его никто бы не стал спасать, и искать. У нас был один подобный случай...

Таар хотел спросить, что же за случай, но передумал. Шивисена вдруг спросила:

— А ваш прайд? Он стал бы спасать того, кто попал в плен?

— Сложно сказать. Все мы равны во прайде... В любом случае, мы бы старались отомстить врагу, пока не погибли все до единого, или пока месть не была бы исполнена. В этом я уверен. Шивисена, оставайся на ночь сегодня, у нас в гостях. Завтра мы всё обсудим, что скажешь?

Она посмотрела ему в глаза.

— Нет, — отказ был твердым. — Нет, Таар. Не могу. Хорошо, я останусь в прайде, но мой трайб, мои друзья — они не могут быть здесь. Им придется остаться там. Спасибо за предложение, но я не могу.

— Может, поесть?

— Тем более. Мы с утра ничего не ели, и шли сюда. Я буду есть, а они сидеть там? Спасибо еще раз.

— Ты мудрая, смелая и хорошая львица. Я восхищаюсь тобой.

Шивисена встала на лапы, легко поклонилась и искренне сказала:

— Спасибо, великий Таар.

— Да какой я великий, — усмехнулся Таар, тоже вставая. — Куда мне. Были и получше. Что ж, провожу тебя до западной тропы. Вы сейчас уходите?

— Да. Только, возможно, где-то еще на землях твоего прайда станем на ночлег.

— Конечно.

Таар проводил ее по дороге. Уже совсем темно, на небе ярко светят звезды. Дренгир заметил, что яскарлы, которым он приказал наблюдать за прибывшими Венгари, всё еще здесь. По его незамедлительному указанию все тут же с удовольствием разбрелись спать. Львица и дренгир прошли еще немного, и остановились.

— Что ж, было приятно познакомиться с тобой, Шиви.

— А мне вдвойне с тобой, дренгир Таар, поверь. До свидания.

— До свидания. Пусть как-нибудь прибежит посыльный от вас к нам, чтобы показать дорогу. Тогда смогу придти к Тралису.

— Я передам это.

Шивисена еще раз поклонилась, с улыбкой посмотрела на него, развернулась и начала уходить. Таар смотрел, как она уходит, и вдруг вспомнил, что совершенно забыл кое-что сказать:

— Шиви!

Она обернулась:

— Да, Таар?

— Если Венгари будет слать посыльных — то пусть присылают только тебя.

— Спасибо. Я передам твою просьбу.

Она помахала ему лапой, и пошла дальше своим путем. Таар смотрел ей вслед, пока не потерял ее из виду. Он вспомнил один эпизод, из своего отрочества. Как-то однажды отец взял его с собой в Хартланд, и по пути рассказывал ему историю Союза. Отец рассказал Таару о конунге Селестине, у которого было двое сыновей. Один из них был ярлом в Хартланде, другой готовился пойти по стопам отца. В то время постоянно шли бои и стычки с львами-северняками (их так пренебрежительно называют по традиции; они живут на северо-восток от Союза, в Больших горах), и в помощь ближайшему прайду к Большим горам, прайду Регноран, конунг послал львов из Хартланда, в них входил и яскарл первого сына. Сын был взят в плен, в бою, весь израненный и слабый. Северняки предложили обменять сына правителя на пойманного Союзом вожака северняков, которого союзные львы еще держали в плену на всякий случай, хотя это и было накладно. Узнав о предложении, Селестин задумался. Он долго стоял хвостом ко всем, смотря куда-то вдаль. Его второй сын,

брат пленного, умолял отца согласиться. Но Селестин сказал: «А что об этом подумают другие отцы?». Обмен не состоялся, и сын конунга погиб в плену.

Таар посмотрел вверх. Ночь уже полностью властвовала над саванной. Звенели цикады. Дренгир устало побрел назад к прайду, томясь какой-то неопределенной, даже ему самому непонятной печалью.

2.

Ранним прохладным утром, шли по мокрой от росы траве Иримэ и Аврина. Их наставницы Нарра и Шелли дали им задание найти гиеновую траву, на первый взгляд, довольно простое. Называется она так потому, что гиены весьма любят ее пожевать, как какие-нибудь травоядные. Встали они еще в предрассветный час, и уже довольно долго бродили по саванне; но искомым, хорошо знакомых листьев всё не видать. Возшло солнце, и Аврина уже отчаялась что-либо найти, Иримэ же, всегда невозмутимая, твердила, что рано или поздно они найдут то, что ищут.

Осматривая местность с большого камня, Иримэ заметила гиен около баобаба.

— Смотри, гиены. Может, там найдем?

Делать нечего, и Аврина согласно кивнула головой; они бегом устремились к дереву. Там их ждала неудача — под баобабом и около него были жилища стаи гиен. Гиены сразу затявкали и зарычали, предупреждая об опасности, и многие быстро попрятались в свои норы; но самые смелые самки и самцы начали угрожающе наступать. Львицы не остались в долгу, и тоже начали рычать. Оставаться здесь, как они поняли, было бессмысленным — травы здесь не было. С шипящим и рычащим сопровождением гиен, ученицы-шамани отошли прочь.

— Это напрасный труд, — сказала Аврина. — Ее здесь просто нет, да и сезон не тот. Она сейчас не цветет, и траву совершенно не видно.

— Мы не так ищем. Нарра говорила, что она не растет лугами, а находится между другими травами. Нужно внимательно смотреть. А, вот, видишь! — указала головой в сторону Иримэ на одинокое растение гиеновой травы.

— Она всего лишь одна. Проклятье, как же ее трудно найти, где она вся подевалась? И вообще, этой травы у нас землях попросту огромные кучи, какой смысл искать ее здесь?

— Насчет смысла: не знаю. Сказано — значит, должно быть сделано. Это хоть что-то. Будем брать.

Они подошли к растению. Аврина поморщилась. Она вообще терпеть не могла собирать различные травы, листья и корни из-за того, что многое там приходилось делать зубами; в данном случае оборвать листья нужно именно так.

— Сбегаю, принесу какой-нибудь лист побольше, — предложила Аврина.

— Давай.

Иримэ резво начала обрывать все листья со стебля, прикрывая их лапой на земле, чтоб не разлетелись. Закончив, она отплевалась.

— Гадость.

Тем временем Аврина принесла огромный лист.

— Эй, постой, это слишком большой, зачем такой?

— Иримэ, перестань. И так сойдет! Клади туда листья поскорее.

— Ну понятно, ты ведь не будешь это в зубах тащить, — спокойно молвила Иримэ. Она даже раздражалась спокойно. Собрав лапой все листья, она завернула их в лист и взяла его в зубы.

— Смотри, какой там огромный камень. Пошли к нему, может там вода есть, или лужа... Я пить уже хочу, — сказала Аврина и втянула воздух. Но водой оттуда не пахло.

— Угу, — промычала Иримэ, она не могла говорить с листом в зубах.

Трусцой проследовали к камню. Иримэ первой заметила какое-то шевеление, и остановилась. Она старалась учуять, что же там такое, возле камня, но мешал попутный ветер. Они пришли к камню; Иримэ подумала, что ей показалось.

— Здесь воды нет, пошли, — сказала Аврина, и вдруг вгляделась в углубление под камнем. — Ой, Иримэ, смотри, какие маленькие!

Под камнем было двое львят — вероятно, братик и сестра, еще небольшие, «грудного» роста (так говорят о тех, у кого ушки достают до груди взрослых), все в пятнах, уже вполне смышленные. Они затаились, но теперь увидели, что их таки нашли какие-то чужие львицы, и теперь недобро сверкали глазками из своего убежища.

— Чьи вы? — нежным голосом спросила Аврина. Ответа не последовало — двое только еще больше прижались к земле. Иримэ поставила свернутый лист на землю.

— Дети свободных, скорее всего. Где же ваша мама, почему в такую рань вы сами? — спросила она. В прайде Иримэ — любимая нянька всех маленьких львят: она знает разные интересные игры, на ней можно кататься, она никогда не сердится, а если и наказывает, то справедливо. Она подошла к ним поближе. — Какие вы тощие... Вас что, мама не кормит?

Львята молчали, и только наблюдали за ними. Иримэ подошла поближе, протянула к ним лапу, и вдруг львенок, выпустив маленькие когти, попытался очаровать ее. Рефлексы охотницы сработали безотказно: Иримэ быстро отдернула лапу.

— Что же с этими детьми... — только и успела сказать Аврина.

— Бежим! — крикнул сестре львенок и помчался наутек. Но не тут-то было — его сестра вжалась в землю от страха, закрыв глаза, и даже не пошевелинулась. Тот пробежал некоторое расстояние, заметил, что сестра за ним не бежит, и остановился. Львенок понял, что она в беде. Он немного приблизился к Иримэ, которая все еще находилась возле маленькой львицы, и закричал:

— Не трогай ее! А то я тебя укушу, вот увидишь!

— Я не причиню вам вреда, успокойся! Вас здесь кто-то бросил? — мягко спросила Иримэ.

— Никто нас не бросил! Убирайтесь, сейчас придет мой прайд, и все они вам... головы отгрызут, так что идите прочь!

Он увидел, что его слова не произвели никакого впечатления. Более того, Аврина тоже подошла к вжавшейся в землю сестре львенка; та начала дрожать и плакать, что вызвало непреодолимую волну материнского инстинкта у обеих львиц. Аврина взяла ее в зубы, поставила у своих лап, и начала вылизывать. Та не оказывала ни малейшего сопротивления, и даже как бы немного успокоилась; но львенок впал в панику — он был уверен, что эти львицы пришли то ли съесть их, то ли же украсть. Теперь на его глазах они забирают сестру, и нужно что-то делать. Мама ушла далеко, и неизвестно, когда вернется... Он начал лихорадочно думать, что предпринять.

Тем временем Аврина пыталась узнать, что с ними случилось и как они здесь оказались.

— Что с вами случилось? У вас есть мама? — спросила она.

— Есть... — всхлипывая, ответила маленькая.

— А где она?

— Далеко...

— Возможно, их бросили, так иногда делают львицы Большого мира... — задумчиво сказала Иримэ.

Аврина продолжала успокаивать сестру львенка.

— А как тебя зовут?

— Ммм... Мартиэль. Пожалуйста, не убивайте моего братика, пожалуйста.

— Что ты, Марти, что ты такое глупое говоришь, — сказала ей Аврина, продолжая мурлыкать и вылизывать ее. Маленькая львица поняла, что по крайней мере, эти две большие незнакомки их слишком обижать не станут.

Тем временем львенок решил, что надо действовать, хоть как-нибудь.

— Эй, вы там! Подойдите сюда, быстро! Неужели вы настолько трусливы?! Че вы там стали?! Сюда, я сказал! — он решил, что начав их оскорблять, они бросят сестру и погонятся за ним, и сестра убежит. Может быть...

— Что ты такое говоришь? — своим невозмутимым тоном спросила Иримэ. — Я тебе говорю — мы не причиним вреда, это ты иди сюда.

— Ага...

— Не бойся же нас, мы пытаемся помочь!

— Не надо нам помогать, вы две тупорылые... — он не знал, что ему сказать к «тупорылые», и замешкался. Он вдруг понял, что так ничего не добьется.

— Мама, мама! — начал он громко звать, отбежав в сторону. — Мама, помоги нам, мама!..

Арана интуитивно почувствовала: что-то не так. Она быстро начала возвращаться к большому камню, где оставила детей. Еще ночью она ушла на охоту, надеясь добыть хоть какую-нибудь добычу; но не смогла поймать ничего, даже барсука. Ее передняя левая лапа всё больше давала о себе знать — шесть дней назад она сильно поранилась о какой-то сухой сук, когда бежала за добычей. Зарывав от боли, она прекратила погоню. Для тех, кто живет в группе, в прайде, такая рана — пустяк; просто перестанешь несколько дней ходить на охоту, и за тебя поохотятся другие. Но если ты мать-одиночка, которой нет места ни в одном прайде, она превращается в смертельно опасную — нужно кормить не только себя, но еще и постоянно растущих детей. Ее дети уже несколько дней сами ловили крыс и мышей, и ели их; сегодня Арана попыталась поймать барсука, но тот, скрывшись в своей норе, чуть не разодрал ей и вторую лапу. Арана отчаялась, и становилась всё слабее с каждым днем.

Уже подбегая к камню, она услышала отчаянные крики сына Сеймура. Она, несмотря на боль, побежала еще быстрее, и увидела страшную картину: две незнакомые львицы поймали дочь, и одна из них, поменьше и светлее, держит ее между лапами. Арана поняла, что ей одной не одолеть их, и решила обойти, подкрасться сзади, благо это позволяла высокая трава, а те двое ее пока никак не заметили.

Иримэ увидела, что львенок вдруг притих, и смотрит на что-то сзади нее. Аврина всё не могла оторваться от Мартиэль, говоря ей всякие нежности. Иримэ поняла, что смотрит он туда неспроста, и повернув немного голову, краем глаза начала наблюдать, но там ничего не было. Поэтому она полностью повернулась назад, и тут на нее прыгнуло нечто рычащее, золотистое и худое. Прыжок был действительно большим, отчаянным. Но не получилось: большая, сильная и ловкая Иримэ, повинуясь не разуму, но инстинкту, приобретенному на охотах и тренировках, быстро отскочила в сторону, выпустив когти.

Поскольку незнакомая львица сделала очень сильный прыжок, и надеялась приземлиться на саму Иримэ, она попросту покатила по земле.

— Постой, постой, мы не причиним тебе вреда, львица, постой, постой, — как заклинание повторяла Аврина. Мартиэль между ее лап сказала «Это моя мама!», выскочила и побежала к ней; Арана же с тяжестью поднималась на лапы.

Львенок также подбежал к маме. Арана встала, и, убедившись, что с ее детьми всё в порядке, с рычанием спросила у незнакомых львиц:

— Что нужно?! Зачем вы сюда пришли?

— Ничего нам не нужно, просто проходили мимо, и заметили твоих детей, львица, — ответила Иримэ. — Мы подумали, что с ними что-то случилось. Или их бросили.

Арана ничего не ответила. Вместо этого она начала гладить своих детей, но вдруг ойкнула, заметив, что ее сын перепачкан в крови.

— Ты в крови, Сеймур, почему?!

— Мам, это ты в крови. Посмотри на свою лапу, — ответил сын.

Иримэ и Аврина наблюдали за тем, как она подняла лапу и посмотрела на нее. Приземлившись после неудачного прыжка, она совсем разодрала большую рану на левой лапе.

— Ну всё... — обреченно сказала Арана, поняв, что судьба сегодня подарила ей жестокость.

— Львица, у тебя течет кровь из лапы, это опасно, — сказала Аврина. — Но, не пойму, откуда столько крови... Иримэ, разве ты ее ударила?

— Нет. Я только увильнула.

— Мама... — снова начала плакать Мартиэль и уткнулась матери в бок.

Та молчала, начав вылизывать свою лапу; ей было неудобно и больно это делать. Тем временем Сеймур, насмотревшись на то, как страдает мать, прокричал в сторону Иримэ и Аврины:

— Вот видите, чего вы наделали?! Если бы не вы, этого бы не случилось! Не беспокойся мама, я буду как-нибудь охотиться, — постарался заверить он маму.

Арана на миг перестала возиться с лапой, и со слабой улыбкой посмотрела на сына:

— Глупое, доброе дитя. Какое тебе охотиться...

— Мама! Я уже большой!

Та только вздохнула.

— Извини, что причинили тебе такое несчастье, — сказала Иримэ, — но ран я тебе таких не наносила. Что ж такое случилось?

— Там уже была рана, — недобро сказала Арана. — Идите прочь, чего надо?

Аврина молвила:

— Что ж, Иримэ, пошли...

— Мы можем тебе помочь, ты погибнешь с такой раной в одиночестве... несомненно погибнешь. Кто-нибудь может для тебя поохотиться? — спросила Иримэ, не ответив Аврине.

Арана засмеялась; этот смех в большой степени был наигранным, вымученным.

— Ага. Поохотятся, еще к морде поднесут, и за детьми присмотрят. А как же, как же. Да скорее львы у меня из пасти последний кусок вытащат и отберут остальное у моих детей. Наверное, в прайде живете небось? Привыкли к удобствам, что б вас... — Арана не договорила и продолжила вылизывать лапу. Аврина недовольно фыркнула: «Что она себе позволяет?».

— Мы из прайда Юнити, — Иримэ сделала шаг навстречу Аране. — Мы шамани, можем помочь тебе, с такой раной ты погибнешь одна со своими детьми.

— Вижу-вижу. Наслышана о вашем Союзе. Сейчас уйду, не переживайте, знаю, что я на ваших землях.

— Мы тебя не гоним. Дай посмотрим на твою лапу, ты сама не сможешь с ней справиться, — Иримэ была упорной, непреклонной.

— А зачем вам мне помогать? — недоверчиво спросила Арана.

— Мы шамани, — ответила Иримэ.

— Кто-кто?

— Мы целительницы. Ну, точнее, мы двое — ученицы целительниц, — подала голос Аврина, раздраженная всем этим.

Иримэ тем временем поняла, что разговоры разговорами, но вместо них нужно решительно действовать. Она чувствовала себя немного виноватой в том, что случилось. Смело подошла к Аране, несмотря на ее недружественный взгляд, и сказала:

— Дай сюда лапу.

Арана отнюдь не спешила это делать. Тогда Иримэ так же смело протянула лапу к ее лапе, и осторожно взяла. Та не сопротивлялась. Иримэ, начав осматривать внутреннюю сторону лапы, спросила:

— Как тебя зовут?

— Арана.

К Иримэ подошла Аврина и тоже начала смотреть. Рана оказалась действительно крайне неудобной и плохой: между пальцами лапы — большой кровоточащий порез, сама рана уже успела нагноиться; кроме того, дальше, между подушечками лапы была рана поменьше. Неожиданно для Араны Иримэ лизнула ее лапу, потом еще и еще раз. Иримэ с задумчивым видом снова посмотрела на лапу, а потом сказала:

— Арана, вот что. У тебя тут большая заноза засела, нужно вытащить.

— Да? Почему я ее не видела?

— Она глубоко, я ее тоже плохо вижу, но она там, вне сомнений. Ты сама ее не вытащишь. Придется потерпеть.

Иримэ сильно взяла ее лапу; Арана зашипела от боли. Дети и Аврина наблюдали за действием, Сеймур на всякий случай скорчил гримасу недоверия. Аврина поморщилась — она никогда бы не стала вытаскивать занозу из лапы какой-то львицы, к тому же чуждой ей крови, никогда. «Гадость какая... Хочется Иримэ это делать?.. Какой смысл, она же не своя, не состоит в прайде, изгой жизни...», — подобные мысли проносились в ее сознании. Вдруг Иримэ впилась зубами в лапу Араны — та зарычала и тут же отдернула лапу. Заноза осталась в зубах Иримэ, весьма внушительная; она тут же выплюнула ее на землю. Снова пошла кровь.

— Что ж, спасибо... — несмело сказала Арана. — Даже не знала, что мне так мешает. Думала, порез...

— Иримэ, Аврина!

К ним быстро шли Нарра и Шелли. Этому не удивилась Иримэ, но очень удивилась Аврина. Когда они подошли, Аврина спросила:

— Шелли, как вы нас нашли?

Она ничего не ответила, а Нарра даже посмотрела на нее укоризненным взглядом. Для шамани, пусть даже и такой неопытной, как Аврина, это весьма недалекий вопрос.

— Что здесь? — спросила Шелли.

Арана удивленно смотрела на двух прибывших львиц. Они весьма поразили, такого она еще не видела. Та, что спросила «Что здесь?» — небольшая, стройная львица возраста силы. Необычный полностью черный хвост; Арана догадалась, что он каким-то способом так покрашен. Три черных полосы с каждой стороны шеи,

удивительно ровных и не смазанных. Две большие вертикальные черные полосы, которые идут, расширяясь, с верхушки лба к зеленым глазам, а потом так же сужаются, заканчиваясь на шее. Взгляд львицы завораживает, и Арана не смеет надолго всматриваться в эти глаза. Никогда Арана не видела ничего подобного. Другая львица (это — Нарра) никак не окрашена. Но и у нее такой же непреклонный, пронзающий вещи и существа мира взгляд.

Иримэ ответила Шелли:

— Вот, проблема, рана на лапе. С такой эта львица — ее, кстати, зовут Арана — не сможет охотиться сама...

— Нет, смогу, — неуверенно сказала Арана, — ты же вытащила мне занозу, заживет как-нибудь. Извини, не знаю твоего имени.

— Я — Иримэ.

Тем временем Шелли подошла к раненой. Взяла ее лапу в свою, осмотрела со всех сторон, понюхала и даже лизнула. Аране показалось, что при этом она что-то очень тихо напевает.

— Нет, нет, Арана, нет. Ты точно не сможешь с этим охотиться, очень скоро можешь получить огонь в крови, и умрешь, — сказала она.

— Что за огонь в крови? — спросила Арана.

— Такая болезнь, не лечится она. Есть здесь где-то вода — родник, озеро?

— Есть... Небольшое озеро, не очень далеко.

— Хорошо, — сказала Шелли. — Не ставь левую лапу на землю, ступай на трех. Пошли.

— Я покажу! — сказал Сеймур. — Идите за мной.

И все пошли за ним. Шли молча, только Мартиэль спросила у Аврины:

— Пожалуйста, скажите, что будет с моей мамой. Она не умрет?

— Нет, не умрет, Марти, — ответила ей Аврина. — Всё будет хорошо.

Они пришли к небольшому пересыхающему озерцу. Солнце уже довольно высоко поднялось над землей. Начиналась дневная жара.

— Арана, моя хорошая, ляг на землю, — мягким, глубоким голосом сказала Шелли. Он отличался от ее обычного голоса, заметила Арана, но чем, сказать совершенно не могла. Она повиновалась.

— Нет, нет, не так, на спину, так будет удобнее, — молвила Шелли.

Арана перевернулась на спину. Сама протянула Шелли больную лапу.

— И сильно болит? — спросила шамани.

— Так, терпимо пока.

— А так? — спросила Шелли, и взяв лапу, растянула в стороны пальцы и сильно слизнула кровь и слизь с раны. Арана от неожиданной боли напряглась всем телом, а ее когти непроизвольно вытянулись.

— Так очень больно, — сказала Арана.

— Конечно, там ведь очень больное место, Арана, ничего не поделаешь. Таки-ми мы уж все родились, несомненно — чувствуем боль... Но мы с тобой сейчас всё исправим, мы всё поправим. Болеть не будет, нисколько, совсем не будет. Посмотри мне в левый глаз, Арана. Ты видишь мой левый глаз?

— Вижу, — ответила она, чувствуя нечто вроде головокружения. Она смотрит в левый глаз Шелли, и это странным образом нагоняет сонливость, словно в сознании появился некий туман, который совсем не желал рассеиваться, а наоборот, всё густел, густел. — Вижу...

— Это очень хорошо, Арана, очень хорошо. Я рада, что ты видишь. Слышишь: тебя уносит, ты ведь знаешь — тебя уносит. Наша жизнь лишь мимолетный сон, и

ты уходишь к другому сну. Ты уходишь. Ты уходишь. Мой левый глаз уносит тебя. Ты ушла, Арана, ушла, ушла. Не бойся — страху нет места...

Арана почувствовала, что она как бы куда-то проваливается, назад и вниз. Всё выглядело сноподобным, ирреальным, отчего ей стало легко и весело, словно стоит проснуться — и кошмар по имени «жизнь» закончится, словно никогда его и не было. Арана вдруг забылась и провалилась в темноту. Ее глаза прикрылись немного, тело полностью расслабилось. Некоторое время Шелли продолжала на нее внимательно смотреть; все остальные молчали. Дети с разинутыми ртами смотрели на происходящее, не веря своим глазам.

— Хорошо. Вот. Что ж, приступим. Что у нас там есть? — Шелли повернула голову к Нарре. — Смотрели?

— Еще нет.

— Иримэ, Аврина, ну-ка сбегайте, посмотрите...

Через небольшое время те вернулись

— Корень альхамбры есть, и еще листья лизеи, — молвила Аврина. Иримэ положила найденное на землю.

Шелли села и стала задумчиво смотреть на Иримэ, словно та могла помочь.

— Что будем брать?

— Да вот сама думаю, — ответила Нарра. — Думаю, корень, он дольше и лучше держится, а листья будут отпадать.

— Да, пусть Шелли возьмет корень, он пристанет там хорошо, — сказала Иримэ.

Шелли взяла корень в зубы, откусила кусочек, но вдруг поставила его на землю, и сказала:

— Не понимаю, почему именно мы, такие старые, будем это делать?

— Да, действительно, — подхватила Нарра. — Молодежь, давайте, ваше время. Кто пойдет? Аврина, ну?

Аврина, державшая у своих лап дочь Араны, виновато потупила глаза:

— Я не умею.

— Умеешь, умеешь, — уверено сказала Шелли, — просто тебе не хочется этого делать, верно?

— Не могу... Это так... Просто не могу...

— Ох уж эта молодежь! Аврина! Не разочаровывай меня, — с укором произнесла Нарра.

— Это... так...

— Как?

— Гадко. Я не люблю такое делать.

Шелли и Нарра переглянулись и засмеялись. Нарра качала головой в неодобрении.

— Нет, ну вы только послушайте ее, — смеялась Нарра, — ей не хочется этого делать. «Гадко», видите ли. Что ж ты думала, быть шамани — носить полосы на шее и красить хвост хирайей?

— Нет, совсем нет... — молвила в ответ молодая шамани. «Да полно им...», — подумала Аврина. — «Пристали».

— Быть шамани — это постоянно делать всякую гадкую и грязную работенку, как ни странно, — серьезно сказала Шелли. — Хорошо, что здесь лапа, а не кое-что другое. Аврина, ты знаешь что делать. Время истекает, оно не ждет. Приступай.

— Нет, я не могу. Не буду.

Шелли помотала головой, повела ушами, и посмотрела на другую ученицу.

— Иримэ?

Та подошла к кусочку корня, взяла его в зубы и пошла к воде. Там его вымыла прямо в пасти, и потом пошла к лежащей на земле Аране. Она принялась жевать корень, чуть сморщившись — он был горький, совсем невкусный, а еще от него немел весь рот. Но ничего не поделаешь, нужно размельчить его в мелкую кашу, иного способа нет. Когда она это сделала, она выплюнула все на заранее подготовленный лист, который ей подставила Нарра.

Аврина отвернулась.

Иримэ взяла лапу Араны, и начала сильно вылизывать кровь и слизь с ее лапы. Нужно тщательно всё удалить; для этого она даже несколько раз ходила к воде, набирала ее полный рот и смачивала раны. Арана не шевелилась совершенно; было похоже, что она спит, только ничего не чувствует.

Иримэ ненадолго села передохнуть.

— Ну как? — поинтересовалась Шелли.

— Ничего.

Потом она продолжила. Всё длилось весьма долго. Наконец, Иримэ была довольна результатом: все было хорошо настолько, насколько это возможно. Она показала результат Шелли, та кивнула; Иримэ снова взяла в рот всё, что было на листе, и так разместила всё на ране Араны. Для верности она еще размазала корень по поверхности лапой.

— Всё. Так будет хорошо, — сказала Шелли.

Иримэ еще несколько раз мазнула, а потом осторожно поставила лапу Араны ей на грудь. Но лапа начала падать на землю; этого нельзя допустить, поэтому Иримэ подставила лист под нее.

— Ну, готово, — сказала Иримэ, и пошла к воде — прополоскать рот.

— Если Иримэ не будет великой шамани, — сказала Нарра, — то я съем большую кучу термитов, запомните это.

Шелли засмеялась. Аврина смотрела в землю, словно там было что-то очень интересное.

— Когда мама проснется? — спросила Марти.

— Сейчас мы ее разбудим, — сказала Шелли. — Придется с ней остаться на пару-тройку дней. Лучше на тройку. Она охотиться сейчас не сможет вообще.

— Вы останетесь с нами? — в голосе Сеймура звучали радостные нотки.

— Останемся, останемся, чтобы как следует отодрать тебя за твои слова, — сказала Иримэ, вернувшись к остальным.

— Извините меня, пожалуйста.

— Ладно, живи.

— Итак, кто останется? В прайд тоже нужно идти, — спросила Шелли.

— Я останусь, — сказала Иримэ. — Это я хотела ей помочь.

— Ну и я за компанию, не бросать же Иримэ здесь саму, — сказала Нарра.

— Ладно. Всё, не скучайте, ждем вас через три дня вечером, в прайде. Будьте осторожны, — попрощалась Шелли. Аврина также попрощалась со всеми. Нарра сказала ей, что с ней будет серьезный разговор, что еще больше испортило ей настроение; хвост безвольно повис. Она не могла пересилить себя сегодня, и не очень-то и хотела.

— Погодите, а как же мама? — взволнованно сказал Сеймур, когда Шелли и Аврина начали уходить.

— Мама пусть поспит пока. Потом ее разбудит тетя Нарра. Не волнуйся.

И они ушли на юг, к прайду. Иримэ вдруг кое-что вспомнила:

— Проклятье! Гиеновую траву забыла забрать!..

Дети прилегли около своей мамы. Нарра спросила у них:

— Дети, есть хотите?

— Хотим, хотим!

— Сейчас, сейчас... Иримэ, будь тут.

Нарра ушла, и долго не возвращалась. Иримэ тем временем болтала с детьми, узнав много интересных деталей о жизни свободных. Львенок рассказал о том, как их выгоняли из земель различных прайдов и трайбов; как за ними и мамой гналась целая свора львов, и они спаслись просто чудом, поскольку их вожак при погоне упал, и сильно поранился о камни, поэтому погоня прекратилась. На вопрос Иримэ, почему же они гнались за ними, последовал спокойный ответ: «Не знаю. Наверное, нас убить, маму изнасиловать — обычные дела». Она также спросила о том, гнал ли их кто-нибудь из земель Союза. Дети сказали, что мама нарочно сюда пришла, поскольку слышала о том, что здесь очень мало свободных львов, никто из союзных их еще не обижал и не прогонял; только однажды мама возвратилась с охоты ни с чем, поскольку она попала на землю, где охотились львицы Союза, и маму оттуда прогнали, а больше на землях Союза ничего не случилось, и потому здесь хорошо.

Наконец, прибыла Нарра с маленькой зеброй в зубах, которую ей было весьма неудобно тащить. Дети тут же кинулись кушать, немного перекусили и Иримэ с Наррой.

— Дети, оставьте вашей маме хорошие куски, не забудьте, — напомнила Иримэ.

— Ага.

— Еще не вставала? — спросила Нарра.

— Нет, наверное, Шелли сильно пнула ее сознание прочь из этого мира, — улыбнулась Иримэ, что она делала редко; она к тому же и пошутила, а это случилось еще реже. — Пусть Нарра мне скажет, когда же я научусь смещать восприятие других?

Нарра хитро прищурила глаза.

— А тебе зачем?

— Я учусь путям шамани, а потому должна знать...

Нарра улыбнулась, села и начала смотреть на свой хвост. Он дергался со стороны в сторону. Она не очень любила говорить, предпочитая словам действие. Но сегодня решила не скупиться на слова, и посмотрела в глаза Иримэ:

— Ты учишься этому, даже не осознавая. Все вы трое, мало-помалу начинаете учиться смещать то, что мы называем восприятием. Хотя, как ты помнишь, имена вещей ни в коем случае не отражают самих вещей. Шелли делает что-то — она перемещает сознание, восприятие, «я» другого льва или львицы в странные, причудливые области, миры или еще как назвать, которые схожи на сон. Эти области — помни это — не находятся «где-то». Наш мир — такой же сон, как и все остальные сны, только очень реальный и продолжительный...

Она растянулась, и прилегла.

— Восприятие, когда мы не спим, блуждает по этому миру, в сновидениях — по другим мирам, и никто не скажет, где находится само восприятие, и сами миры. Хороший ответ: нигде. Смещение чужого сознания похоже на то, как мы *сновидим* — только мы намереваемся это делать сами, а Шелли делает это за кого-то, например, за Арану.

— Арана попала в *сновидение*, как это делаем мы? Она также себя осознала во сне, как и мы?

Нарра почесала подбородок, потом потрясла ухом.

— Не совсем... Помни — слова всегда заставляют нас думать, что мы что-то понимаем, хотя это не так. Чтобы понять, что ощущает Арана, тебе нужно оказаться

на ее месте. Скорее всего, это похоже на очень быстрое засыпание, или падение в обморок; отличие лишь в том, что некоторое время она будет в сознании, в полной темноте без чувства своего тела, чего может изрядно испугаться, ибо в жизни обычных львов и львиц такого не бывает. Потом она либо уснет без снов, либо с причудливыми снами. Впрочем, мне сложно сказать: я испытывала это на себе только однажды в жизни.

— Почему она ничего не чувствовала, когда я ей всё это делала?

— В отличие от обычного сна, тут Шелли, или любая другая шамани, забрасывает восприятие как бы подальше. Восприятие оказывается в таких... ммм... нууу... местах, областях, где нечего воспринимать. Находясь так далеко, она уже не может ощутить свое тело. Потом восприятие медленно возвращается назад, попадает в обычное место, где оно находится во время сна, а с этого состояния уже можно и проснуться.

— Всё так сложно...

— Мир очень сложен, Иримэ. Но в то же время, вещи становятся проще, если не думать над всем этим, а просто действовать.

— А когда я пойму, что научилась так далеко забрасывать чужое восприятие?

Нарра засмеялась; на нее посмотрели дети, которые всё еще продолжали трапезу.

— Поймешь, никуда оно не денется. Все зависит от твоей силы, упорства в учении. Определенную роль играют врожденные способности, хотя они не так уж и важны в конечном итоге. Ты будешь сильной и хорошей шамани — в тебе есть устойчивость, упорство, взгляд вперед. Например, у Аврины всего этого нет, она слишком легкомысленна для нашего пути, для тропы шамани. Но возвращаться ей уже поздно.

Иримэ смолчала.

— Аврина, Аврина... — махнула лапой Нарра. — Сегодня она меня весьма разочаровала. Я не замечала за ней этой глупой брезгливости и важности. Это нужно исправить, иначе она не сможет стать даже нормальной целительницей. Если ты хочешь знать, кто станет мастерицей в сдвиге своего и чужого восприятия, так это Шаана.

— Шаана? — переспросила Иримэ. Впрочем, она всегда догадывалась, что именно Шаана наиболее приспособлена к знанию шамани. По правде говоря, Иримэ попала в ученицы благодаря случайности, и училась, словно выполняя тяжелую, но полезную и необходимую работу.

— Именно. Она бежит вперед огромными прыжками, и ее ум попросту не успевает за ее всё возрастающей силой. Она уже сейчас делает такие вещи, которые искренне удивляют нас; но, самое смешное, она сама этого не осознает. Для нее сновидение — что сходить попить воды, хотя для многих требуются луны, и даже годы, чтобы осознать себя во сне. Одно ее присутствие среди других вызывает у них легкое смещение восприятия, в границах нашего мира, конечно же. Они ощущают легкое неудобство, львы могут ощущать большое влечение к ней, и вместе с тем непонятный страх, могут взбредать странные мысли в голову. А она ходит по прайду и удивляется: «Почему львы от меня бегут, почему никто не пристаёт, почему никто со мной не общается?»...

— Она рассказывала мне.

— Нам тоже. Ладно, Ири, нужно разбудить нашу Арану. Только пока ни слова Аврине — ко многому она еще не готова, к сожалению.

— Хорошо.

Нарра подошла к лежащей. Дети прибежали смотреть, что же будет дальше; они думали, что какой-то особый ритуал разбудит их маму. Но вместо этого Нарра просто сильно потрясла Арану за лапу, приговаривая:

— Арана, просыпайся, вставай!

Та открыла глаза и увидела перед собой Нарру. Подняв голову, она осмотрелась — было впечатление, что она не совсем еще пришла в себя. Сеймур и Мартиэль, которые ждали чего-то совсем особенного, разочарованно вздохнули и подошли к маме.

— Мама, вставай, иди поешь! — сказала ей дочь. — Посмотри, тетя Иримэ сделала так, что твоя лапа уже болеть не будет.

Арана встала, посмотрела на нее. Кашица корня уже на ней затвердела, она попыталась ее потрогать, но Нарра упредила ее:

— Не трогай.

Потом Арана пошла поест; ела жадно, быстро.

— Так вы остаетесь со мной? — спросила она Нарру после быстрой трапезы.

— Да, на три дня. Тебе нельзя сейчас много ходить, — ответила она.

— О небо... спасибо вам. Но зачем вы остаетесь? Какой вам смысл это делать? — удивленным голосом спросила Арана.

— Иримэ решила тебе помочь, увидев тебя. Она приняла ответственность за свое решение, и сделала всё для того, чтобы ты была в порядке.

— Шамани всегда помогают всем?

— Нет, шамани только принимают ответственность за свои решения, — ответила Иримэ.

Нарра подумала, что та действительно уже многому научилась.

Арана подошла к Иримэ, Нарра запоздало предупредила:

— Не становись на больную лапу!

Но та, словно не услышав, просто уткнулась Иримэ в грудь и расплакалась.

Позже они все трое лежали в тени дерева. Солнечный зной уже спадал, далеко-далеко виднелось смешанное стадо буйволов и зебр; к дереву было приблизился леопард — видимо, это его любимое дерево, — но львицы его прогнали, чтоб не мешал. Дети играли неподалеку. Арана явно страдала от недостатка общения, поэтому они говорили и говорили; она рассказывала им историю своей жизни:

— Я родилась в прайде, наш прайд, ну... никак не назывался. Он был небольшой, четырнадцать голов. Отца не знаю и никогда не видела, мама вспоминать о нем не любила. Прошло детство, я уже стала почти взрослой. Как раз в то время умер правитель нашего прайда Тимали, и власть взял себе в лапы его племянник Нагвар. Он был самый настоящий урод до того, а после этого вовсе сошел с ума. Многие хотели попросту уйти из прайда, но боялись тягот свободной жизни. Кстати, почти все львы из прайда уходили — им-то на вольнице жить проще, чем в прайде. Остался только один старик, да несколько подростков. Нагвар к тому же снюхался с какими-то чужаками: они постоянно приходили в прайд и приставали к молодым львицам, особенно ко мне — я была совсем еще молода, и была совсем даже ничего. Всё смешалось у нас, постоянно тревога, бардак... Эти чужаки, кстати, то ли были в прайде, то ли просто знали какого-то там Сате... Сати... Сатарину, вот.

— Сатарину? — спросила Иримэ.

— Да. Вам известно это имя?

— Еще бы не знать этого старого, сумасшедшего развратника, — рассмеялась Нарра. — И что дальше?

— В общем, Нагвар завел вокруг себя стайку львиц, он говорил: «как Сатарина»...

Иримэ и Нарра снова рассмеялись.

— Да, сразу видно, что Сатарина повлиял, — сказала Нарра.

— Что тут смешного? — спросила Арана.

— Ничего, Арана. Просто Сатарину знает, наверное, весь Союз, а особенно хорошо — веларийцы. Он ужасно боится нас; он — глаза и уши Союза на юге. В общем, неважно. Пожалуйста, продолжай дальше.

— Он хотел, чтобы я ему далась. Нагвар то есть. Грозился отдать на растерзание чужакам, если не соглашусь. Не согласилась я, конечно; он сказал, что «раз не со мной, тогда с толпой». Тогда я поняла, что дело плохо. Тайком попрощалась со всеми, с мамой, она меня благословила, и я убежала ночью куда глаза глядят. Сперва было очень трудно, потом привыкла. Однажды пила воду из реки, встретила льва — такого же как я, без земли и прайда. Влюбилась, ужасно не хватало хоть кого-то. Клялся в любви, конечно же, обманул. Получив свое, как самый последний трус, ночью убежал, пока я спала. Даже треснуть по морде напоследок не получилось. Вот и всё. Так и живем, все трое.

— А бывает, что лев и львица остаются вместе? — спросила Иримэ.

— Бывает, весьма счастливые семьи, и жить так намного легче. Только это довольно редко встречается, но всегда думаешь, что у тебя всё будет по-особенному.

— Встречала такие пары? — теперь задала вопрос Нарра.

— Да, есть даже знакомые. Вообще, знакомых за эти годы много набралось. При встрече помогаем друг другу; здесь, на ваших землях, много матерей-одиночек, ведь тут хорошо спастись от всякого сброда. Самое худшее: львы-подростки и молодые львы. Не может быть ничего хуже, если они соберутся в шайку. А вот чего не встречала в своей жизни, так это таких, как вы.

— Ты не слышала о шамани?

— Немного слыхала... Очень давно слышала, что в Союзе есть хорошие целители в каждом прайде, а больше ничего. Но я не о том. Вы просто пришли, и помогли мне, и всю жизнь я буду вам обязана. Мне когда-то рассказывали, что вы довольно суровы, шуток не любите.

— Ну, это рассказывают те, кто имел несчастье побывать врагом Союза, — сказала Иримэ. — А одинокие львицы с детьми для нас врагами быть не могут...

Они разговаривали до глубокой ночи, пока, в конце концов, не уснули.

**

Шаана безуспешно боролась с солнечным светом, который проникал ей в глаза, возвещая новый день. Она переворачивалась с боку на бок, закрывалась лапой от него, но это становилось с каждым мгновением всё бесполезнее — нужно вставать. Сегодня ночью было тепло, и утро предвещало отличную погоду; Шаана вечером решила спать не в Холодной пещере, а вместе с многими под огромным деревом у Северных скал. Она открыла глаза, зевнула и осмотрелась вокруг — уже почти все встали, кроме старой Зари, матери Таву, двух старых львов-братьев и Ашади. Шаане лень вставать, но нужно: она обещала Акиде, что приглядит за ее детьми, пока она ходит на охоту с группой, и еще по каким-то делам. Она встала, отряхнулась и заметила, что сюда проследует сестра Ашади, которую звали Шиададь. Две львицы сказали друг другу «Привет!», и сошлись на том, что погода сегодня будет то, что надо. Шаана уже хотела идти к реке, как вдруг стала свидетелем небольшого представления: «Ашади поднимают утром».

Шиададь подошла к нему, беспечно спящему. Тот лежал на боку, раскинув в стороны большие лапы. Бесцеремонно толкнув его лапой, раздраженно сказала:

— Ну?

Тот и ухом не повел.

Она начала взьерошивать ему лапой гриву, надеясь, что это приведет его в чувство.

— Ашади! Уже пора, мы уже давно ждем тебя! Посмотри, как взошло солнце!

Тот издал протяжный стон, смешанный с рычанием. Это означало, что вставать он еще совсем не собирается. Она начала его раскачивать двумя лапами, хотя от этого он еле сместился с места.

— Так иди и полюбуйся восходом, сестрица, раз взошло солнце. Ай...

— Лентяй! Учти, я всё маме расскажу, всё! Ты говорил, что встанешь завтра и поможешь нам на охоте. Говорил? Наобещал всего, а теперь что? Теперь, милые, извольте тащить на себе ползебры сами, так, что ли?!

Ашади немного приподнял голову над травой, сонными глазами посмотрел на сестру, а потом изрек:

— Уйди, презренная. Не видишь — лев спит.

Шиадаль возмутилась до крайности.

— Да ты просто ужасен! Ну и валяйся здесь, валяйся, сколько влезет!

Тем временем пришла Нордоза. Увидев эту ситуацию, она сказала Шиадаль:

— Ну-ну. Кто же так обращается со львами? Смотри, как надо.

Она подошла к Ашади и нежно заворковала:

— Ашади, милый, пожалуйста, пошли с нами, ты нам так нужен, мы без тебя просто пропадем... Совсем-совсем пропадем. Я тебя очень прошу, ну? Разве тебе трудно?

Тот поднялся.

— Что ж, пошли. Погода просто сонная, понимаете?

Шаана улыбнулась и пошла к реке. Напившись и умывшись, она отправилась на луг за скалой дренгира. Она сразу же там нашла Акиду и еще несколько львиц; все были с детьми.

Сегодня она не имела полос на шее и выглядела самой что ни на есть обычной львицей прайда. Это делается только тогда, когда шамани собиралась сновидеть ночью.

— Привет, Шаана!

— Доброе утро!

Поговорив о всяких пустяках, львицы оставили Шаану, пообещав, что к полудню вернутся. Акида шла на охоту, остальные на занятия в яскарле Сигиса, там сегодня был какой-то общий сбор. Шамани осталась с галдящей компанией из девяти львят.

Тем временем, у входа к своей пещере, Таар был занят написанием сообщения в Хартланд, для конунга Кигали. Непосвященные не знали, что же пишут дренгиры и конунг друг другу, и все думали, что неизменно письма пестрят высокими фразами, умными оборотами речи и цветут пышной формальностью. Посыльным строго-настрого запрещалось при переноске читать письма, и этого, понятно, никто никогда не делал. На самом деле за многие годы у дренгиров и глав Союза выработался особый стиль, и даже особый сленг. Это было не только своеобразной утайкой посланий; свободный стиль странным образом сближал между собой правителей всех прайдов.

Таар взял в лапу перо грифа, обмакнул его в черный сок хирайи, который был смешан с водой, и начал старательно писать на листе:

«Честь, мой конунг Кигали!»

Как сам? Стало известно, что у западной границы разместились Венгари. Ведут себя прилично, не против сотрудничать. Собираюсь к ним прийти, познакомиться поближе. Твои соображения? В остальном мои границы чисты. Напоминаю тебе о северняках. Как там с ними? Давно не было вестей от делваннийцев, потому сообщи о них. В моем прайде все отлично.

*Готов умереть с тобой,
Таар»*

Таар любит простоту: лишние слова — лишние вопросы. Он сидел и ждал, пока сок высохнет, чтобы потом свернуть лист. Задумавшись, смотрел на написанные им самим большие, неуклюжие знаки древнего письма львов, и не заметил, как к нему подошел Харлан.

— Извините, мой дренгир.

— О, здравствуй Харлан. Что такое?

— Сегодня я уже хочу уходить.

— Что ж, — молвил Таар, — хорошо... Пусть будет так. Счастливого пути тебе.

— Спасибо. Ну, я пойду наверное...

— Харлан, постой. Скажи честно — почему ты уходишь?

— В Хартланде мне будет лучше. Здесь я потерял всякое уважение.

— Как твоя львица, дети?..

— Хорошо.

Он хотел сказать что-то еще, но передумал, и молча, не попрощавшись, ушел. Таара это даже разозлило на какое-то мгновение, но он понял, что смысла на него злиться уже нет. Он и так весьма достойно ушел; Таар ожидал от него удивленной морды и непонимающе-глупых взглядов. Но ничего такого: Харлан просто уходил, ни с кем не объясняясь; после того, как его яскарл выдвинул ему недоверие, он и его семья оказались в своеобразном молчаливом изгнании. «Он попросту почувствовал себя в прайде лишним», — понял Таар. Или он чувствовал это уже давно.

— Папа, а к нам там гости пришли! Нужно их встретить, они просят гостевого права, — прибежала жизнерадостная Шадири. Повертевшись вокруг задумчивого отца, который уже чисто из приобретенного навыка, как и любой отец, не замечал веселой болтовни своей дочери, она прыгнула прямо ему на спину.

— Шадири, веди себя, как подобает, — проворчал Таар. — Ты была на занятиях по бегу? Почему ты не на них?

— Они будут попозже, так договорилась Алири с Сигисом. Она для чего-то там забирает своих разведчиц, и...

— Хорошо, тогда беги, не мешай мне думать.

— Но папа, ты же меня совсем не слушаешь! — обиженно воскликнула она. Потом начала говорить по слогам: — К нам пришли гости, и тебе нужно их встретить. Сейчас с ними там мама и еще несколько наших. Иди, они около Общей пещеры, на месте сбора!

— Постой... Какие еще гости? — удивленно спросил Таар.

— Увидишь. Какие-то путешествующие целительницы. Они такие интересные, ты должен на них посмотреть!

Таар хмыкнул, поднялся, и попросил Шадири сбегать за одной из посыльных, Изизой. Изизу не пришлось долго искать — она спала в тени скал неподалеку, поскольку была предупреждена, что пойдет в Хартланд. Прибежала к Таару уже с небольшим лиановым шнурком; Таар надел ей на шею письмо, сказал несколько напутственных слов, обнял Изизу и отправил в главный прайд Союза. Он вообще

очень тепло относился ко всем посыльным, поскольку считал их судьбу весьма тяжелой, а обязанности — неблагоприятными. Его отец вовсе не отличался такими качествами: однажды он даже жутко разорался на посыльную, и довел ее до слез, поскольку та очень сильно опоздала, хотя была серьезная причина — ее задержал сам конунг. Таар же — прямая противоположность. В прайде всех очень поразил один случай, когда он только начал править.

К нему прибежала посыльная из прайда Хлаалу. Лил жуткий ливень, была ночь; в пещере у Таара как раз был собран совет по поводу возникшей проблемы: в землях Хлаалу появилась большая и нахальная банда свободных львов. Посыльная принесла срочное донесение; чтобы успеть, она бежала изо всех сил; к тому же она заблудилась ночью, из-за дождя, и должна была заново искать путь к прайду. Прибежав, она отдала Таару сообщение, которое почти насквозь промокло, несмотря на то, что было завернуто в листы. Он смотрел на нее, смертельно уставшую, и впервые увидел в жизни, как кто-то буквально валится с лап от усталости. На тренировках он не раз сильно уставал, в походах, и вообще в жизни бывало всякое, но неизменно оставался какой-то маленький резерв внутренних сил, когда еще вполне можно было стоять, идти; но он увидел, как ее глаза буквально закрываются от истощения, а лапы изменяют ей. Так и случилось: когда он ее обнял лапой, она попросту со вздохом свалилась в объятия дренгиру. Таар бережно перетащил ее в угол пещеры, когда делал это, она только успела прошептать: «Извини, дренгир, я больше не могу...». Он ее там положил, и та сразу, моментально заснула; Таар больше никогда не видел, чтобы кто-то так быстро засыпал. Он вышел к тусклому свету ночи к входу пещеры, чтобы прочесть послание. К нему подошли все остальные. Оно было изрядно размыто дождем, можно было различить только слова «...приходите...», «...сорок голов...», «...немедленно...». Другой бы на его месте сразу устроил взбучку посыльной за то, что не уберегла послание. Но Таару этих слов было достаточно, и впоследствии свора была уничтожена прайдом Юнити. А Таар снискал себе уважение и в прайде, и за его пределами. А еще, на будущее, он решил, что письмами будет передавать только действительно очень тайные сообщения. Такую вещь, как прошение о помощи, вполне можно поручить сказать самой посыльной. Некоторые традиции и правила действительно глупые, зачем каждый раз что-то писать?..

Таар вышел на место сбора, и увидел довольно большую компанию собравшихся — те, кто не был чем-то занят сегодня в прайде, пришли посмотреть на новых гостей. Это преимущественно старые львицы; здесь и старый Саргас, львица Таара Элиада, а еще Тарна. Дренгир подошел и поздоровался со всеми. В центре собравшихся сидели трое львиц.

Элиада, увидев, что пришел Таар, сказала:

— Вот мой лев и дренгир Таар.

Трое львиц тут же поклонились. Первая из них была совсем молодой, стройной, симпатичной, очень живой и шустрой с виду; вторая уже постарше, но она совсем не была похожа на мать молодой; была еще и третья львица, весьма старая, но казалось, в ней много жизненной силы и энергии, и весь ее облик говорил о том, что она еще утрет нос многим молодым. Таар подумал, что она слепая, потому что ее глаза как-то странно, невидяще смотрели на окружающее, словно не замечая предметов мира.

Вторая львица заговорила:

— Великий Таар! Мы странствующие цельтеильницы, живем вне какого-либо прайда, и просим разрешения остаться на одну ночь у вас, как гости. Мы знаем, что

ваш прайд входит в Союз, а поэтому мы можем взять гостевое право. В благодарность мы можем помочь тому, кто нездоров. И постараемся вам не мешать.

— Оставайтесь, — сказал Таар, — вы вполне можете воспользоваться гостевым правом и остаться в наших землях на три дня, если захотите. Сегодня же можете заночевать в прайде, если желаете. Место вам укажут потом. Милости просим.

— Большое вам спасибо, — сказала третья львица, похожая на слепую, — мы благодарны.

— Пожалуйста, — ответил Таар. Потом обратился к Элиаде: — Расскажи им вкратце, что можно и что нельзя.

Она начала объяснять некоторые правила поведения в прайде. Таар понял, что это обычные путешествующие львицы — такие редко заходили в его прайд по своей воле, но это, по сути, вполне обычное дело. Утратив к ним всякий интерес, он пошел по своим делам.

Элиада закончила объяснять и тоже ушла. Остальные собравшиеся разместились полукругом возле гостей и продолжили разговор. Тарна, который пришел сюда отдохнуть после обхода, спросил:

— Извините, мы с вами так и не познакомились.

Саргас его поддержал:

— Да, малый дело говорит. Как вас величать?

Самая младшая из них ответила:

— Меня зовут Вирис, мою маму зовут Кавиза, а нашу наставницу — Ифана.

— Ой, у нас так же в прайде есть Ифана, — молвила одна из львиц Юнити. —

Вот так совпадение.

— Ты так непохожа на свою маму, Вирис, — заметила одна из львиц.

— Я на папу похожа, — лаконично ответила Вирис.

— Извини Ифана, но скажи пожалуйста, ты совсем ничего не видишь? — спросил Саргас.

— Нет, немного вижу, — странно улыбнулась она. — Немного вижу... Просто довольно слабо. Меня ударил буйвол на охоте, и я, упав на землю, сильно ушиблась. С тех пор, к сожалению, плохо вижу. Кавиза и Вирис охотятся для меня.

У всех это вызвало искренние слова сочувствия.

— Если у кого-нибудь что-то болит, то мы можем помочь, — сказала Кавиза, ложась на землю, — обращайтесь. Насколько я знаю, в ваших прайдах также есть... целители...

— Да, у нас есть, целых пять шамани. Но четверо из них то ли ушли собирать какие-то травы, то ли еще по каким-то делам, — сказала мама Ашади, Зари, — осталась только одна ученица. А у меня уже давно спина болит, может вы что подскажете? И на плохую погоду всю аж выкручивает, и уже быстро не побегаешь... — сокрушалась Зари. — Спрашивала у наших, но может вы знаете нечто особое?

— В возрасте львицы это обычное явление. Боюсь, нету средства, которое бы наверняка лечило спину. Очень полезно плавать, вытягиваться, а еще есть дикий мед, только его нужно достать. Также нужно кости грызть.

— Кости? Вот не знала. И где же мед достать?..

— Тетя Зари, достанем, не проблема, — уверенно сказал Тарна, — нароем чеснока, обмажемся, и быстро улей в воду. Найти только нужно.

— Ну да, помню я. Ашади, еще маленький, с вами, сорванцами, улей так хотел сорвать. Забыл? Забыл уж, да. Весь искусанный несколько дней ходил, ревел, спать не мог.

— Всё нормально будет, тетя Зари, я теперь пойду мед добывать, а Ашади оставлю вам на присмотр. Правда, он невкусный, очень приторный и сладкий, — сказал Тарна.

Зари только вздохнула.

— А где эта ученица, о которой вы говорили? — неожиданно спросила Ифана, уставившись своими слабо видящими глазами на Тарну.

— Она здесь, в прайде, но где точно — не знаю...

— А она взрослая?

— Пятна уже сошли, — с улыбкой заметила одна из пожилых львиц.

— Совсем еще молоденькая, — ответила другая. — Только встала на взрослые лапы.

— Где ж тут взрослые лапы: юна она еще... — задумчиво сказал Саргас. — А вообще, годы летят. Разве не так, Зари?

— Ой, и не говори...

Старшее поколение начало свои обычные разговоры: как быстро проходит время, как когда-то всё было лучше, чем сейчас, и какая сейчас пошла молодежь.

Тем временем Кавиза наклонилась к Ифане и шепнула на ухо:

— Это хорошо.

Та только утвердительно кивнула. Вирис смотрела по сторонам, словно хотела кого-то найти. Ее морда выглядела обеспокоенной. Потом она также наклонилась, но уже к самой Кавизе, и тихо спросила:

— Как думаешь, эта... она нас заметит?

Та ей уверенно ответила:

— Если нас не увидит, то думаю, не будет проблем. А если даже и увидит, то также вряд ли будут проблемы. Она еще глупая и юная, расслабься. Беги искать. Нормально всё.

Вирис кивнула и быстро пошла в сторону.

— Куда ты, красавица? — громко спросил ее Тарна. — Я уж хотел с такой симпатичной поболтать.

Та улыбнулась и ответила:

— Скоро вернусь, не переживай...

Шаана рассказывала разные интересные истории нескольким маленьким девочкам. Мальчишки же играли — боролись, бегали, искали друг друга на скалах и под скалами, даже дерзнули и дернули проходящую мимо Ланнару за хвост, за что получили от Шааны и Ланнары хорошую трепку. Рассказывая сказки и истории, Шаана никак не могла сконцентрироваться — постоянно лезли в голову какие-то смутные мысли, хотелось встать и тут же пойти что-то делать, а что — непонятно. Было чувство того, что она теряет время, хотя причину этого чувства она никак не могла найти. Из-за этого ее истории получались смешными: она вдруг посередине повествования делала заминку, и дети думали, что шамани забыла историю, и начинали смеяться так, как только могут смеяться дети.

— ...правитель решил, что лучше будет, если он всё же отдаст свою дочь сыну дренгира, нежели за простого молодого льва, который... эээ... нууу...

На нее снова нахлынула волна неопределенных чувств. Она даже попыталась связать это с последними сновидениями, — что в них она сделала не так? Но нечто внутри нее твердо знало, что это никак не связано со сновидением. «Может, идут какие-то изменения во мне, о каких Шелли меня не предупреждала?..», — спросила кого-то внутри себя Шаана.

— И что же было дальше? — хихикая, спросили девчонки.

— Дальше? А дальше... итак, за молодого льва, который спас его дочь от... спас...

— Трех термитов! — озорно сказал маленький Намару.

— От трех термитов... каких термитов? Ладно, хватит историй на сегодня. Что-то я сегодня плохо соображаю, — задумчиво молвила Шаана. Намару приснул. — Вот и ваши мамы идут, смотрите.

Дети бросились к своим матерям, но Акиды, мамы Намару, среди них не было: она еще не успела вернуться с охоты.

— Присмотрите за Намару, а я пока пойду, хорошо? — попросила она львиц.

— Нет проблем, конечно.

— Да зачем за мной смотреть? — возмущенно спросил Намару. — Я уже сам могу гулять!

Шаана поняла, что просто не усидит на месте. Желание что-то искать, что-то делать усилилось еще больше, и она встревожилась не на шутку. В таких случаях, чтобы прогнать смутные ощущения, и, как говорила Шелли, «полностью придти в мир», полезно искупаться в воде с головой, желательнее подольше. Юная шамани так и решила поступить; также приняла ничем не обоснованное решение не обойти скалу дренгира справа, что короче, а слева; таким образом, ей нужно перейти через место сбора прайда. По пути она заметила какую-то львицу, и ей показалось, что она ее не знает. Но та быстро исчезла из виду за скалой. У Шааны мелькнула мысль: «Показалось». Наверное. От этого она разволновалась так, что пришлось остановиться и потереть уши лапами: еще один прием, которому научили наставницы.

Когда вышла на место сбора прайда, она заметила какое-то сборище рядом с Общей пещерой. И опять грызущее изнутри желание действовать, только как же, как действовать? Понятия не имела. С таким она еще не сталкивалась, а к любым необычным вещам шамани должны проявлять любопытство. Шаана честно старалась вызвать его вместо тревожности, а между тем лапы несли к собранию, в центре которого сидели две незнакомые львицы.

Ифана и Кавиза продолжали сидеть на прежнем месте, и Кавиза рассказывала Саргасу один из бесчисленных рецептов избавления от блох и клещей. Она не заметила молодой львицы с темно-золотистым цветом шерсти, которая к ним приближалась; зато Ифана, несмотря на свои плохие, незрячие глаза, моментально повернула голову в ее сторону, и неотрывно начала смотреть на нее. Кавиза заметила это резкое движение, неожиданно прервала свой рассказ, и тоже впиалась взглядом в Шаану, которая тут внезапно появилась. Они сразу поняли, что это именно та единственная шамани, которая осталась в прайде; Кавиза начала тихо паниковать, хотя никак не выдала этого — ее самоконтроль был хорош. А паника потому, что эта шамани, несмотря на свой юной возраст, без сомнения — сильна; уже то, что Ифана и Кавиза сразу ощутили ее, когда она еще даже не подошла близко, хорошо показывало это. Некоторых шамани можно опознать разве только по полосам на шеях, а еще только по их исполненным гордости словам о принадлежности к «тем, кто знает». Настоящих же львиц знания ощущаешь сразу и незамедлительно; знали это опытные шамани-отступницы Кавиза и Ифана.

Это грозило худшим — смертельной опасностью. Она может догадаться, ощутить, или даже знать, кто они; тогда им грозит смерть, или, в самом лучшем случае, немедленное изгнание вон с земли прайда. Ифана незаметно сжала лапу Кавизы, молчаливо призывая не паниковать. У них не было другого выбора, как сидеть и ждать, что же будет дальше. Если они засуетятся и начнут спешно убираться отсюда — это будет верное разоблачение, и их могут убить. Ифана подумала, что сегодня

весьма не повезло: мало того, что шамани, без сомнения, нашла их сама, так еще и оказалась весьма сильной...

Для остальных эта немая сцена не значила ничего особенного. Тарна сказал:

— О, познакомьтесь, это наша шамани, Шаана. Мы вам рассказывали о ней.

Собравшись, Кавиза сказала:

— Здравствуй! Ты Шаана, так?

Она смотрела на них обеих. Стали буквально наползать различные мысли и образы в голову — то ли она когда-то видела этих двух львиц, то ли они снились ей, то ли... Она вдруг поняла, кристально чисто, что сегодняшние смутные чувства связаны с ними, и что они, несомненно, хорошо знакомы с ее тропой.

— Да. Полагаю, это я.

Ответ насмешил всех остальных.

— Извини, мы тебе не представились, — сказала Ифана, — позволь же сделать это: путешествующие целительницы. Зашли к вам в прайд в гости, на один день. Рады видеть ту, которая идет с нами на одном пути.

Шаана все поняла. Ну конечно же! Присутствие этих целительниц она ощутила сегодня; это и являлось причиной смутных чувств. Ей показалось, что все предельно ясно, и беспокоиться не о чем.

— Я рада также, — кратко ответила она, и села.

Ифана поняла, что пока всё обошлось. Нужно и дальше строить хорошую мину при плохой игре, и тогда будет всё нормально. А тут, как назло, все молчали.

— Слушай, Шаана, а может тебе чему-нибудь научиться у них? — сказала Зари. — Они наверняка многое знают, всюду ведь побывали, верно?

— Верно, — сразу ответила Кавиза, — были мы в разных прайдах. Видели много всего. В одном прайде видели такую традицию. Когда рождается мальчик или девочка, весь прайд...

Тем временем вернулась Вирис. Она не спеша легла около Ифаны, и воспользовавшись тем, что Кавиза сейчас говорила, быстро и тихо, не наклоняясь к ее уху, сказала:

— Нашла. Побыстрее.

— ...в саванну, где самая лучшая охотница прайда делает ему шрамы на глазах, девочкам с левой стороны, мальчикам с правой...

— И что самое интересное, — вдруг перебила ее Ифана, — они никогда не...

Вирис незаметно дотронулась лапой к Кавизе, та обернулась, и всё поняла.

— ...ведь попасть можно прямо по глазу, и дитя может навсегда лишиться одного глаза. Такие вот традиции.

— Это явно лишнее, — сказала одна из львиц. — Зачем такие вещи для маленьких детей?

— Ладно, извините нас пожалуйста, — молвила Ифана, — но мы немного устали — шли почти целую ночь. Мы пойдем, немного передохнем, поспим; Вирис нашла для нас место, где мы не будем мешать прайду.

— Что вы, можете остаться здесь, — наперебой заговорили все, кроме Шааны.

— Нет, нет, мы всё-таки гости, и должны вести себя как подобает гостям, — сказала Ифана.

Попрошавшись, они довольно быстро ушли. Все разошлись, и только Шаана и Тарна остались на месте. Тарна тут же встал, отряхнулся и пошел спать в тень камня. Она же села, и попыталась немного успокоиться; ей несвойственно сильно волноваться, но сейчас всё равно как-то... тревожно. Шаана даже начала злиться на саму себя; она решила пойти к реке, как и намеревалась, но идти туда почему-то расхотелось.

— Тарна, как тебе эти трое?

Он открыл глаза, перевернулся на живот, зевнул и сказал:

— Интересные такие. Давно к нам такие гости не заходили. Рассказывали всякое интересное... А почему ты спрашиваешь?

— Так, — неопределенно ответила Шаана, — просто.

— Знаешь, ты как-то странно выглядишь.

— В смысле?

— Не знаю. Ты выглядишь какой-то... растерянной. Что-то случилось? — Тарна обеспокоено посмотрел на нее.

— Мне кажется, что-то не в порядке... нечто не так, — сказала Шаана, и удивилась; она совсем не это хотела сказать.

— Не так? Что? — уши Тарны поднялись, он внимательно смотрел на нее зелеными глазами.

Шаана промолчала. Наступила неловкая пауза. Тарна встал и подошел к ней. Он подумал, что она чем-то очень огорчена, и хотел успокоить.

— Кстати, они многое знают. Пойди их, расспроси, обязательно подскажут что-нибудь новое, особенно та старая, Ифана. Вот Зари сказали, чтобы кости грызла, это полезно для здоровья спины. А она не знала. Вот так вот, Шаани.

— Кости... — отвлеченно повторила Шаана. — Кости? При чем тут они?

Тот неопределенно помотал головой: «Ты о чем? Что с тобой?»

— Позвоночник это не кость, а хрящ... И совет грызть кости тут глуп... — вслух размышляла Шаана.

— Ну, по крайней мере, не мешает, — Тарна направился назад к своему лежбищу.

— Тарна! Мне нужна твоя помощь. Пошли со мной, — вдруг молвила она.

— Куда?

— Идем, идем. Прошу тебя. Я должна поговорить с теми львицами.

— Хорошо, без проблем.

Она быстрым шагом направилась в ту сторону, куда пошли львицы — туда, где Шаана раньше приглядывала за детьми. Вскоре она перешла на легкий бег, чего Тарна, следующий за ней, не ожидал — куда так спешить? Но последовал, не отставая. Они обогнули скалу дренгира и оказались на открытой местности. Далеко, в траве, находились молодые львицы с львятами; Шаана остановилась, и начала искать Намару, но его не было видно. А впереди, с юга, возвращался охотничий отряд Нордозы. В нем Шаана заметила Акиду. Она побежала к ним, Тарна снова последовал за ней.

— Нордоза! Нордоза! Акида! Бегите за мной, скорее!

Все в отряде остановились и обеспокоено переглянулись — такой взволнованной Шаану еще никто никогда не видел. Им сразу передалось ее волнение. Подбегая, даже не спросили, что случилось; это сделал шедший с ними Ашади, который подбежал следом:

— Что такое?

— Ашади, беги за мной, все за мной! Они украли Намару, они убьют его!

Шаана вдруг поняла, что каждое слово попросту забирает у них время; она всем сердцем чувствовала стыд за то, что не смогла уберечь прайд от такой напасти, и что Намару может навсегда исчезнуть из их жизни. Ну конечно же! Как она могла забыть рассказ Шелли об особом виде бродячих шамани, которые избрали жуткий способ добывания силы — они всеми способами выискивают маленьких львят, а потом с особым ритуалом убивают их, и таким способом получают силу. Этот путь позволяет им обрести множество неуправляемой силы в краткий срок.

Шаана бежала туда, куда несли лапы; никаких разумных зацепок о том, куда же они ушли, у нее не было. Она всей сутью не желала допустить того, что должно было случиться, поэтому неслась над землей изо всех сил, которые находила в себе. «Успеть, успеть, догнать, только бы успеть...». Эта мысль поработила ее в эти мгновения; никаких сомнений в том, правильно ли избрано направление, у Шааны не было.

Вот они, трое! Они спешно продвигаются к зарослям, чтобы скрыться, быстро уйти с земли прайда. Намару послушно, не сопротивляясь, идет рядом с ними; Шаана продолжала бежать. Вот уже показались их испуганные морды, и они на мгновение застыли в смятении. Две старшие стояли на месте — понимали, что единственный выход для них теперь: стоять здесь, на своем месте, ни в коем случае не убежать, потому что это бессмысленно — все равно настигнут. Тогда смерти не миновать, а никому в этом мире, даже им, умирать не хочется. Но неопытная, молодая Вирис сделала фатальную ошибку своей жизни: она, схватив в зубы львенка, начала убежать со всех лап. Две остальные закричали ей «Стой!», но поздно. Шаана уже совсем недалеко; бегущие за ней Ашади, Нордоза, Акида, Тарна и остальные также скоро будут рядом.

У них не оставалось выбора: теперь Кавиза закричала Вирис «Бросай!», чтобы та успела удрать — ноша в зубах не позволяла быстро бежать. Но та сообразила и бросила свой груз, и тут же о него споткнулась, чуть не упав; но продолжила бежать, не оглядываясь, подхлестываемая страхом за свою жизнь. Кавиза и Ифана также начали убежать, но это была лишь жалкая попытка отсрочить неминуемое — Ифана бежала слишком медленно.

Шаана уже почти рядом.

— Беги! — тоном приказа Ифана сказала Кавизе, остановившись.

— Нет. Тебя не брошу, — остановилась и та. Слишком многое их связывало, и убежать без нее в такой момент было для Кавизы нелепо.

— Что ж... — только и успела сказать Ифана.

Шаана уже здесь, на расстоянии прыжка, с оскаленными зубами и горящим взглядом; мимо них пронеслась Акида, которая бежала к лежащему в траве сыну — она видела, как его бросила себе под лапы Вирис.

— Ты выиграла эту битву, дитя, а мы — проиграли. Но мы встретим свою судьбу, — чуть улыбаясь, смотря Шаане в глаза, сказала старая Ифана.

Кавиза не собиралась умирать, как глупая кроткая тварь, — она сжалась, чтобы прыгнуть на Шаану и вцепиться куда-нибудь — в горло, бок, лапу, шею — за что угодно, лишь бы вцепиться и успеть причинить боль, прежде чем ее убьют. Но поздно — начатый полет прервался огромным телом Ашади, который с разбегу налетел на нее, чтобы смять и сокрушить. Та попросту отлетела далеко назад, оглушенная; встала на непослушные лапы, чтобы дать последний отпор; но не смогла этого сделать, потому что Ашади двумя яростными ударами по глазам львицы потушил свет дня в ее глазах, и она навсегда перестала видеть. Кавиза завалилась набок, и уже не вставала.

Шаана и дальше смотрела на Ифану. Она словно не замечала происходившего вокруг; Ифана тоже смотрела на ее в ответ. Шаана почувствовала нечто вроде головокружения, и поняла, что нужно отводить взгляд; ее воля, уже натренированная, пыталась освободиться, но Ифана — старая, сильная шамани. Последние мгновения жизни сделали ее дух еще сильнее.

— Шаана! Ты проклята, будь ты проклята, на всю жизнь будешь проклята! И не сможешь избавиться от этого никогда! Это мое последнее намерение, последнее!..

Не сводила Ифана своего взгляда, но потом, увидев, что Тарна хочет свалить ее на землю, решила и ему оказать сопротивление: она издала страшный, дикий крик, смешанный с рыком, смотря на него; тот, словно оглушенный, начал мотать головой и отошел в сторону. Было впечатление, что он потерял ориентацию; потом он прилег, не в силах совладать с головокружением и оглушением.

Но Ашади тут же свалил Ифану с лап, одна из только подбежавших львиц прижала ее вместе с ним к земле. Львица не стала зря терять времени — она челюстями сжала горло Ифаны, чтобы задушить; а Ашади держал ее, чтобы она не вырвалась.

Подбежали все остальные. Нордоза и Шиададь спросили у безмолвно и неподвижно стоящей Шааны, всё ли в порядке, и она ответила: «Да». Она помотала головой и снова обрела над собой власть и способность ясно воспринимать окружающее. Осмотрелась — все собрались полукругом возле места, где всё произошло; Ашади с львицей медленно убивали Ифану, ибо оставлять ее в живых не было смысла: в любом случае ее ждала смерть, рано или поздно, ибо она вместе с двумя другими сделала непростительное преступление, наказанием за которое может быть только лишение жизни. Шаана посмотрела вдаль, где виднелась Акида. Около нее стоял заплаканный, с кровью на ухе, но живой и в целом здоровый Намару, и шамани вздохнула: она сделала то, что должно, и его жизнь спасена — долг исполнен.

Вскоре Ашади встал с тела Ифаны — с ней было покончено. Тарна уже оклемалялся от крика Ифаны, и удивлялся, как такое могло произойти. Шаана кратко объяснила ему, что это был не обычный крик.

— Шаана, кто они, что здесь произошло?! — обеспокоено спросила Нордоза, смотря на два неподвижных тела.

— Они пришли сюда с целью украсть львенка, чтобы потом его убить. Так они получают силы для самих себя... — грустно объяснила Шаана.

Подошли мама и сын — Акида с Намару. Акида от пережитого волнения выглядела сама не своя.

— Они хотели украсть моего ребенка! Слышите! Хотели украсть!

Потом она посмотрела на Шаану.

— Как они украли моего сына?! Ты видела?! Я же говорила тебе, не нужно лезть где-то без спросу! — последние слова были обращены к Намару, который прижался к маминому боку; но в голосе Акиды совсем не было злости.

— Я не видела. Пока тебя не было, к нам пришли эти трое, и сказали, что они целительницы. На самом деле они суть шамани, которые... — Шаана не хотела говорить при Намару, — ...в общем, крадут детей.

— Шаана, ты ведь была со мной, — сказал Тарна, — и не видела, как его украли. Откуда ты узнала?

Она не знала, что сказать. Не объяснишь же в самом деле, как она это узнала, если сама не ведала этого.

— Так... — неопределенно сказала она. — Неважно.

Все переглянулись. Впечатлили такие способности молодой шамани, отчего все прониклись к ней уважением. Вопросов на эту тему больше не возникло. Акида кинулась к Шаане, потерлась о нее и обняла.

— Ты спасла моего сына, сестра. Ты спасла его. Спасибо тебе...

— Всегда пожалуйста, — ответила Шаана, закрывая глаза от смущения. Многие заулыбались. Наконец Акида отпустила шамани из объятий, и нарочито строгим голосом сказала Намару:

— Иди, скажи «Спасибо» милой Шаане. Быстренько!

Тот подошел и сказал:

— Спасибо, тетя Шаана, что львица не дала меня украсть.

Та только придвинула его к себе, лизнула и заурчала. Остальные же начали обсуждать случившееся. Шаана спросила, наклонившись к нему:

— Намару, родной, где они тебя встретили?

Он уже справился с впечатлениями пережитого, и не обращал внимания на два тела неподалеку. Все будущие львы воспитывались в смелом и мужественном духе, и ему не пристало пребывать в смятении или плакать, как девчонка. Он ответил:

— Я не хотел, чтобы кто-то за мной присматривал... Ко мне подошла та, самая младшая, и сказала, не хочу ли я посмотреть на одну интересную вещь...

— Ты видел, как они пришли в прайд?

— Да, знал, что это одна из гостей, поэтому мне стало интересно, и я пошел. Подошли потом эти двое, — он кивнул в сторону двух тел и растерянно сказал: — А дальше не помню, что было. Не знаю... Мне кажется, я заснул, а проснулся — куда-то меня тащат на бегу. Потом... бросили.

Шаана больше не стала ничего спрашивать, и он ушел вместе с мамой прочь, в прайд.

«Для них, шамани-отступниц, заставить львенка идти за собой — легкая задача», — подумала Шаана, отвернувшись от всех.

Все остальные так же начали расходиться. Нордоза сказала: «Пошли, Шаана, идем». Тарна дотронулся к ней лапой, как бы приглашая следовать за ним. Она ответила: «Сейчас». Никто не собирался убирать тела двух львиц — они достаточно далеко от прайда; трогать мертвых, ни своих, ни чужих вообще не принято, и делается это только по большой необходимости.

Шаана думала о том, что случилось; яркое солнце освещало мир вокруг нее, и это контрастировало с ее печалью. Она подумала о том, почему же эти трое выбрали именно такой страшный путь в обретении силы; признаться, она не совсем верила Шелли, которая рассказывала о таких шамани. Она подумала что, без сомнения, всё в мире имеет свою ценность, и они заплатили цену за свой путь.

Вспомнила в подробностях, как Ифана прокляла ее. Странно, но большого беспокойства по этому поводу не почувствовалось; но она понимала: нужно быть осторожной с такого рода вещами, тем более, что последнее намерение всегда имеет намного бóльшую силу, чем обычно, а тем более, если это намерение шло от сильной шамани. Шаана не знала, что делать, и решила дожидаться Шелли, чтобы найти совет; а пока нужно быть осторожной, и не делать всего, что требует контроля и силы: сновидеть, стараться влиять на других, прочее. Нужно на время успокоиться, уйти, и заняться самыми обычными делами.

Шаана уже хотела уйти, но услышала слабый стон. Удивилась она этому. Повернув назад голову и подняв уши, прислушалась. Стон повторился — стонала Кавиза; как удивительно — она еще жива. Шаана подошла к ней, и увидела морду в крови и большие следы когтей Ашади. Она уже слепая, и ее мгновения — сочтены.

— Почему, почему ты избрала такой путь? Неужели нельзя по-другому? — Шаана наклонилась к уху Кавизы, с грустью вымолвив свои слова.

Та только слабо постанывала и пробовала пошевелиться. Наконец, очень тихо спросила:

— Кто здесь?

— Та, которая вас раскусила.

— Чего хочешь?..

— Ничего... Услышала твой стон.

— Тогда убей меня. Чего ты ждешь? — вымолвила Кавиза настолько яростно, насколько позволяло ее положение. Потом вдруг добавила: — Что у меня с глазами?

— Считай, что их у тебя нет.

Она затихла. Шаана понимала, что оставить ее здесь просто так означало обречь ее на мучительную одинокую смерть под палящим солнцем. Выход один; но Шаане не хотелось ее загрызть или душить, это будет мучительно. Она вообще, как и все шамани, остро чувствует жизнь, и сочувствует всем существам, которые бродят по этому миру.

Она ушла на поиски строфанта. Этот ядовитый кустарник распространен в здешних местах; ядовиты в нем семена и цветы, меньше яда — в стеблях. Он вызывает паралич и остановку сердца; смерть от него быстрая и легкая. В очень маленьких дозах цветы и семенные коробочки строфанта хороши для слабого сердца; если у кого-то кружится голова, одышка, то строфант — самое верное средство для лечения. Работать со строфантом шамани учили своих учениц всегда поздно, поскольку если дать его слишком много, то лекарство тут же превращается в сущий яд. Существовала традиция, которая гласила, что первое приготовленное лекарство со строфантом (да и вообще с любым ядовитым компонентом) ученица или ученик должны принять сами, отчего желание всё изучить поподробнее чудным образом многократно возрастало. Шаана сама еще ни разу не делала такого лекарства, но о свойствах строфанта знала хорошо.

Она долго искала куст строфанта, и наконец нашла. Взяв первый попавшийся лист с другого куста, она когтями сорвала десяток еще не распустившихся мелких цветков, и поместила их в лист. Лапой рвать трудно, но иначе тут нельзя. Потом сам лист осторожно взяла в зубы, и вернулась к Кавизе.

Та, услышав снова чьи-то шаги, перестала стонать. Шаана поставила лист на землю, и сказала ей:

— Я тебе сейчас кое-что дам, и твои муки прекратятся.

Кавиза, вероятно, немного пришла в себя, и даже подняла голову с земли.

— Что дашь? — тихо спросила она.

— Цветки, тебе их нужно съесть.

— Строфант? — спросила она. Шаана заметила, что она даже немного улыбается.

— Да.

— А знаешь, я когда-то была хорошей целительницей... — ей было трудно говорить.

— Почему тогда пошла таким путем?

— Долгая история... Некогда рассказывать. Я выходила Ифану, которую ударил буйвол. Она в благодарность взялась меня учить путям шамани. Я была... — тут Кавиза притихла, а потом застонала. — Глаза... Так болят. Я была простой целительницей, не шамани, в одном прайде, далеко... отсюда. Ифана научила меня контролю своего поведения и внимательности к окружающему миру, научила сновидению, путешествию в двойнике по нашему миру, много чему... А потом и этому. Сначала было страшно... Но потом ощущение того, что ты добываешь силу прыжками, а остальные идут маленькими шажками, взяло надо мной верх. Невероятные ощущения...

— Путешествие в двойнике по нашему миру — это когда выходишь в сновидение, а потом бродишь по этому миру?

— Да... это по-разному называют, но суть та же. Находиться в сновидении с иллюзорными образами — мало смысла. Очень полезно в двойнике быть в этом мире, или еще в других мирах...

— Я была в одном, — задумчиво сказала ей Шаана. — Который похож на наш, но не такой, в нем как бы время течет медленнее...

— Да... это первый. Нам же доступно пять миров, так говорила Ифана. Она была очень сильной шамани и *видящей*, благодаря такому источнику силы...

— Видящей? Что это значит? — спросила Шаана. Она впервые такое слышала.

— Тебе не рассказывала твоя наставница о виденье, и видящих?

— Нет, никогда.

— Твоя наставница тебе рассказывала о том, как работает наш ум? Что мы постоянно называем вещи, а потом воспринимаем их такими, как их называем?

— Да.

— Она рассказала тебе это, но... так трудно жить в эти мгновения... Очень больно, — Кавиза легла назад на землю. Она немного помолчала, но потом продолжила. Казалось, что она чувствует потребность рассказать всё, что знает:

— Но не сказала тебе главного: наш ум можно остановить, и тогда мы обретаем способность воспринимать вещи такими, какими они есть на самом деле...

— А какие вещи на самом деле?

— Это невозможно описать... Я не знаю. Видеть — значить быть видящим; значит проникать в суть всех вещей, всех живых существ. Тебе наставница, наверное, решила пока не рассказывать, я так считаю... Или она сама не является видящей, ибо можно быть сильной шамани, но не видеть.

— Как этого добиться?

— Ифана говорила, что секрет в намерении и наличии достаточного количества силы... Послушай, главное... Слушай!.. Главное — не быть их рабыней, все они глупцы, и ничего не знают! Они тебя задерживают, отбрасывают. Брось их, и станешь могущественной, поверь...

Шаана не могла понять, о чем идет речь: «Кого бросить? В чем рабство? Кто задерживает?».

— Дай мне строфант, львица... Извини, забыла твое имя. Прости глупую Кавизу — ей очень стыдно за свои поступки и жизнь, так не должна была жить шамани. Помни, что я тебе говорила — можно стать видящей, ты можешь это сделать, в тебе много силы...

Шаана дала ей маленькие цветочки, и та сразу, разжевав, проглотила их.

— В конце концов, ты искупила свою вину своей жизнью, Кавиза. Уходи с чистым сердцем.

Та хотела что-то еще добавить, но не успела, потому что вся сжалась, и умерла. Строфант всегда действовал очень быстро.

Шаана ушла с этого места и направилась к реке, чтобы смыть всепоглощающую грусть.

**

Таву пришел вместе с остальными с охоты, и узнал последние новости в прайде. Все только и говорили об этом страшном происшествии. Узнав, что всё обошлось хорошо, он не захотел тратить время на обсуждения, а решил найти Иришу — ему отчаянно нужно было с ней поговорить. Но ее нигде не было; Таву даже зашел в Холодную пещеру, но ее не было и там. Пошел к Северным скалам, в надежде на то, она что там отдыхает, или, может, ее мать, Ланна. «Кстати, неплохая идея — поговорить с Ланной насчет меня и Ириши...». Но кроме Хали, там никого не оказалось, что очень непривычно. «Вероятно, все ушли обсудить новости», — подумал Таву.

— Славный день, Хали!

— Привет, дружище.

— Слушай, ты Ириши не видел?

Тот встал, отряхнул с себя пыль и грязь, пригладил лапой свою короткую, с сероватым оттенком гриву.

— Ты разве не знаешь?

— Что?

— Ириша ушла на длинную охоту, вместе с еще пятью.

Длинной охотой называлась охота на местах, которые находились вдалеке от основных земель прайда. Туда, как правило, ходили молодые львицы и львы, иногда — старые, а еще подростки, чтобы охотиться там самостоятельно, и не создавать чрезмерной нагрузки на охотничьи группы прайда и не лишать земли пищи.

— Проклятье... Он ее отправил, я уверен, подальше с глаз моих.

— Слушай, Таву, успокойся. Мне кажется, тебе не нужно слишком сильно переживать. Вокруг полно хороших львиц, пойми меня правильно. Не надо за ней бегать.

— Хали, ты не понимаешь ничего, совсем ничего. Мы любим друг друга. Но всему мешает ее отец!

Хали поставил лапу ему на плечо.

— Слушай, Таву. Не хотел тебе этого говорить, но скажу. Она б давно наплевала на всякие запреты, и ушла с тобой, хоть бы там Дальвар бился своей головой о камни и рвал на себе гриву, если бы по-настоящему любила тебя...

— Но!..

— Не перебивай. А если она твердит, что действительно тебя любит, но не может быть с тобой, потому что она боится папы, то это в любом случае чепуха. Она или еще слишком мала, или просто трусиха. В решающий момент она не пойдет за тобой, понимаешь? Не пойдет. Львица всегда должна идти за своим львом, хоть бы что. Смотри, мы ссоримся с Айшей; но она неизменно пойдет за мной, когда я позову ее, когда настанет трудное мгновение. Брось Иришу, Таву. Друзья не те, что красиво лгут, а те, кто открывают глаза.

Таву был глубоко подавлен.

— Она пойдет... Она должна.

— Ничего не должна, Таву. Попомнишь мои слова. Не переживай так, всё нормально. Идем, поборемся что ли?

— А когда?

— Сейчас.

— Нет, давай уж завтра...

— Ладно, страдалец. Слушай, пошли к реке, я попью на ночь глядя.

— Идем, — сказал Таву, и они пошли. По дороге встретили Шаану с Шиададь, и уже вместе, все четверо направились к воде. Когда уже почти подошли к воде, их кто-то окликнул:

— Эй!

Все, кто в тот момент был на водопое у реки — а это голов десять — повернули голову на север. На противоположном берегу к ним шли Аврина и Шелли.

Многие тут же бросились встречать их, в том числе и Шаана, Таву, Хали и Шиададь. Начались радостные приветствия и расспросы — их не было в прайде семь дней. Вскоре подошли Таар и хромой отец Шааны, Агринар, и лев Шелли Тарнис, и многие другие, чтобы поприветствовать возвратившихся шамани. В общей суматохе Шаана сказала Шелли на ухо, что нужно побеседовать. Та кивнула и ответила, что они поговорят, но чуть попозже.

Таар рассказал Аврине и Шелли новости о прайде Венгари, и о сегодняшнем событии. Они очень удивились таким новостям.

Когда солнце уже начало заходить, все мало-помалу разошлись. Но у воды остались Аврина, Шелли и Шаана. Шелли ушла далеко в сторону, чтобы смыть с лап грязь дороги.

— Ну что, а как вы сами? Я так и не поняла: где Иримэ и Нарра? — села возле бережка Шаана, наблюдая за наставницей.

— Остались с той львицей — она не сможет охотиться сама дня три. Скоро вернутся, — ответила Аврина. — Сегодня только и говорят, как ты подловила... этих. Как тебе это удалось?

— Не знаю. Просто не знаю... Это было похоже на какое-то неудобство, желание что-то сделать. А когда я их увидела, то чувства усилились еще больше. Нечего тут сказать, если честно...

Аврина, конечно же, обиделась. Она повернула голову в сторону, и молвила:

— Ну, не хочешь говорить, как хочешь... Ты всегда что-то темнишь. Любишь потемки.

— Я ничего не скрываю, Рини, ничего, — хотела оправдаться Шаана.

— Не называй меня так! Я ж тебе говорила! — вспыхнула Аврина.

— Хорошо.

— Ну и ладно. Пока, — и, не дождавшись прощания в ответ, ушла.

«Почему она меня в последнее время так недолюбливает? Семь дней прошло, так долго не виделись, могла б отнестись потеплее... Да и вообще, в чем причина?», — подумала Шаана. Впрочем, она уже многое знает; и этот мир сейчас для нее уже не настолько реален, а она не воспринимает себя настолько серьезно, чтобы слишком беспокоиться из-за чужих слов.

Вернулась Шелли и заметила отсутствие одной из учениц.

— А где Аврина подевалась?

— Ушла уже. Обижается на меня. Почему-то...

— Ну, раз так... Пошли, прогуляемся.

Они пошли вдоль реки; саванна медленно погружалась в ночь. Шаана очень любит ночь, ибо день слишком шумен и занят жизнью; но ночь всегда спокойна и не давит на сознание пестротой красок. Она посмотрела на Шелли и подумала, что та чувствует то же самое — наслаждение быть здесь и сейчас, в этой сгущающейся темноте.

— Расскажи теперь мне ты, что случилось, — сказала она через некоторое время, когда они уже проделали небольшой путь. — Кстати, я очень горжусь тобой. Рада я, что ты справилась и спасла прайд. Я знала, кого оставить.

— Спасибо, Шелли, так уж получилось.

Шелли и Нарра хвалят редко, и если они это делают, значит она сделала действительно что-то выдающееся.

— Но по справедливости сказать, — продолжила Шаана, — я не знаю, каким образом я всё это сделала. Честно...

— Ох уж эти невинные глазки, — с улыбкой и прищуром посмотрела на нее Шелли, и остановилась. Они пришли к одному из любимых мест Шелли — небольшому обрыву над рекой. — Сейчас мы во всем разберемся, по крайней мере, попытаемся. Это важно.

Шаана молчала, не зная, что говорить. Наставница кивнула ей, приглашая начать рассказ.

— Ну... Встала утром. Я обещала Акиде присмотреть за Намару, поэтому пришла к лужайке за скалой дренгира, а там уже собралось порядочно голов. В общем, осталась смотреть за детьми. О входе в прайд тех трех... не знаю даже как сказать... Как они называются? Шелли так мало мне о них рассказывала, и так давно...

— Никак не называются. Они также шамани, просто с особенностью: они добывают силу убийством маленьких детей, обязательно мужского пола. Они считают, что именно начало самца и сила дает то, что им нужно.

— Они действительно берут и сразу съедают, как, например, какого-нибудь поросенка? Ничего, если я буду по ходу рассказа спрашивать?

Шелли сделала широкий жест лапой.

— Сегодня любые вопросы приветствуются. Нет, они не съедают его сразу, живьем. Это причиняет слишком много страданий, и слишком сильно влияло бы даже на самых решительных и упорных. Они дают любой доступный яд, реже — душат. Прделав небольшой ритуал, я не знаю его сути, ибо никогда не видела, — они съедают, но не полностью. Мне вообще известно о них мало, теперь они встречаются всё реже и реже. Вот, таким образом они получают огромное количество силы, которое могут использовать, как хотят... Еще я знаю, что в древности таких шамани было больше, и иногда они ели... жертву сразу, живьем — это дает самое большое количество силы, но способны были на такое совсем немногие. Сила, полученная таким способом, имеет особое качество, а ум такой шамани навсегда изменяется; в дальнейшем они вполне могут обрести безумие. Это опасный, трудный и беспорядочный путь; в конце концов, большинство находит вместо силы хаос и ужас в голове, и сходят с ума. Кроме того, они привыкают жить без дисциплины и воли духа, ибо всё получают почти что даром, и от этого гибнут. Продолжай.

— В общем, я не знала, что они пришли в прайд. Но с утра, до полудня, меня терзали смутные чувства — неведомое неудобство, я не могла сидеть на месте, казалось, упускается мной что-то очень важное, но что — непонятно. Никаких догадок о том, что пришел кто-то, просто вот такие ощущения. Наконец, я встала, оставила Намару и детей на пришедшую с охоты Айшу, и остальных там... Пошла на место сбора, они сидели там... Я почувствовала, уже ясно, что они — шамани. Особенно та, старая. Их было три: младшая, средняя и старая. Среднюю звали Кавиза, старшую Ифана, младшую — не помню. Потом... потом они ушли... Да, я с ними не говорила, просто сидела — беседовать не хотелось... Тревожно было, непонятные чувства. Так вот, они ушли, и тут меня лапы саму понесли: позвала Тарну на помощь, потом по дороге остальных, мы их настигли... Я точно знала, куда бежать, сомнений не было никаких. Молодая смогла удрать. Двух тех мы убили на месте...

Шаана остановилась. Шелли очень внимательно слушала ее — Шаане подумалось, что так внимательно ее не слушал еще никто в жизни. Она вообще очень хорошо умела слушать; но сейчас наставница поглощена рассказом, как никогда.

— Но перед тем... Старая, Ифана, перед тем как ее убили, она... это...

Шаана заметила, что нежданно слова стали такими тяжелыми, как камни. Таковую же тяжесть слова имели и в сновидении; говорить в осознанном сне очень трудно. Испугалась, но не подала виду; но Шелли заметила страх.

— Она прокляла меня, сказав такое: «Ты будешь проклята, навсегда проклята, это мое последнее намерение...».

Невероятная тяжесть навалилась вдруг на нее саму. В темных и далеких глубинах сознания сидело и противно посмеивалось это воспоминание; оно был незаметно в дневной суматохе ума, но, когда она добралась до него сейчас, то почувствовала весь связанный с ним ужас. Захотелось сжаться и заплакать; оттого она ощутила стыд — ведь она может с этим справиться!

— Что мне скажет Шелли?..

Она ничего не ответила, но начала действовать. Тут же встала и коснулась Шааны, молчаливо приглашая встать. Шаана хотела узнать, что такое, и что ей делать, но Шелли кивнула головой: «Пошли за мной». Она спустилась к воде, Шаана за ней.

Шелли зашла в реку по грудь, Шаана встала напротив, и вдруг без каких-либо предупреждений наставница схватила ученицу лапой за загривок и приказала:

— Расслабься!

Тут же с силой надавила лапой вниз; Шаана вся ушла под воду. И тут же вынырнула. Шелли снова надавила, и та уже сама пошла вниз, с головой в воду. Это было крайне неприятно: вода попала в уши, и пришлось отряхнуться, как потребовали рефлексy. Шелли пошла к более мелкой воде, легла прямо в ил и воду, кивнула на место рядом с собой, приглашая сделать то же и Шаану. Она так и сделала. Шелли сказала:

— Наклони голову к воде, поближе. Еще. Да, вот так, умница.

Отмыв лапу от ила в воде, она начала омыывать ее голову водой. Высунув лапу из воды, она сразу ставила ее на голову Шааны, а потом легко проводила вниз, к шее. Каждый раз она делала это то с правой, то с левой стороны. Это продолжалось очень долго — Шаана уж успела замерзнуть, и шерсть ее полностью промокла. Но Шелли неуклонно делала свое дело, потом внезапно сказала:

— Вспомни тот момент, получше вспомни.

Шаана начала вспоминать место, Ифану, ее слова, ощущения... Шелли так же продолжала ее мыть; очень тихо что-то пела, какой-то красивый мотив. Шаана никогда не замечала, чтобы она пела, а потому от любопытства приподняла голову и посмотрела на нее. Наставница улыбнулась, и глаза блестели, как лунная дорожка на воде; Шаана часто замечала, что горят ночью глаза Нарры и Шелли, и подумала, что возможно, ее глаза сверкают точно так же. Она пришла к выводу, что надо будет у кого-то однажды спросить, так ли это — это же необычайно красиво. Вдруг ей пришла в голову мысль, что не у кого спросить такой интимный вопрос, и это навело на нее небольшую грусть.

— Закрой глаза, — мягко сказала Шелли.

— Зачем Шелли это делает? — наконец спросила Шаана. — Меня нужно привести в чувство?

— Можно сказать и так. Несколько дней ты должна быть полностью поглощена делами, деятельностью, в общем, чем-нибудь. Сновидеть нельзя.

— Чтобы не думать о том, что произошло?

— Да. Потом мы с тобой поговорим на эту тему, через несколько дней. Пошли.

Они вышли из воды. Шелли пошла назад, к обрыву; вскарабкавшись на него, села под деревом и зарылась в траву, чтобы согреться. Так же поступила и Шаана. Холодно.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Шелли. Шаана ответила, что хорошо.

— Тогда продолжим наш разговор, — наставница посмотрела на нее, словно ожидая каких-либо вопросов. Шаана сперва даже не знала, что спросить, хотя, безусловно, вопросов было много.

— Правда ли, что предсмертное намерение самое сильное? — нашлась она наконец.

— Извини, об этом потом, не сегодня. Спрашивай о другом, — отрицательно покачала головой Шелли.

— Как случилось так, что я не понимала, что со мной, но всё таки их раскусила?

— Не понимал твой ум, но понимало кое-что иное. Тебе уже знакомо это, почему ты спрашиваешь?

— Просто одно, когда ты понимаешь что-то... интуитивно в сновидении, а другое — когда вот так, в нашем мире. Словно тело само движется, лапы сами бегут.

Шелли засмеялась.

— Не нужно разделять явь и сновидение. Тогда будет всё понятно. Смотри. Когда ты начинаешь сновидеть, и, например, попадаешь в наш мир, то можешь побродить вокруг своего, лежащего на земле тела. Правильно?

— Да. У меня часто такое.

— И когда ты встречаешь кого-то спящего, то ты наверняка знаешь, кто это, даже не видя его морды; можешь даже сказать, как он себя чувствует. Или, например, точно знаешь, что если в сновидении тебя вдруг потянуло вниз и назад, или наоборот, вверх, значит ты скоро проснешься. Тебе никто этого не говорил, но ты это осознаешь и можешь действовать согласно этому знанию. Здесь то же самое. Просто нечто, что спит в нас самих, когда мы бодрствуем, выходит на поверхность. Ум не понимает знаков этого нечто, или понимает очень смутно, и тогда кажется, что ничего не понимаешь. На самом деле ум в таком случае лучше вообще остановить, прекратив разговоры с самим собой. Ты — не ум. Ты — гораздо больше. Понимание этого и должны развивать шамани. Они должны держать на поверхности это нечто, рядом со своим умом.

— Понимаю.

Шелли перевернулась на спину и начала разглядывать звезды — ей всегда нравилось это. Шаана вспомнила о разговоре с умирающей Кавизой. Помнила, что не рассказала о нем Шелли. И вдруг призадумалась...

Стоит ли ей сообщать сейчас? У нее никогда не было секретов от своей наставницы — она могла поведать всё, что угодно, полностью довериться. Но сейчас казалось, что вещи переменились; правда, очень хотелось спросить о видении, о котором рассказала Кавиза. О самом случае Шаане ничего не хотелось говорить, — она знала, что он имеет глубоко личное, особое значение в ее жизни и судьбе.

— Шелли... что такое видение?

Она удивленно посмотрела на нее; казалось, была поражена вопросом. Шелли отвела взгляд и перевернулась назад, на живот. Вздохнув и покачав головой, спросила:

— Откуда об этом знаешь?

Шаана не знала, что ответить. Рассказать всё? Шелли заметила, что она обдумывает ответ, и чувствовала, что сомневается в намерении всё рассказать. Она положила лапу на ее, и в этом жесте было столько тепла и сопереживания, что Шаана решила не держать эту тайну; пришла в голову интересная мысль: она ведь тоже когда-нибудь, наверное, будет чьей-то наставницей, и что будет, если ученик или ученица будут врать или что-то постоянно скрывать? Да и что тут, в целом, скрывать?.. И Шаана рассказала Шелли, что произошло с Кавизой, и что она поведала. Когда Шаана закончила недолгий, но эмоциональный рассказ, Шелли ответила:

— Несомненно, это очень важное событие, это — знак. В любом случае теперь я должна сказать тебе об этом всё, что знаю.

— Почему я и Иримэ никогда об этом не слышали? И Аврина?..

— Из опыта шамани знают, что если преждевременно рассказать ученикам об идее видения, то многие по этому начинают попросту сходить с ума, — улыбнулась Шелли; ее улыбка заразила и Шаану. — Понимаешь, это одна из тех вершин духа, которая сразу будоражит умы; и ученики всячески пытаются выкарабкаться на нее, но, как правило, они путаются, как и куда карабкаться. Одни начинают думать, что видение — не более чем красивое иносказание, другие считают, что видеть — это замечать что-то в мире, чего не замечают другие, третьи вообще судорожно пытаются искать там, где ничего нет. Идея видения должна даваться ученику или ученице в определенный срок. Видимо, твой час настал.

Шаана решила задать вопрос, который мучил ее:

— Шелли — видящая?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. К сожалению, или к счастью, я не видящая.

— А Нарра?

— Нарра тоже. Видящей была наша с ней наставница, Анари. Помнишь, ты была еще маленькой, и она внезапно погибла, утонув глубокой воде Большого Маара?

— Помню, — ответила Шаана. Те события хорошо запомнились. Они произошли пять лет назад: Нарра и Шелли сказали, что, когда они переходили реку Большой Маар, которая быстра и глубока, и находилась в четверти дня ходу на севере, Анари поскользнулась на камнях и утонула. Ее можно было перейти только через определенные броды, или переплыть. Тогда еще молодые Нарра и Шелли рассказали, что пытались, но не смогли спасти ее. Это было очень большой утратой для прайда. Отправились три группы, чтобы найти ее тело, но безуспешно...

— Так вот. Анари нигде не тонула на самом деле. Она взяла нас на север, мы немного прошли, и попрощалась с нами. Она сказала, чтобы мы придумали нечто правдоподобное, пожелала нам удачи, и пошла прочь навсегда. Мы спросили ее напоследок, почему она уходит так внезапно. Мы плакали. Ответ был таковым: она видящая, и всё поняла об этом мире; и теперь она решила не оставаться, и должна уйти прочь, поскольку станет лишь помехой для всех нас. Мы с Наррой возвратились в прайд, и сказали первое, что тогда пришло в голову.

— Но почему? Что случилось? Что же такого в этом видении? — Шаана была поражена тем, что услышала.

— Мне трудно объяснить. Шамани может быть сильной, но не видеть...

— То же самое мне говорила умирающая Кавиза, — с грустью сказала Шаана. — Точно то же.

— Да. Она была права. Понимаешь, в любом случае, какими б сильными мы не были в знании, и в какие тайны не проникали, всё равно живем здесь, сейчас, в этом мире, среди других, нам подобных. Огромной ошибкой — я постоянно вам трем напоминала, и напоминаю, — является уход от этого мира; за это впоследствии нужно воздать большую плату... Если ты будешь видеть перед собой лишь знание шамани, то оно убьет тебя, ибо тогда не будет опоры в жизни. Насколько мне известно, достижение видения требует полной отдачи, ухода, постоянного укрытия силы в себе... А когда его достигаешь, тебе всё делается безразлично, и всё становится равным — поэтому жить среди себе подобных становится затруднительно, хотя мне известна одна видящая, которая живет в прайде — она такая же шамани, как и мы. Шаана, помни, мы, прежде всего — целители разума, тела и обстоятельств; мы живем в своем прайде, и нужны ему, это очевидно. Видящие же стают безразличны ко всему, и должны или уходить, или маскироваться. Мы — сновидящие, мы можем отделяться от своего тела во сне и бродить по этому и другим мирам; можем замечать и знать значительно больше об этом мире, когда не спим, и думаю, этого достаточно. Уверена, жизнь видящих трудна. Возможно, ты когда-нибудь станешь видящей, и найдешь ответы на свои вопросы... Я точно не знаю, как достигается видение. Вероятно, достаточно просто намереваться, как и во всем...

В голосе Шелли была печаль, и от этих слов Шаана тихо заплакала; грусть охватила ее существо. Шелли продолжила:

— Это я тебе говорю для того, чтобы добиться твоего понимания того, что всё непросто, и чтобы ты знала о преградах, которые стоят за видением. Ты спрашивала меня о том, что же это. Я тебе скажу, всё что знаю. Всё, что нам говорила Анари.

Она объясняла, что наш ум непрерывно отражает всё в этом мире, но мы не воспринимаем сущности вещей напрямую таким образом. Видящие же могут делать это, и увидев что-нибудь или кого-нибудь, могут сказать об этом значительно больше, чем те, кто смотрят просто глазами. Видение вообще никак не связано со зрением — это прямое, непосредственное знание об окружающем. Например, как говорила Анари, мы выглядим совсем по-другому, когда нас видят; можно многое сказать о прошлом, например, сколько детей у львицы, какие болезни и такое прочее... Таким способом можно и влиять... Вообще же, Анари находила видение весьма обременяющим; она поделилась с нами своим секретом, что видение даже угнетает ее. Из-за того, что она слишком сильно отдалась этому, она никогда не имела пары, или даже просто влюбленного в нее льва. И детей тоже. Короче, видение — это просто остановка, отключение ума, даже не ума, а чего-то большего в нас.

Шелли помолчала, собираясь с мыслями. Слезы перестали уже течь по мордочке Шааны, и она внимала наставнице. Уже глубокая ночь, бледным светом напоминала о себе полная луна.

— У Нарры тоже никого, ни льва, ни детей...

— У нее всё по-другому.

— Я знаю, это я так, просто...

Шелли внимательно посмотрела на нее.

— Видение, я считаю, не стоит того, чтобы думать о нем, — продолжила она. — Много сил может уйти впустую — для него определенно нужен дар. Если ты по истечении какого-то времени начнешь видеть, хорошо; если же нет — тем лучше. Успех не должен достигаться навязчивыми идеями, все должно гладко ложиться на свое место. Помни, Шаана, мы шамани, мы не отшельники; мы живем в Союзе, живем в своем прайде, и никак не можем избежать участи в его жизни, да это и не нужно, ведь в нем родились. Если вдруг станем мы отшельницами, которые интересуются лишь видением, сновидением и развитием способностей, это вряд приведет к чему-то хорошему. Нам будет не хватать других, хотим мы этого, или нет — мы среди других львов и львиц с рождения. Шамани и так в определенном смысле уходят от всех, ты это чувствуешь на себе. Незачем делать разрыв еще больше...

— Да. Такое впечатление, что львы боятся меня.

— Они не боятся в обычном смысле слова. Ты — другая, и именно это их пугает. У тебя необычные знания и способности, для них ты — тайна, и они не могут наверняка сказать, как поступать с тобой. Но не волнуйся. Есть львы, у которых нет таких затруднений, они сами сильно предрасположены к...

— Шелли когда-то уже это говорила, я помню. Только я пока не замечала. Пусть Шелли извинит, что я перебила.

— Давай перейдем на «ты», это уже давно пора сделать. При других обращайся в вежливой форме, если наедине — «ты», хорошо?

— Да... Да. Хорошо.

— Они есть, я тебя уверяю. Не сомневайся в моих словах.

— Хорошо, Шелли.

— Уже давно пора спать. Пошли в прайд, — зевнув, сказала она. — Устала я...

Они встали, отряхнулись, и неспешно ушли. По пути назад Шелли говорила о том, что их ожидает завтра много дел, и нужно хорошо отдохнуть. Внезапно начал лить мелкий ночной дождик, и Шаана после прихода в Общую пещеру сразу уснула.

С момента прихода Шелли и Аврины в прайд прошло тридцать дней, или одна луна; еще давно в прайд Юнити вернулись и Иримэ с Наррой. С Араной всё получилось благополучно — ее лапа зажила, и она, хорошо отдохнув, смогла наконец охотиться сама. По прощанию с шамани она горячо благодарила их, плакала, и очень хотела, чтобы их пути пересеклись когда-то снова. Иримэ тогда сказала: «Всё может быть».

Таар тем временем сидел вместе с Элиадой за своей скалой. Он очень любил это место на южной стороне. Тут уже начинало припекать солнце; ночью прокатился несильный дождь, что только добавило приятности и очарования миру и погоде. Таар диктовал Эли послание для веларийцев — наконец выдался свободный день его спокойного написания. Но дренгир сегодня разленился, оттого сегодня послание писала Эли, не забывая вставлять свои ценные комментарии.

— Итак, начинаем... Честь, Ваннарен. Как поживаешь?..

— Слушай, ну это не очень вежливо, — заметила Элиада. — Что это за «Как поживаешь?»

— Пиши, так надо, — вздохнул Таар. — Что же скажет дренгир дренгиру, своему старому другу? «Как себя чувствует благороднейший покровитель и повелитель земель прайда Велари?»

— Противный ты. Я напишу «Как твои дела?», хорошо?

Таар уже пожалел, что сам не начал писать. Но у него почерк хуже; львицы всегда лучше владеют начертанием знаков, у них ведь лапы меньше, изящнее.

— Ну?

— Давай.

Элиада старательно вывела символы.

— Дальше?

— У меня всё хорошо, у прайда тоже. У западных границ появились гости... ведут себя хорошо... Согласны мирно жить... Известно ли тебе... затевает ли что-то конунг... против северняков?.. Как твои южные границы?.. Я давно за то, чтобы... изгнать Сатарину, и его сброд оттуда... Сатарина подохнет от...

— Умрет, Таар.

— ...Сатарина скоро умрет от старости и... безумной жизни. И свободные вместе с мелкими прайдами могут... входить на наши земли с твоей стороны... Если тебе нужна помощь... то помни о моем прайде... Через несколько лун будет Общий сбор в Хартланде... Извини, увижу тебя только там... Желаю твоему прайду и тебе всего наилучшего... Непобедим наш Союз... Таар.

Эли дописала, отставила перо, и начала дуть на лист хум. А Таар обдумывал, правильно ли всё написал. Подумав, пришел к выводу, что правильно.

— Итак, теперь нужна только посыльная, и дело готово, — довольно произнес Таар.

— И кого же мы пошлем? — спросила у него Элиада, не переставая дуть.

— Ну, как кого? Гм... Изиза не подходит — она только пришла из Хартланда. Ей нужен отдых. Остаются трое. Шиадаль например.

— Шиадаль не может: на охоте она гналась за зеброй и упала прямо в болото, и о что-то там ушибла бок. Шелли сказала, что ей и охотиться нельзя дней пять.

— О, какая жалость. Навешу ее сегодня. Что ж... остаются наша юная Анариэль или старая добрая Кисара. Погоди... ведь я вчера вечером разрешил Анариэль и другим уйти на длинную охоту! Значит, она уже ушла. Тогда Кисара.

— Таар, только не Кисара. У нее сейчас проблемы с детьми, и с Кирреном, лучше ей не ходить. Да и тебе не кажется, что она слишком... В ее возрасте уже неудобно быть посыльной? А ты всё по привычке о ней вспоминаешь!

— Как так? Выходит, некому пойти? — задумчиво задал вопрос Таар.

— Выходит, так.

Впрочем, Таар не видел проблемы. Дело не срочное в своей сути, поэтому можно и подождать, хотя этого не хотелось. И тут пришла в голову интересная идея, которая показалась блестящей.

— Знаешь что? Это не проблема, Эли.

— В смысле? — скатывая послание, спросила она.

— Давно наша молодежь не ходила к веларийцам, всё только в Хлаалу да Хартланд.

— Разумно... — согласилась Элиада. — Кто пойдет?

— Еще не знаю, будет видно.

Но Таар на самом деле уже всё решил, поэтому направился к своей пещере. По приходу он попросил к себе вызвать Халнаса, Таву, Тарну, Иришу, Ланнару и Ари-малу. Он выбирал не случайно. Есть древняя традиция во всех прайдах Союза: иногда выбирают нескольких молодых львов и львиц, обязательно тех, кто еще не давал клятву, у кого нету пары. Их отправляют в другой прайд с визитом. Они заодно и переносили сообщения, или что другое. Часто львицы и львы находили себе пару в другом прайде; или же сильно сблизались во время совместного похода.

Таар всё быстро продумал; он также совсем не просто так отправлял в это небольшое путешествие Иришу и Таву вместе. Он надеялся, что Дальвар попросту успокоится и передумает. Дренгир интересовался не так судьбами Ириши и Таву, сколь тем, чтобы в прайде не было напряженности и конфликтов. А именно ссоры на любовной почве одни из самых опасных: при этом могут твориться большие глупости. Отец научил его скрупулезно подходить к таким, казалось бы, мелочам, ибо в таком обществе, как прайд, всё имеет значение.

Своеобразная традиция гласит, что путешествующих обязательно должно быть парное число, и очень желательно — львов и львиц поровну. Так оно и вышло на этот раз.

Таву шел вместе с Рагнарсом к Северным скалам предаваться любимому занятию — дневному сну. Вчера целый день охотились, да еще было полное собрание яскарла. Потом пошли драться, пока окончательно не выдохлись. И сегодня несомненно следовало немного отдохнуть. Рагнар без умолку болтал о том, как ему надоело сидеть в прайде без дела, а Таву всё это выслушивал. Вдруг идиллию нарушила Алири, которая окликнула их сзади:

— Таву! Иди сюда!

Рагнар и Таву переглянулись.

— Какого, собственно, ей надо? — недоуменно спросил Рагнар.

— Не знаю. Сейчас... — и он быстро пошел к ней. — Что случилось, Алири? — спросил он, когда подошел.

— Дренгир тебя уже давно ищет, так что давай, быстро топай к нему, — ответила она.

— Дренгир? А что ему надо? — Таву сильно удивился.

— Не знаю, давай, беги, мне некогда, — Алири потрепала его за гриву и ушла.

Таву повернулся к Рагнару и лапой махнул в сторону скалы дренгира, и той же лапой провел над головой взад-вперед. Это на языке жестов, который очень широко использовался среди разведчиков, на охоте и в походе, означало «Направление такое-то. Дренгир». Рагнар сообщение понял, кивнул головой и пошел дальше.

Таву пришел к пещере дренгира. Здесь уже были: Ириша, Дальвар, Тарна, Хасан, Ланнара, Ари-мала и сам дренгир. Таар стоял в глубине пещеры по центру; все остальные находились на левом краю; Таву зашел с правого края и встал напротив

всех. Заметив Дальвара и Иришу вместе, не захотел стоять рядом. Иришу он не видел уже четыре дня; улыбнулся ей. Та улыбнулась ему в ответ, но от зоркого глаза Дальвара ничего не ускользнуло, и он тут же скорчил недовольную мину.

— Аааа, наконец и Таву подошел, вот и все в сборе, — сказал Таар. — Итак, вот для чего я вас вызвал, мои хорошие... Кстати, Дальвар, если что, мы с тобой уже всё. Можешь идти по своим делам.

— Спасибо, Таар, но я еще останусь ненамного.

— Как знаешь. Значит вот что, у меня нету свободных посыльных, а поэтому вы все шестеро отправитесь к веларийцам, и передадите мое сообщение. Как вам?

Хасан не мог скрыть своего возбуждения и радости. Тарна, всегда задумчивый, отнесся к этому спокойно. Ириша, посмотрев на Таву, как-то вся сжалась, и краем глаза смотрела туда, где сидел отец. Ланнара и Аримала, две молодые и красивые львицы, просияли.

— Понятно, понятно, мой дренгир, — чуть ли не завертелся на месте Хасан. — Всё сделаем в лучшем виде.

— Смотри, Хасан, головой отвечаешь, — насмешливо молвил Таар. — Хотя нет, ты сообщение нести не будешь. Лучше Тарна, он серьезный.

— Я?! Мой дренгир! Да я...

— Ладно, шутка. Ты тоже серьезный и ответственный. Но его всё равно Тарна понесет.

Внезапно подал голос Дальвар:

— Таар, извини, но моя дочь не может пойти к Велари.

— Но почему? — удивился Таар.

— Она должна помочь Ланне смотреть за детьми. Кроме того, она с ней завтра идет в Западный лес. Да много чего...

— Папа,пусти меня, я тебя очень прошу. Мама сказала, что сама справится, — грустно начала проситься Ириша, до этого смотревшая в землю.

— Нет!

— Твоя дочь уже большая, Дальвар, пусть решает. Кроме того... Я приказываю, — Таар решительно не понимал поведения Дальвара. Это уже походило на идиотизм.

— Это всё из-за меня, да? — спросил Таву, которого всё это начало раздражать. Его бесило поведение отца Ириши: он издевался над ней и над ним, наметив себе какую-то призрачную цель для своей дочери. — Я уверен, если бы не я — всё было бы хорошо.

Дальвар подарил ему самый тяжелый взгляд, на который способен.

— Папа, действительно, перестань, отпусти, я тебя очень прошу, очень... — просила Ириша.

— Нет!

Остальные молча наблюдали эту сцену. Скандал, неудобно...

— Дальвар, не упорствуй, — сказал Таар. — Она пойдет, потому что приказал я.

— Она не может пойти, пока... пока... — он не мог прямо сказать, почему не может.

— ...Потому что я тоже иду! — раздраженно сказал Таву. — Ириша, ты не маленькая уже. Не бойся, пошли с нами, пошли со мной, Ириша! Пошли со мной! Иди ко мне.

— Стой на месте, — не сказал, приказал ей Дальвар. — Я — твой отец.

У Ириши скатилась слеза по щеке, но в целом она держалась. Она всегда держится до последнего, и если плачет — значит, есть очень веские причины.

— Не слушай! Пошли со мной, не бойся! — смотрел прямо на нее Таву, встав в полный рост.

Она сделала робкий, неуверенный шаг к нему. Но потом посмотрела на отца; тот выглядел так, словно она совершила нечто совершенно невыносимое.

Шаг назад.

— Тихо все! — молвил Таар. — Она пойдет, потому что я приказываю.

— Но ты можешь не приказывать! Я тебя прошу этого не делать, я ведь твой старый друг! Разве не так? Прошу тебя об этом, ради блага моей дочери!

Таар призадумался. Ситуация всё больше накалялась, и всё больше ему не нравилась. Ему хотелось разрешить ее это как можно проще: приказать Ирише идти, отправить Дальвара прочь, и готово. Но Таар решил, что это будет неудачным решением. Из-за этого явно подпортятся его отношения с ярлом своего прайда, а это немаловажно; кроме того, должны же быть причины такого сильного упорства Дальвара, ибо Таар знал его как умного льва; но Таву также очень хороший лев... Кроме того, Таар понимал, что его личная инициатива отправить Иришу и Таву вместе может очень сильно вылезти боком для всех — он видел это по серьезности ситуации. В чем же причина упорства Дальвара? Вот главный вопрос.

Таар решил, что ему этого пока узнать не дано, и пришел к решению:

— Хорошо. Мы здесь не обсуждаем какую-либо вещь. Здесь перед нами — львица прайда Юнити, взрослая львица. Пусть она и определит свою судьбу. Если она захочет идти, тогда пусть так, и я прикажу ей, нет — так нет.

Ириша посмотрела на дренгира; ей показалось, что он весьма расстроен; потом на Таву, который смотрел на нее с надеждой и нетерпением: «Ну же!»; и потом на отца, выражение морды которого не сулило ничего доброго, если она согласится.

— Пошли, Ириша! Пошли за мной, любовь моя, чего ты ждешь? Не бойся, всё уладится, я обещаю!

Ей очень хотелось пойти с ним; но ей также очень страшно... Она снова сделала свой неуверенный шаг вперед, и посмотрела на отца. Тот ничего не сказал, но только отрицательно покачал головой. Нет. Она очень боялась разозлить отца этим шагом; она всегда его слушалась, и не посмела ослушаться на этот раз.

Таву долго смотрел на ее, молча. Уже понял, что она с ним не пойдет, и не потому что не хочет, а потому что не пускают. «Но ведь она может пойти! Не должна бояться! Если бы действительно любила, то пошла... Ни на что не глядя! Она не верит мне...», — рой этих мыслей мелькал в голове Таву. Ему стало обидно — ему нет веры, что всё будет хорошо; она боится идти за ним. Стало понятно, что всё это не имеет смысла, и вспомнил, что говорил Хали. Он прав. Таву кивнул Таару; он хотел сказать «До свидания», но не мог: слова вдруг перестали подчиняться ему, и он молча ушел, понурился.

— Таву... — неуверенно окликнула его Ириша, но тот даже не оглянулся, а возможно, и не услышал, потому что уже отошел от входа в пещеру.

Ланнара и Аримала с удивлением и интересом смотрели на происходившее. Они уже точно знали, что будет темой сегодняшних сплеток. Осторожно, самым тихим шепотом, началось обсуждение этой новости:

— Бедный-бедный Таву...

Тарна всё воспринял спокойно, как и полагается Тарне, лишь задумчиво кивал головой, смотря вдаль. Хасан непонимающе смотрел на всех, явно обескураженный — он не совсем понял то, что произошло. Наконец, спросил:

— Это что?

Но ему никто не ответил. Наконец Таар произнес «Мдаа...», и сказал:

— Завтра утром на рассвете — все у меня. Передадите Таву. Ириш, ты не изъясвила желаний, поэтому ты не пойдешь. Дальвар, пожалуйста, останься, нужно поговорить.

Все, кроме Дальвара, попрощались и ушли. Наконец, они остались двое.

— Ерунда какая-то происходит, — начал Таар. — Какие страсти.

— Да уж.

— Дальвар, скажи, ты знаешь о Таву что-то, чего не знаю я? Почему всё так? Извини, я должен знать это, правда. У вас с ним серьезный конфликт, а это беспокоит.

— Это очень старая история.

— Мы с тобой взрослые львы, и успели прожить жизнь. Я думаю, не такая уж старая. Дальвар, перестань. Мне это совсем не нравится.

Таар лег поудобнее на землю, то же сделал и Дальвар. Они смотрели друг на друга — Таар с ожиданием, Дальвар с тенью раздражения.

— Ты ведь помнишь, что с его отцом я был не в лучших отношениях, — смутно начал ярл.

— Да. Это вся причина?

— Не совсем так. Всё началось с того, что много лет назад я и еще несколько львов и львиц из яскарла пошли в Хартланд. Уже смутно помню чего мы туда шли, если честно... По прибытию в тот же вечер у меня приключилась серьезная стычка с одним из хартландеров, немного старше меня. В целом и общем я был неправ... Но я вызвал его на бой, а он принял вызов. Перед боем было условие, что наблюдателями идут с моей стороны Киррен и отец Таву, с его — какие-то двое; и еще, чтобы никто не сдал победителя, ибо если узнают о смертном вызове, и если будет погибший, то сам знаешь — изгнание. Поскольку это был вызов со свидетелями, то наибольшее, что грозило — это изгнание. Но кому хотелось быть изгнанным? Ни мне, ни ему. Решили так, что о том, кто проиграл, скажут, что его убили чужаки за границами обхода. Так иногда делалось, чтобы победителя не изгнали. Ты не знал?

— Знал, на облаке живу что ли, — ухмыльнулся Таар.

— Мы пошли на рассвете за границы прайда. Я победил, причем весьма легко. И убил его. Хотя мог оставить в живых... Молодая кровь кипела, буйство... Я до сих пор очень сожалею об этом. Его наблюдатели не подвели, ни словом не обмолвились о произошедшем. Киррен тоже. Все сказали, что никто ничего не знает, когда нашли труп. Вот так вот!.. Кое-что подозревали, но никто ничего доказать не мог...

— И?

— Но на следующий день случилось неожиданное — отец Таву, этот грязный подлец и трус, пошел и всё рассказал как было ярлу того парня! Жалко мне его, кстати, до сих пор снится. Верно оно есть — молодой и глупый...

— Да уж, своих убивать уж не самое лучшее на свете. Не ожидал...

— Говорю как есть, без украшений. Итак, отец Таву считал, что он поступает «справедливо». Он попросту сдал меня, с потрохами. Тот ярл оказался умным и дельным львом — узнав от меня всё начистоту, он сказал, что дело он замнет, уже ничего не вернешь; а я попросту могу пропасть, если станет всё известно; и что я у него буду в огромном долгу. Кроме того, он очень удивился, что меня сдали мои же... И мы в тот же день ушли прочь. Я обозвал Лира́ну падалью и никогда больше не общался с ним. Хотел и его вызвать на драку, но подумал, что ради него не стоит вылетать из прайда, Союза. Все, кто был тогда со мной в Хартланде, тоже с ним не общались, и сохранили эту тайну сквозь года. Хотя всем не понравился мой поступок...

— Дела... Добрый ярл тебе попался, свезло так свезло. Не верится даже, — только и сказал Таар. — А из-за чего была драка, если не секрет?

— Шел я к водопою, и нечаянно наступил тому на хвост. Не извинился. Он сказал, что я веду себя нехорошо. Послал его подальше. Молодость — глупость... Слово за слово, он обозвал мою мать сукой. Всё.

— Почему Лирана тебя сдал?

— Он, во-первых, считал, что я поступил неправильно. Но не ему было судить. А во-вторых, и это главное — ему очень нравилась Ланна, как и мне. Она предпочитала меня, а он очень ревновал. Вероятно, хотел меня таким способом убрать: меня б изгнали, а он уже тут как тут.

— Удивлен... Чего только не узнаешь, и это в нашем прайде... — сказал Таар. — Хорошо, что ж. Что было, то было, прошлого не вернешь. Теперь мне всё более-менее понятно. Только сам-то Таву...

— Это не всё, мой друг. Я ведь был в долгу у того ярла. Теперь пришло время отдавать долг. Тогда, давным-давно, пообещал, что сделаю всё, что он захочет, если смогу. У ярла есть младший брат, а у младшего брата есть сын; и это сын, которому очень понравилась моя дочь... Складно, да? Помнишь, приходили три луны назад из Хартланда львы, вместе с помощником конунга?

— Да, помню.

— Вот, тогда там был именно тот лев, бывший ярл, старый уже. И сын его брата.

— Кстати, я помню того старого. Он еще на наши яскарлы смотрел. Проклятье, забыл как его зовут...

— ...Они нашли меня: тот старый ярл помнил обо мне. Расспросили, как я сам и всё такое. Мы просто говорили ни о чем, вспомнили те годы. Потом его сын увидел мою дочь, и вдруг влюбился. Старый вспомнил о моем тогдашнем обещании...

— Надо же! — изумился Таар.

— Я тоже так подумал. Но раз обещал... Поскольку они тогда очень спешили, то на следующий день ушли, и тот так и не успел толком даже познакомиться с моей дочерью. Но перед уходом они сказали, что у них есть просьба — сын его брата когда-нибудь вернется за Иришей в прайд, под каким-нибудь предлогом; короче, придет к нам и заберет мою дочь с собой. Точнее, я отправлю ее в Хартланд как бы не с ним, а саму, а там уже... Так вот.

— Дальвар, но это ж никуда не лезет. Дочь расплачивается за твои обещания?

— Таар, легче всего судить, сам это знаешь. Я всё много раз обдумывал: правильно я сделал или нет. В любом случае буду против того, чтобы Таву был с моей дочерью. А так она окажется в главном прайде, с хорошим львом, это явно будущий ярл. Чего еще желать-то?

«Рассуждение верное, но на глиняных лапах», — подумал Таар. — «Как жаль...».

— Что ж, — сказал Таар, вставая. — Дело твое, Дальвар. Ты мой хороший друг, и ярл моего славного прайда. Не имею причин тебе не верить или сомневаться в тебе. Только будет одна просьба — в любом случае, Таву тут ни при чем. Дети не воздают за обещания родителей. Не должны...

— Таар, извини... но... воздают. Еще как воздают... Что бы мы не делали — судьба есть судьба, — печально ответил ему Дальвар. — Извини, должен идти к обходам... Честь.

— Всё равно, ни при чем. Не желаю больше слышать о ваших конфликтах. Увидимся вечером. Честь.

Таар вышел из пещеры, лег, и крепко задумался, думая об услышанном. Ему только что открылись действительно поразительные подробности; теперь он больше понимал самого Дальвара, но думал не только об этом. Дренгир еще размышлял о сложности отношений, которые неизменно кажутся такими простыми, когда ты еще маленький львенок. Они становятся сложнее, когда ты молод, и влюбляешься... Но всё равно, эта первая любовь — самая безоглядная, в ней нет никаких ненужных, странных примесей, сложных узоров чужих мнений. Но потом ты окончательно взрослеешь, и мир непонятным образом, и все и всё внутри него становятся очень сложными, и ты уже ни на что не можешь решиться, ничему не можешь отдаться полностью; а разобратся становится невозможно.

У Таара есть маленькая слабость — он любит сочинять маленькие стихи, как правило, темные, печальные и смутные. И сейчас написались четыре строки:

Уж многие тропы ушли за спиной,
Всё больше фантомов ступают со мной,
И стаю я всё больше похожим на них,
Ведь я — это сон, и жизнь моя — миг.

Таар довольно отметил, что это небольшое, сокровенное стихотворение весьма удачно, ибо он сам до конца не понимал, о чем оно. Подумал, что неплохо было бы сочинить еще одно — и тогда он поймет, возможно, нечто, что хочет понять все эти годы, проведенные в путешествии под названием жизнь.

Но не дала ему этого сделать Шаана. Он услышал звук шагов справа, и обратил туда взор. Таару необычайное удовольствие доставляло просто смотреть на нее: изумительные, особенные глаза, красивые уши, неизменная обаятельная улыбка. Два дня назад Таар пообещал, что поблагодарит ее от имени всего прайда, при всех, за спасение Намару, но она тут же запротестовала, сказав, что это ее долг и здесь нечем гордиться. Таар настаивал, и даже отметил, что скромность является уж излишней, но она была настолько непреклонна, насколько могут быть только шамани.

Она пришла к нему первой после того, как все разошлись. «Несомненно, это знамение, знак», — подумал Таар. Он верил в знаки. Кроме того, шамани никогда не помешает в любом отряде.

— Мой дренгир пусть извинит меня, но меня Алири просила передать...

— Шаана, постой, постой. У меня есть для тебя важная новость. Завтра на рассвете к веларийцам идут Гарна, Таву, Хасан, Ланнара и Аримала. Не хватает только тебя — тогда и будет шесть, как и полагается.

Шаана обрадовалась, но тут же сникла.

— Я бы с радостью, но только завтра я на охоте, и должна помогать делать Шелли...

— Ничего уже не должна. Всё отменяется, ты идешь, об остальном позабочусь я. Хорошо?

— Хорошо, мой дренгир, — сияла Шаана.

**

Утром следующего дня, как только диск солнца полностью показался над горизонтом, почти все пришли на скалу Таара. У них отличное настроение, кроме Таву — тот подавлен, и ни с кем не хочет говорить. Таар отдал Гарне сообщение, традиционно пожелал счастливого пути и предупредил, чтобы в случае чего оно не должно попасть в чужие лапы, хотя и не имеет большой важности. Небольшая ком-

пания друзей пришла провести уходивших; здесь же была и Элиада. Всё уж готово, только не хватает Шааны — не пришла еще. Все ждали, оглядываясь по сторонам.

Таву, который не знал, что с ними идет молодая шамани, наконец, спросил у Хасана:

— Ну, чего мы еще ждем?

Тот ответил:

— Шаану, она с нами идет.

Таву задумался. Он определенно догадывался, почему дренгир решил отправить его вместе с Иришей, но так уж сложилось, что она не пошла. Его мучил всё один и тот же вопрос: почему она не решилась уйти? «А может, и не очень хотела», — печально подумал он. Скорее всего так... И сейчас ее нет. Могла бы и придти, попрощаться. Таву начал ощущать то же самое, что ощущает всякий, когда бросают и уже не любят. «Несомненно: ей — всё равно...», — предаваясь меланхолии, подумал Таву.

Подумал о Шаане... С ней всегда были приятные, дружеские отношения. В детстве они часто играли вместе, из-за этого друзья дразнили его, мол, водится с девчонками, но Таву никогда не переживал по этому поводу.

А вот и пришла, кстати. Хорошо, что она идет... Будет с кем поговорить: с ней интересно общаться. «Как она повзрослела за последнее время... И похорошела». Будет и на кого посмотреть. Вот она спешно прошла мимо, мельком взглянула на него, блеснув глазом так, как только может Шаана. Вот она какая, шамани...

— Шаана, а мы всё тебя ждем и ждем, — заметил Таар; впрочем, в голосе совсем не было упрека.

— Извините меня, мой дренгир, и все вы извините, — ответила она, — спешила, честное слово.

— Что ж, счастливого пути, — пожелали им вместе Таар и Элиада.

Они попрощались и неспешно тронулись в путь. Прайд Велари находится на юго-востоке от Юнити; на примитивных картах Союза это выглядит справа и сверху от прайда Юнити, поскольку главным направлением львы считают восток. Он не очень далеко — где-то целый день ходу.

Сначала разделились на небольшие группки. Львицы шли сзади и всё болтали, перескакивая с темы на тему. Хасан рассказывал Тарне о том, как он безумно рад, что наконец вырвался и сможет «порядком позабавиться». Тарна только кивал головой; сам Хасан толком не знал, что имеет в виду под «порядком позабавиться», но звучало это отлично. Его вообще постоянно находили какие-то приключения, с ним никогда не было скучно, несмотря на то, что иногда Хасан мог быть невыносим. Таву из вежливости никто не трогал, и тот одиноко брел впереди и немного в сторонке, углубившись в самого себя.

— Раскис он, — понизив голос, сказал Хасан Тарне. — Смотри, идет в стороне, хвост по земле тащит, с нами не говорит.

— Ага, — согласился Тарна.

— Было бы из-за чего, я тебе скажу, — еще тише сказал Хасан. — Не захотела с ним идти — да ну ее. Сейчас придем в Велари, так там они будут за хвост цепляться, и не только за хвост, за всё остальное тоже. Так что зря он так...

В прайде Велари львиц больше, чем львов, как и повсюду. Но в нем — особенно.

— Угу...

— Да стой, не перебивай. А Дальвар тоже мне. Нужно его еще раз в реке искупать, чтобы оклемался. А то уже заигрался в дочки-матери, — засмеялся Хасан.

— Да, — снова согласился Тарна.

Всем был известен такой случай. Дальвар иногда был несправедлив, особенно к тем, которых он старался «перевоспитать». В их число попал и Хасан. Как-то он уже третий раз за трое суток отсылался Дальваром в обход; когда Хасан спрашивал, почему это так, то следовал неизменный ответ, что ему «нужно учиться ответственности». Хасан решил, что в долгу не останется, и однажды случай представился. Большой Маар имеет быстрое течение, и шириной около пятьдесят прыжков. Дальвар, Хали, Хасан, и еще несколько старших львов возвращались в прайд с севера — они ходили проверить одно излюбленное место свободных львов в лесу. Когда вышли к Большому Маару, то им нужно было пойти вниз по течению, чтобы выйти к подходящему броду; тут же завязался и разговор о том, можно ли переплыть реку в этом месте. Ниже по течению находились большие, угловатые камни — не доплыв до противоположного берега вовремя, можно было разбиться о них. Один из старших львов — это был Тарнис, лев шамани Шелли, заметил, что в годы его юности души были посмелее, а сердца — покрепче, и львы на спор переплывали реку в том месте, где они сейчас стоят. Хасан ответил, что это и сегодня не проблема. Дальвар же сказал, чтобы Хасан зря не хвастался, ибо он не переплывет здесь реку. Он ляпнул это явно по неосторожности; Хасан не мог не принять такой вызов. Он поставил условие, что если он переплывет, то переплывет и Дальвар.

Он, улыбаясь, сказал «Хорошо», полагая, что Хасану не хватит духа решиться. Но тот тут же был в воде, и так начал переплывать реку. Когда он это делал, все кричали ему «Вернись!», ибо это был большой риск; но Хасану было всё нипочем. Тарнис сказал свои слова в шутку, что когда-то эту реку переплывали, и все очень забеспокоились. Хасан не мог доплыть до другого берега вовремя, чтобы не врезаться о камни — это было невозможно, и чуда не произошло. Он с размаху напоролся о них, но удачно — разбив нос в кровь, вылез на них, и уже по этим камням выбрался на другой берег.

Что делать — в воду полез и Дальвар, ибо честь была дорога. Но тут на него все накинулись, и не дали ему этого сделать, разумно рассудив, что удача дважды не улыбается, да и годы уже не те. После долгих уговоров Дальвар отказался от своей затеи, и они перебрались намного ниже, по броду. На другом берегу за ними шел и Хасан, и озорно смеясь, встретил их, с мордой в крови. Он ничего не боялся, этот сын своего прайда. Поскольку Дальвар не сдержал слова и не переплыл реки, то Хасан в шутку толкнул его в воду, таким образом искупав. Другой ярл опешил бы от такой наглости, но Дальвар оценил смелость Хасана, и ничего ему не сделал. И больше не перевоспитывал.

Хасану вдруг пришла в голову мысль, что Таву нужно подбодрить.

— Эй, иди к нам сюда, а то сейчас хвост потеряешь!

— Что? — не понял Таву: он был в раздумьях.

— Хватит там хандрить, иди к нам, поболтаем!

Таву молча подошел к ним.

— Расслабься, Таву, — вдруг сказал Тарна. — Пока мы жаловались на жизнь, она закончилась...

— Да-да, расслабься, чего ты так переживаешь? — сказал Хасан

— Слушайте, ну как вам сказать. Я думал, она пойдет, и мы проведем вместе эти дни, а вместо этого...

Хасан не дал договорить:

— Я тебе скажу, Таву, хотя может ты мне врежешь по морде за это. Ей просто всё равно. Не захотела с тобой идти, потому что если бы хотела, то пошла, несмотря на своего туповатого папку. Правда, Тарна?

— Ну... Правда, Хасан, — ответил он.

— Вот видишь!

— И Хали так говорит... — сказал Таву, посмотрев куда-то вверх, в синее небо с красивыми облачками, словно там были ответы на все вопросы.

— Хали — умный малый, это я тебе говорю. Услышь же общий глас, и... — Хасан уже тише добавил. — ...и забудь. Она тебе не пара.

Вместо того, чтобы разозлиться, Таву спросил:

— Вы так думаете? — он уже, в целом, решил, что так оно и есть — она слишком пассивна, слишком холодна к нему; ему хотелось взаимного, такого же сильного ответа на свою всепоглощающую нежность. А такого не было. Но Таву желал, чтобы его решительно убедили, поэтому и старался почувствовать сомнения.

— Да мы спим и просыпаемся с этой мыслью, Тава! — убежденно сказал Хасан. — Смотри, показываю. Аримала! Аримали! Подойди-ка к папочке! — он обернулся назад, к львицам.

Та с недовольным видом, скорее деланным, чем настоящим, ускорила шаг и подошла ко львам.

— Халнас! Тебе никто не говорил, что ты бываешь ужасно груб? Тебя так ни одна львица не захочет, с твоими-то грубостями.

— Какими еще грубостями? — удивился Хасан.

— Тоже мне, «папочка» нашелся.

— Ой, не могу. Никто не захочет? Может, никто и не захочет. Но я же вижу, ты-то хочешь, даже с моими грубостями, — улыбаясь до ушей, сказал он.

— Ты! Ты!.. Ты просто!.. — Аримала не могла найти слов. И решила обидеться; признаться, она действительно обиделась. Она демонстративно отвернулась, и остановилась, дожидаясь идущих сзади Шаану и Ланнару. Те перестали обсуждать, сколько же всё-таки будет детей у беременной Тайши, и уставились на Арималу.

Остановился и Хасан, то же сделали и Тарна с Таву.

— Нууу, зачем так обижаться? — Хасан тут же пошел к Аримале. — Я глупый, но я добрый...

Та еще больше отвернула голову в сторону и вверх, прижав уши. Они у нее намного темнее остальной шерсти, и эта милая деталь очень нравится многим, в том числе и Хасану. Она как бы вся состоит из милых мелочей — темная полоска по всей спине, нос в каких-то забавных пятнах... Было только одно, что она всегда старалась безуспешно скрыть, и из-за чего втайне переживала — длинный шрам около левого глаза, который получила на первой охоте, по неосторожности. Поэтому Аримала и стояла к нему, повернувшись правым боком, чтобы он его по возможности не видел.

— Ну прости меня, ну я тебя умоляю! — Хасан был неотразим, он мог выпросить прощение у кого и у чего угодно. — Я просто умру, если ты меня не простишь!

Она посмотрела на него, уже совсем не чувствуя никакой обиды.

— Вот и зачем лжешь, и сможешь ведь жить. Лжец.

— Ты мне не веришь?! Умру! Прости же меня, самая добрая и прощающая в мире Аримала.

— Нуу...

— Пожалуйста!

— Ладно, — и лизнула его в щеку.

— Отлично! Теперь можно тебе задать один вопрос?

Все настожились. Аримала не ожидала такого поворота событий, но куда деваться.

— Задавай...

— Вот представь себе, что ты оказалась на месте Ириши, а я на месте Таву. Ну и представим, что ты меня очень любишь, и я тебя очень люблю, — тон Хасана был торжественным, а Аримала внимательно смотрела на него, не понимая, куда тот клонит. — И тебе папа не разрешает пойти со мной, а я тебя зову за собой. Ты бы пошла? Со мной?

Она растерялась, не совсем понимая, зачем ему это всё понадобилось. Но все ждали ответа, и она искренне, робко, ответила:

— Да. Я бы пошла с тобой, что бы там ни говорил отец.

Шаана и Ланнара переглянулись. Они, как львицы, хорошо понимали, что это «Да» было прямым, очевидным ответом Халнасу на его вопрос, так вот незатейливо спрятанный. Правда, непонятно, почему он сам сначала не признается, ведь полагается именно так — сначала лев признается в любви; но Халнас сегодня поймал крупную добычу, — ему Аримала сама попала в ловушку, признавшись в близких чувствах. Несмотря на его скверноватый характер, Халнас нравился Аримале.

Но Халнас — лев, смелый и brutальный в своей мужественности, и, как большинство львов, ничего не понимает в таких тонких вещах и нюансах. Он не понял, что ему признались в любви.

— А, видишь! — радостно обернулся Хасан к Таву, вместо чтобы броситься к Аримале, схватить ее в объятия и тут же поцеловать. — Я тебе что говорил? Вот так должно было быть, а не так, как случилось. Так что вот тебе, Таву, я показал, почему...

Он не договорил.

— Подлец! — прокричала Аримала; весь ее вид говорил о том, что она вот-вот расплачется. Она с размаху вlepила ему лапой по морде, конечно, не выпустив когти, но довольно ощутимо. Хасан изумленно уставился на нее. — Использовал меня! — и она таки расплакалась, и решительно ушла прочь, к Шаане и Ланнаре. Они обступили с ее с двух сторон, успокаивая. Хасан сделал несколько шагов к ним, но Ланнара молча показала ему лапой в сторону, мол, уходи.

— Что такое? Что я сделал? — только и спросил он. Но ответа не последовало — Аримала продолжала плакать, а Шаана неслышно сказала «Уходи», и покачала головой в знак неодобрения.

Ему ничего не оставалось, как пойти к Таву и Тарне. Таву улыбался, хотя и старался это скрыть, ему было смешно; Тарна чесал за ухом.

— Ого... — только и сказал Хасан. Они тронулись в путь, вслед за ними, отстав, последовали и львицы.

— Спасибо, Хасан, за то, что всё показал, — с тихим смешком сказал Таву. — Теперь мне всё понятно.

— Ну действительно, не пойму ничего, что я сделал? Это ж чисто для примера, а она что-то не то подумала, при чем тут я?!

— Львицы вообще такие непредсказуемые, — изрек истину Тарна.

— Хасан, не переживай, потом, когда в полдень остановимся, подойдешь и извинишься, и всё, — сказал Таву. — Кстати, действительно спасибо, что показал. Я многое понял.

— Значит, хоть толк всё-таки был, — молвил Хасан. — Ничего, она простит, она добрая. Никто не поймет этих наших красавиц. То им не так, то им не то...

— А вообще, это так странно. Львы и львицы абсолютно разные, и то, что они вообще как-то уживаются вместе, это просто поражает, — размышлял Таву.

Когда солнце уже взошло достаточно высоко, и начало припекать, Тарна и Таву начали высматривать подходящее дерево для того, чтобы провалиться в его тени до спада жары. В местности, по которой они шли, была высокая трава саванны, да

редкие деревья и сухие коряги, которые попадались то тут, то там. Впереди синели небольшие горы или, скорее, очень большие горбы. Там, за ними, и находится прайд Велари.

Долго искать не пришлось, и они улеглись под большим баобабом, предварительно проверив, нет ли нигде рядом термитника или муравейника. Хасан помнил, что где-то здесь должно быть небольшое озерцо, и ушел его искать. Найдя его, вскоре вернулся, и все приготовились погрузиться в дневную дрему. Тарна, Ланнара и Аримала легли прямо под деревом, Шаана и Таву чуть поодаль, друг около друга, Хасан же никак не мог улечься, ибо хотел извиниться перед Арималой.

Походив вокруг да около, он подошел к ней. Она же демонстративно не обращала на него никакого внимания. Хасан слегка тронул ее лапой.

— Аримали... ну не обижайся, ну в самом деле.

Она смолчала, но посмотрела на него.

— Я только для примера, не хотел тебя обидеть.

— Ладно, я не обижаюсь. Ты меня тоже извини, не было никаких причин тебя бить. Забыли.

— Вот и славно, — сказал Хасан, и прилег около нее. Она ему нравилась, давно уже нравилась, ибо суть добра и отзывчива, а он мечтал именно о такой. Конечно же, этого не знает никто; оно только там, в глубинах души. Нравилась ему и ее красивые темные уши, да и много чего нравилось, и шрам не имел ни малейшего значения. Хасан робок в делах сердечных, побаивается нежностей и всего такого, ибо вырос совсем сам, без материнской ласки; свою неуверенность он всегда старался скрыть неумной бравадой. Вот и сейчас, когда он уже закрыл глаза и хотел положить голову на лапы, ощутил легкое и теплое прикосновение слева — это Аримали решила, что на нем спать будет удобнее и лучше, чем просто так, и положила голову ему на плечо. Ему стало очень приятно, и он вдруг подумал, что к нему никто и никогда не льнул с такой теплотой. Было необычайно хорошо вот так вот просто лежать, и он не заметил, как задремал.

Шаана и Таву тем временем, расположившись на другой стороне, около дерева, тихо разговаривали обо всем на свете.

— Знаешь, всё-таки поступки Дальвара мне непонятны, как ни крути, — задумчиво сказал Таву. — Впрочем, это уже неважно...

— Почему неважно? — спросила Шаана. Она до этого просто смотрела вдаль, на горизонт; задав вопрос, посмотрела ему в глаза.

— Всему есть предел. Ириша не пошла со мной тогда, когда она должна была пойти. Я ей не нужен.

Шаана снова стала наблюдать за бесконечностью мира.

— Она боится, думаю, не только за себя, но и за тебя. Ты хочешь порвать с ней?

Таву немного помолчал. Ему было неловко ответить «Да», но это был единственный правдивый ответ.

— Да. Она должна была пойти со мной, несмотря ни на что. Все так считают.

Шаана ничего ответила.

— Шаана, послушай, а почему львиц-шамани намного больше чем львов-шамани?

— Интересный вопрос, — улыбнулась она, — ответов на него может быть много, и все правильные. Один из них таков: в подавляющем большинстве случаев наставниками бывают львицы, а они знают, что, как правило, львы-ученики по достижению определенного... нууу... этапа в своей жизни просто уходят и становятся

отшельниками, бродячими львами. Поэтому лучше брать львиц, ибо они останутся в прайде — очень редко львицы уходят.

— А почему это так? — Таву было действительно интересно. Он всегда считал, что шамани — подвижники духа, которые глубоко познают окружающий мир; он всегда удивлялся, когда многие твердили, что лучше не вникать в их дела, ибо они темные и странные, и лучше не связываться со всем этим. Бывало, он спрашивал Шаану, Шелли, Нарру, Иримэ и Аврину об их знании, о всяких растениях, и зачем они носят полоски на шее, и Нарра даже однажды в шутку спросила, не хочет ли он в ученики.

— Так... понимаешь, львица это охотница, мама, пара для своего льва. Если такой есть... Очень трудно львице пересилить себя и уйти от всего этого, внутренние стремления слишком сильны. Но в то же время львы-шамани могут полностью отдаваться нашей тропе, несмотря ни на что. Они отдают себя пути знания нас всем, не растрачиваясь на мелочи вроде львиц, детей и прайдов... — ответила Шаана и легко потрепала его лапой по гриве. — Где то так. Поэтому львы-шамани, как правило, очень сильны, а чем сильнее шамани, тем больше он или она отдалаются от других, и получается замкнутый круг.

Таву задумался, он хотел как следует обдумать все эти слова, но ему не дал это сделать вопрос Шааны:

— Знаешь, меня редко кто спрашивает о таком. Наверное, лишь ты. Разве не находишь ты наше знание пугающим?

Он очень удивился.

— Почему? Скорее наоборот, привлекательным. Если честно, мне бы хотелось попробовать пожить как лев-шамани.

Шаана, хоть и предполагала подобный ответ, всё равно почувствовала удивление. Подавляющее большинство не хотели со всем этим связываться.

— Да, знаю, некоторые вас боятся и избегают, но только не я.

— Да, вот меня в прайде... — начала было Шаана, и смолчала. Ей не следовало этого говорить. Не следовало. Но Таву всё услышал:

— Что?

— Да так, ничего...

— Не бойся, я никому не скажу, — подмигнул ей Таву.

— Понимаешь, это проблема молодых львиц-шамани, — пространно начала Шаана, ибо нужно было как-то начать. — Кажется, львы их избегают, хотя сами не знают, почему. Шелли говорила, что они как бы не знают, как себя с нами вести. Вот и я, у меня то же... — она не договорила.

Таву в недоумении помотал головой и повел ушами.

— Да ну? Они с ума сошли!

Шаане хотелось спросить, кто сошел, но главное — как же он относится к ней, что чувствует рядом с ней; она никогда не спрашивала об этом львов, и вот подходящий момент настал. Ей действительно нужно знать правду насчет себя, и она уже приготовилась задать вопрос, но необходимость в нем отпала, ибо Таву продолжил:

— Шаана, возьмем даже меня. Самый обычный лев. И что я тебе скажу — ни с кем я не чувствую себя так хорошо, как с тобой...

Это было правдой, и Таву нисколько не врал. Рядом с ней он чувствовал себя очень удобно, это чувство скорее походило на физическое, когда ты хорошо поел и лежишь отдыхаешь себе, никем и ничем не потревоженный, довольный жизнью. Он всегда замечал это чувство, просто находясь рядом с нею, но не придавал этому большого значения, ибо считал, что то же чувствуют и другие, находясь рядом с шамани.

— Правда? — она почувствовала, что нечто неконтролируемое начинает владеть ею. Шаана начинала понимать, что это именно он. Это Таву. Он смотрел в ее глаза, которые смотрели сквозь него, и в то же время были попросту бездонны. Именно это слово — «бездонны», — пришло Таву в голову. Нечто гипнотическое, туманное и невероятно приятное одолевало им. Ее глаза способны свести с ума. Таву захотел как-нибудь выразить чувства, которые он ощущал, ибо они уже не могли в нем спокойно ютиться.

— Твой взгляд невероятен, Шаана. Ты сама — невероятная, — он даже удивился, откуда у него взялась такая страсть и нежность, и почувствовал запоздалую неловкость. Но какая-то его часть совершенно не обращала внимания на какие-то там неловкости. — Ну как можно избегать тебя, если ты настолько хороша?

Ей никто не говорил ничего подобного, хотя и были разные комплименты. Она подумала, что Шелли и тут, как всегда, абсолютно права: многие ее будут избегать, но некоторые будут чувствовать себя хорошо с ней, как ни с кем иным. Уже не было сомнений, кем именно есть Таву, и она смутно подумала о том, что это, несомненно, знак судьбы. Он нравился ей всегда, с детства; но он только ее друг, и был с другой...

Слова, конечно, излишни; они слишком жалки, чтобы она могла выразить все то, что хочет. В последний момент она всё же обрела власть над собой, рассудив, что она не должна зайти слишком далеко, хотя бы сначала. Поэтому она просто легла слева от него, потерлась о его гриву, и, замурлыкав, утонула в ней, забыв о своей небольшой, врожденной застенчивости.

Таву начал вылизывать ее за ушком, как много раз делал это Ирише; но ощущения были совсем другими. Ему казалось, что словно падает в пропасть — было всепоглощающее, щемящее, томное чувство. Таву понял, что это всё: он потерялся окончательно и бесповоротно, Шаана обратила его в плен, в котором он готов провести хоть всю вечность, и еще немного. Ничего подобного он не ощущал прежде; Шаана откликнулась на его ласки несравнимо сильнее, чем Ириша. Он ухватил волны своеобразной дрожи, которые исходили от нее; казалось, они проходят по воздуху.

Если поцелуи за ушком еще можно считать дружескими, то уже в шею — никак нельзя. Таву уже перешел туда, и даже стал очень легко покусывать ее — он знал, что понравится. После этого произошло то, чего никогда не было с Иришей — она ответила ему, с такой нерастроченной нежностью, какую он и помыслить не мог. Ириша всегда была пассивной, и словно позволяла себя любить и ласкать, не отвечая ему тем же. Его немного огорчало это, но он приходил к выводу, что так оно, наверное, и должно быть. Горячие поцелуи шамани в ответ, которые она ему подарила в щеки и шею, были чем-то неземным, и Таву понял, что он хоть сегодня вечером может спокойно умирать, не боясь, что нечто упустил в жизни. Он подумал, обнимая ее лапой и прижимая к себе, что с такой силой могут целовать и любить только истинные души.

Всё прекрасное имеет свойство быстро уходить из жизни; и Таву глухо услышал голос Хасана, словно он доносился из-под воды. Он даже сразу не понял смысл слов, словно за ним трудно угнаться, но потом его ум всё-таки сделал усилие и слова стали понятны.

— Таву, иди сюда!..

Он словно очнулся. Немного кружилась голова, шумело в ушах. Шаана тоже услышала голос Хасана; мгновения назад она тепло, страстно лизала его щеку, и нежно терлась о нее. Теперь же уткнулась ему в грудь, словно спрятавшись от неведомого стыда. Только теперь он заметил свое и ее положение в пространстве — он обнимал ее левой лапой, правая же была на ее левой; их хвосты сплелись, то ли слу-

чайно, то ли нет; она полулежала на боку, около него, и голова ее покоилась в его гриве, на груди. Ему не хотелось шевелиться, очень не хотелось; то же чувствовала Шаана — он это знал. Она вдруг подняла голову; Таву и шамани посмотрели друг на друга. Он заметил, что ее глаза влажны, и красивая улыбка озаряла ее мордочку. Ему даже показалось, что у нее на щеках следы слез, и хотел было рассмотреть получше, но снова не дали:

— Таву, не заставляй меня идти к тебе, иначе будет хуже! — хмурым тоном сказал Хасан. Его и других видно не было — они находились за деревом.

— Хасан, дай поспать, не доставай! — сказал Тарна, и заворочался.

Таву сделал усилие, и встал; Шаана тоже поднялась и села. Он заметил, что всё это время смотрел на нее с необычайно серьезным видом, а она скромно улыбалась ему своей неповторимой улыбкой. «Нехорошо оставаться в долгу...», — подумал он, улыбнулся тоже, и легко провел лапой по ее лапе, сверху вниз, словно стараясь сообщить ей всё то, что трудно передать словами.

— Иду, иду! — сказал он, развернулся, и пошел к Хасану. За то, что он сделал, его нужно было немедленно разорвать на очень много мелких кусочков; для Таву он был в эти мгновения олицетворением строгости и безжалостности бытия. Таву почувствовал небольшой стыд за свои поступки, ибо там, в прайде, на него, наверное, ждет Ириша. Но стыд словно ненастоящий и эфемерный. С Шааной за несколько мгновений он испытал то, что делало всё остальное попросту ничтожным и неважным. Он знал, что дорогу назад отыскать уж вряд ли сможет, даже если пожелает.

— Хасан, ты самый отвратительный подонок в мире, понимаешь ты это, или нет? — раздраженно спросил Таву и наступил ему на хвост.

— Я всегда самый-самый, запомни, малыш. Пошли со мной к озеру, пройдемся, — сказал ему Хасан, отчаянно стараясь освободить хвост, но безуспешно. — Да пусти ты, достал.

— Ладно, что делать... — молвил Таву. Немного помолчав, добавил: — Идем.

Таву не мог сейчас злиться на мир и его обитателей всерьез и надолго, потому что пребывал в состоянии неведомой прежде приятной, ненавязчивой эйфории, которая делала всё легким, необязательным, приятным.

Хасан наконец поднялся, с необычайной осторожностью, чтобы не потревожить своим движением Арималу; хотя на самом деле это не имело смысла, ибо много раньше разбудил ее, подняв шум и гам.

Они пошли в сторону озера. Таву ощутил, что хочет пить; раньше этого он не замечал. Очень скоро они пришли к озеру, без разговоров, медленно и неспешно. То, что Хасан назвал озером, оказалось просто довольно большим болотом; в сухой сезон оно, очевидно, пропадало почти полностью, а в сезон дождей наполнялось вновь. Вода была грязноватой, но они не обратили на это внимания, и стали пить. На противоположном берегу хлюпались в грязи слоны. Таву отпил немного воды, и осмотрелся вокруг. На небе облака, горизонт чист и манит к себе, жужжали какие-то насекомые, и всё это как бы нашептывало ему на ухо: «Жизнь прекрасна, всё еще впереди...». Он закрыл глаза, прислушался к звукам мира. Холодные струйки воды приятно потекли по подбородку.

Хасан фыркнул, и это вернуло Таву в окружающее. Он не мог всё-таки понять, зачем же Хасан его потревожил, и, напившись, уставился на него. Тот ощутил на себе взгляд, повернулся и увидел немой вопрос на морде Таву:

— Что?

— Зачем ты прервал мой сон, презренный? — страшным голосом спросил его Таву.

— Ты разве спал? — с деланным удивлением спросил его Хасан.

— Только такие слабоумные, как ты, отвечают вопросом на вопрос, — заметил Таву.

— Пошел ты... — Хасан снова начал пить.

— Спасибо, Хасан, что ты был со мной так вежлив и обходителен.

— Будь здоров, расти большой.

Хасан продолжил пить. Таву совершенно ничего не злило, и не раздражало. Он смотрел на игру света на воде, и мысли его бесцельно блуждали, ни одна не могла поймать его внимание надолго; он нашел такое состояние приятным. Он подумал, что жить в высшей степени хорошо, но вдруг вспомнил, что буквально вчера он считал, что родиться на этот свет, — самый первый и самый глупый его поступок. Таву решил поделиться этим открытием с Хасаном:

— Знаешь, Хасан, я вот чего подумал. Вчера я думал, что самое глупое, что я мог сделать — это родиться на этот свет, а вот сегодня...

— Хех, — перебил его Хасан, — боюсь, ты ошибаешься.

— В каком смысле? — Таву сбил с толку такой быстрый ответ Хасана. — Что ты...

— Ты ничего не мог поделаться: твои мама и папа за четыре месяца до того, как ты появился на свет, сделали глупость за тебя. Так что не упрекай себя — ты ни при чем, — уверенно сказал Хасан и потрепал Таву по плечу. — Не надо так побиваться.

Таву улыбнулся, а потом и засмеялся. Ему было нипочем, что друг измазал грязью его плечо и лапу.

— Слушай, для чего ты меня вытащил?

— Ну как зачем, попей вот водички, и всё такое. Старина Хасан заботится о тебе, малыш.

— Давай, не тяни.

Они вышли из воды и отряхнули лапы, но всё равно остались все в грязи.

— Ты хорошо знаешь местность у веларийцев?

Вопрос был неожиданным для Таву.

— Да так... не очень. Если что, у моей тетки можем спросить. Ты же знаешь, она там живет. А что такое?

— Надо, — лаконично сказал Хасан, отвернув голову в сторону. — Так, просто.

— Ну надо, так надо. А что конкретно интересуется? — спросил Таву.

Тот только небрежно махнул лапой, разбрызгав грязь вокруг, призывая забыть эту тему. Таву не настаивал.

— А надолго мы там останемся? — спросил Хасан.

— Не знаю, посмотрим. Ночевать будем точно, чего в прайд спешить.

— А может, останемся на пару дней?

— Слушай, чего ты задумал, Хасан? Признавайся, мне это не нравится, если тебе что-то в голову пришло, то уж пришло, — Таву толкнул его в бок.

— Да ничего, чего ты пристал.

— Ну, может и останемся, — сказал Таву, и начал дергать себя лапой за гриву. Идея была весьма неплохой, хотя дренгир ее не одобрит.

— Какую-нибудь сказку придумаем. Нужно будет остальных спросить: Шаану, Тарну, Ланнару.

— Арималу спрашивать, что, не надо? — с иронией спросил Таву.

— Ну, и Аримали. Впрочем, она точно не будет против.

— Ага, ну понятно, Хасан, удачи тебе и всё такое. Даже не знал, что у тебя наконец кто-то появился, — начал подкалывать его Таву. — Ты ей нравишься, Хасан, это заметно.

— Я знаю, — как-то печально ответил он Таву.

— Смотри, не обижай ее. Ты ведь можешь.

— Я всё могу... Нет, теперь серьезно всё, — еще грустнее сказал Хасан.

— Не могу поверить. У тебя — и серьезно.

— Да ладно, перестань. Никого ведь до этого я не любил, а так... ну сам знаешь.

Для Хасана такое нехарактерно — откровенность. Вообще же, у него репутация гуляки, хотя он, признаться, не есть таков. Просто однажды с ним приключились несколько аляповатых приключений с самками, одно в прайде Хлаалу, другое вообще со львицей Большого мира, которые он при подходящем случае с шутками рассказывал в компании, что неизменно приводило к всеобщему веселью.

Они пошли назад, к баобабу, где все спали. Хасан зевнул, и сказал:

— Слушай сюда. Сидели как-то я, Алири и Сигис. Дело было вечером, перед пещерой. Они себе болтали, и тут разгорелся у них спор, кем быть лучше — львом или львицей...

— Уже интересно, — заметил Таву.

— И она спрашивает: «Почему львы никогда не знают, чего хотят львицы? Мы же постоянно намекаем!». И обозвала всех нас тупыми.

— И что?

— Сигис хорошо ответил: «А почему вы знаете, что хотим мы, но не делаете?». Молодец.

Наконец они пришли к дереву. Все безмятежно спали: днем засыпается всегда быстрее и вернее, чем ночью.

— Ладно, ближе к вечеру выходим, — молвил Хасан.

— Давай.

Упав на землю и пораскинув лапы, Хасан тут же предался сну, а Таву пошел на другую сторону, туда, где была Шаана. Она тоже спала на боку; похоже, она уже глубоко заснула, ибо ее тело безвольно распласталось на земле, голова опиралась о выступающий корень баобаба, и рот чуть приоткрылся. Он прилег неподалеку, напротив нее; спать ничуть не хотелось. Хорошо вот так лежать и наблюдать за тем, как она спит. Таву подумал, что неудобно так ей спать, прямо на земле — не на кого опереться. Очень захотелось просто погладить, и наговорить каких-нибудь красивых слов, но он не захотел ее будить. Пусть отдыхает. Он снова отметил, что чувствует себя очень хорошо, даже если она предана сну. Это было ощущение родства, приятное чувство того, что существо, которое здесь и рядом, есть самое близкое на свете. Таву только удивлялся таким чувствам, — ведь они прежде были лишь друзьями, хорошими друзьями; но вспомнилось, что хорошо с нею было всегда. Оставалось только недоумевать, почему он не замечал эти чувства раньше, и не придавал им значения. Поразмыслив, он пришел к выводу, что ему вообще нравятся шамани его прайда — он любил общество Шелли и Нарры.

«Конечно же. Раньше я был занят Иришей. Иришей...», — подумал Таву. Чувство предательства стало снова грызть его, ибо так легко он потерял голову сегодня, с Шааной. Воспоминания были свежи; но Таву сомневался где-то на внешнем краю души, а внутри хорошо знал, что сопротивляться тогда было настолько же бесполезно, как и дуть против ветра. Его это озадачило, — те чувства не были похожи на обычное увлечение, краткую влюбленность. Такой поток переживаний не исходит из ничего, подумал Таву. Возможно, она околдовала или украла его душу? Впрочем, ничего плохого в этом Таву не увидел: он совсем не прочь, чтобы его так околдовывали хоть каждый день.

«Ведь все львицы стараются на тебя повлиять, если можно, омрачить. Как у кого получается... У нее еще как получается, она ведь знает больше, много больше своих сверстниц, сомнений в этом нет...».

Он снова вернулся к мыслям о Ирише. Полюбил он ее за кроткий характер — ему такие нравились — и за красоту; в общем, довольно банально, так влюблялись его отец, дедушка, прадедушка и сотни иных предков-самцов. У нее — обычная, правильная красота молодой львицы, и всегда чуть грустные глаза, которые с неясным упреком смотрели на окружающий мир. Как и у ее мамы Ланны, у нее не очень длинные и широкие лапы, что она считала огромным недостатком, и однажды ему пришлось долго ее убеждать, что это совсем не так. И короткий хвост с маленьким кончиком тоже не проблема. Интересно, что с ней сейчас? Жалеет ли о том, что не пошла? Таву подумал, что, наверное, да. Вполне возможно, она действительно хотела пойти, но страх перед отцом остановил ее. Может, она знает что-то, чего не знает он, и потому не пошла? Вполне возможно. И сейчас тихо проливает слезы, скучает за ним, в ожидании его возвращения. Ведь за эти недолгие три луны, пока они вместе, он успел привыкнуть к ней, как ребенок привыкает к тому, что у него есть мать. И она, наверное, тоже. Дальвар, будь с ним проклятье!

Таву знал, что его отец и Дальвар были в плохих отношениях. Причина ненависти Дальвара в этом, конечно же. А еще Ириша говорила, что отец хочет отправить ее в Хартланд. «А если с ней буду не я, а кто-то другой — что будет делать Дальвар? Дело во мне? Или он вообще не хочет, чтобы у дочери были какие-то отношения здесь, в прайде?», — раздумывал он.

— Впрочем, неважно, — тихо сказал Таву, и испугался своих слов. Он никогда не говорил сам с собой, и эта скрытая мысль, которая в обход его сознания сама добралась к его рту, была совсем неожиданной.

«А стоит ли?..», — подумал Таву. Она не пошла с ним, и всё. Она сделала свой выбор — ведь ей ничего особо не грозило, Ириша могла последовать за ним, и у отца выбора не осталось бы, кроме как смириться. Стоит ли задумываться над всеми этими глупыми вопросами, если...

...если здесь, рядом с ним — нежная и умная Шаана. Конечно, влюбиться в львицу — это такой же необходимый этап в жизни льва, как, например, первая охота, первая драка, первые мысли о том, о чем вслух не говорят, и так далее. Всё это вполне обыденно: вот вы вместе, ты и она; вот вы произнесли клятву перед двумя свидетелями; вот у вас появились дети, — так было всегда. Это безопасный и проторенный веками путь, и сравнивая свое сегодня со своим вчера, Таву с удивлением заметил, что такими же являются и отношения с Иришей — обычными. Но влюбиться в шамани? Таву уже знал, наперед знал, что это восхитительное и опасное приключение нельзя и сравнивать с обычной любовью к обычной львице, когда даже поцелуи похожи на спокойный ручеек, а целовать шамани сродни жуткому водоплаву. Рядом с обычной львицей голова не кружилась; один страстный взгляд шамани делал тебя таким, словно ты объелся дурмана и прыгнул в пропасть, и тебя уносит куда-то назад и вниз...

Таву знал, что он не в силах будет отказаться от всего этого.

Он и дальше смотрел на нее. Остальные львицы, они все такие обыденные, знакомые; Шаана же таинственна, и как же красива (почему он не желал раньше заметить ее красоту?) — темная шерсть, изящные лапы; в ее красоте всё уравновешенно и нет ничего лишнего. Она, проклятье, красивее Ириши, красивее других, даже когда спит, да нет, особенно когда спит.

Многие удивятся тому, что он будет вместе с Шааной, вместе с шамани; хотя, вот есть лев у Шелли, Тарнис, хороший и сильный духом лев, и ничего.

Нет, с шамани всё по-особому, всё по-другому...

Таву заметил, что она спит довольно странно. Точнее, она дышала слишком уж часто для спящей: она с легким шумом вдыхала и выдыхала воздух через открытый рот. Он даже засомневался в том, что она во сне. «Возможно, что-то снится...», — подумал Таву, и наконец перевел взгляд, который уцепился за одинокое, грустное дерево в саванне, далеко-далеко. Посмотрев немного по сторонам, он ощутил, что размышления истомили, и решил прикрыть глаза, чтобы отдохнуть. Положив голову на лапы, он не заметил, как уснул.

**

Тарна с неохотой почувствовал, что всё-таки начинает просыпаться. Дул назойливый и неприятный ветер, который гнал сон прочь; подумалось, что стоит посмотреть, где же именно солнце на небосводе сейчас заканчивает путь. Зашевелился с усилием, — дневной сон всегда сильно поработает, и просыпаешься, словно совершенно и не спал, и желание уткнуться назад, в мать-землю, в первые мгновения становится главным и единственным. Поднялся, зевнул, фыркнул, и только потом открыл глаза. Солнце уже умерило свой пыл — начало садиться; но до захода еще весьма далеко. Приятное предвечернее время. «Идеально, как раз можно отправляться в путь», — подумал Тарна. Заметил, что проснулся первым, что немного усложняло ситуацию.

«Надо всех будить». Тарна не хотел никому причинять неудобств, но выходить в такой час значительно лучше, чем начинать идти темным вечером, в таком случае быстро наступит ночь, а ночью идти всегда сложнее и неприятнее. Если выйдут сейчас, ночью они должны придти к веларийцам.

Первой Тарна решил разбудить Ланнару. Легко потрогал ее за плечо, потом за лапу.

— Ланнари, просыпайся, пора уже.

Та продолжала спать, или же притворяться, что спит.

— Давай, давай, вставай же, — продолжал трясти ее Тарна за лапу, потом, для верности, даже боднул головой.

— Ну... Разве уже встаем? — она посмотрела на него такими вялыми и сонными глазами, что ему стало смешно; но он не засмеялся, потому как делал это редко. Он молча кивнул. — Сейчас... да... я только немножко растянусь, и уже встаю. Нужно растянуться, понимаааешь...

Она действительно растянулась и снова закрыла глаза. Ланнари, конечно же, заснет. Поэтому Тарне пришлось снова трясти ее, пока она, наконец, не встала. Потом Тарна пошел будить Хасана.

— Хасан, вставай.

Прям на нем спала Аримала, положив голову ему на бок, приютившись в какой-то причудливой позе. Тарна подумал, что это даже лучше — не придется ее будить, поскольку это сразу сделает сам Хасан. Когда его поднимали, он всегда становился объектом всеобщего смеха: просыпался он в некоей панике, начинал задавать дурацкие вопросы, вроде «Что случилось?» «Почему?», «Что такое?».

Так и случилось. Своими расспросами Хасан разбудил и Таву. Хасан тут же начал приставать к Тарне, стараясь всё-таки выяснить, враг ли он ему или нет:

— Зачем так рано разбудил?

Тот только отмахивался от наседавшего Хасана; впрочем, тот быстро успокоился. Все начали приводить себя в порядок, Ланнара помогла надеть Тарне письмо на шею. Таву заметил, что только одна Шаана еще спит, причем в любопытной позе

— поджав под себя лапы, она прижала к боку хвост, держалась ровно и вертикально. «Лапы так затекут, да и неудобно спать...», — подумал он. Нужно продолжать путь, и Таву пошел будить ее. Подходя, он чувствовал смутную неловкость, словно сейчас она, проснувшись, будет себя вести так, будто ничего не произошло; а потом он действительно испугался: что если всё это ему попросту приснилось, и исчезнет та Шаана, а перед ним появится уже другая, та, которую он знал прежде, которая для него просто хороший друг, но не более? Что если всё исчезнет, и она, проснувшись, будет вести себя так, словно никогда ничего и не было? А когда он решится всё же подойти к ней снова, и начнет говорить какие-то несурзности, она удивленно спросит его: «Ты о чем, Таву?». Эти мысли не на шутку встревожили, он даже попытался снять наваждение, и помотал головой, но они прочно завладели душой.

Таву сначала тронул ее лапой, чтобы разбудить, но сразу же пришел к выводу, что не стоит так обыденно и грубо будить Шаану, поэтому очень наклонился к ее уху, почти вплотную, намереваясь сказать «Шаани, пора вставать...»; но по непонятной ему самому причине, вместо этого потерся носом о ее ушко, вдруг осознав, что слова на самом деле — жалкое приспособление, особенно для выражения чувств, и чем их больше, тем неизменно хуже.

Шаана нисколько не спала, а занималась полезным и очень необходимым для шамани упражнением: она старалась прекратить внутренний разговор ума с самим собой, который ведут все живые существа, что мыслят. Шелли и Нарра постоянно говорили, что это — главное, что должна уметь шамани, кроме, конечно, знаний об исцелении; главное — уметь не разговаривать с самой собой. Шаана до конца не понимала этого, но добросовестно делала то, что советовали. Она, конечно, услышала, как все проснулись, и прекратила свое занятие, но очень хотела узнать, как Таву ее разбудит, поэтому и дальше оставалась неподвижной.

Он не ожидал такого быстрого пробуждения; как только он дотронулся к ее уху, она тут же обернулась. Мелькнула мысль, что, наверное, она совсем и не спала. Но мысль тут же стала неважной, потому что сомнения о сноподобности и нереальности ранее произошедшего тут же были развеяны Шааной. Она посмотрела ему в глаза, и они излучали такую смесь привязанности, нежности и еще, чего-то необъяснимого, что Таву тут же убедился, что все было на самом деле, и втайне невероятно обрадовался этому. Потом она просто и трогательно дотронулась к его носу своим, и спросила:

— Что, разве уже идем?

Таву утвердительно покачал головой, а потом добавил:

— Идем.

Обогнув баобаб, к ним подошел Гарна.

— Как вы здесь? Вас растормошить или сами встанете?

— Да мы уже на лапах, — ответил Таву. — Всё хорошо.

Тут же подошли и остальные. Хасан предложил сначала немного перекусить, а потом уже пускаться в путь. Предложение было сразу же принято, и вскоре компания уже трусцой бежала в сторону прайда Велари в надежде, что по пути им попадется какая-нибудь добыча. Так оно и вышло. Но случилось совсем не то, что они предполагали.

Аримала издали заметила самку бородавочника со многими поросятами — легкую, вкусную добычу. Будет глупо ее упустить. Так как для поимки такого ужина не требовалось особых усилий, они безо всякой подготовки и тактических ухищрений просто бросились вдогонку за добычей. Вскоре поросята отстанут, и им уготована быстрая смерть, а потом — съедение. Но случилось весьма любопытное и непредвиденное. Один из поросят быстро отстал, Гарна и Хасан устремились к

нему, остальные продолжили погоню. Но маленький оказался очень смелым, безрассудно смелым. Он начал, развернувшись, угрожающе бодаясь головой, кидаться на львов, на Хасана и Тарну. Те попросту не ожидали такого поведения от еды, и остановились, наблюдая за любопытной сценой. Все остальные также остановились, и окружив поросенка, начали наблюдать за удивительным представлением, которого еще не видал никто. Поросенок не убежал, но кружился на месте, делал угрожающие выпады и старался пострашнее бодаться головой.

Не веря своим глазам, все только и говорили:

— Какой смельчак! — воскликнула Аримала.

— Первый раз такое вижу, — сказал Тарна.

— Попросту невероятно, — заметила Шаана.

— Наверное, в него по ошибке при рождении вселился дух льва, — молвил Тарна. — Льва прайда Юнити.

— Это точно, — добавил Хасан. — Смелость должна быть вознаграждена. Как думаете? Я его жрать не буду.

— Что ж, давайте отпустим, — предложила Шаана.

Они разомкнули кольцо, и поросенок ушел от них в ту сторону, куда убежала мама с братьями и сестрами. Львы еще долго стояли и смотрели ему вслед, еще не веря, что во-первых, такое бывает; во-вторых, что они действительно отпустили этот мелкий ужин. Впрочем, вскоре они все шестеро отбили от небольшого стада буйволов старую корову, а потом, во время трапезы, похохатывали над Тарной, который убежал от ее рогов, когда оказался у нее под носом и не успел вовремя прыгнуть ей на шею.

Они продолжили свой путь. День уже медленно, но верно подходил к концу. Ланнара и Аримала шли вместе, позади, Тарна и Хасан также. Шаана, вместо того, чтобы идти вместе с подругами, теперь держалась рядом с Таву, который расспрашивал о всяких растениях, которые им попадались по пути. Она рассказывала ему всё, что знала. Растения его, конечно, не интересовали, но Таву было очень приятно просто с ней говорить, и слушать ее подробные объяснения. Время от времени они смотрели друг на друга, и тогда утихали.

— Когда я, наконец, приду в горы, к севернякам, а? — вздохнул Хасан. — Когда же наступит этот день, когда я устрою им настоящую бойню?

— Слишком давно не было туда походов, — коротко заметил Тарна.

— Да... Были мы слишком малы, чтобы отправиться тогда, — с горечью сказал Хасан.

— Ну, мы вообще тогда еще и ходили плохо, Хасан.

У Халнаса есть заветная мечта: когда-нибудь побывать на месте гибели своих родителей, и отомстить севернякам за их смерть.

— Ну ничего. Я уверен, Тарна, уверен, что они просто затаились, а потом нагрянут в гости. Вот тогда, если конунг не пошлет наш прайд против них, то я сбегу, и отправлюсь сам к восточным границам. Еще придет мое время, а, Тарна? — и он с надеждой посмотрел на своего друга, стараясь найти поддержку и согласие. Потом раздался его тихий голос: — Придет...

— Вполне возможно, — ответил Тарна. — Для всех нас придет наше время. Не забудешь только мне сказать. Не бросать же тебя самого, несмышленного, на съедение севернякам.

Хасан одобрительно качал головой.

— Как же, малыш, как же без тебя.

Так они и шли. Хасан решил теперь поболтать уже с Таву и Шааной, не догадываясь, что может быть немножечко лишним. Тарне вспомнилась поговорка «Чем

дальше в ночь, тем третий лишней», и решил напомнить ее Хасану, но вдруг заметил, что на горбе, немного правее, на расстоянии где-то в сто прыжков, взяла да появилась группа львов. Голов десять. Тарна не знал, кто они, но уже догадывался. Он быстро и негромко, но так, чтобы все услышали, сказал:

— Ложись!

И тут же упал на землю, стараясь скрыться от глаз неизвестных. Очень хорошо, что в этом месте трава густая, и высокая — чуть выше головы. Все тут же, мгновенно, последовали его примеру — и Шаана, беззаботно болтавшая с Хасаном о пустяках, и Таву, и Ланнара и Аримала.

Некогда было задумываться над тем, что привело к этому властному «Ложись!»; в такой ситуации не полагалось думать, а сразу распластываться по земле и не шевелиться, чтобы тебя не заметили. Так учили всех, с самого раннего возраста, реагировать на это слово; совершенно неважно, кто его сказал, и тем более почему: если это сделали, значит есть причина. Таву хорошо помнил, как он однажды пошутил с этим, будучи маленьким. Он шел вместе со своими друзьями к реке, рядом шли охотницы и взрослые львы; из озорства он вдруг крикнул «Ложись!», как их всех недавно учили. Эффект был неожиданным — вокруг него припали ниц к земле все: и маленькие, и взрослые, и только он один остался на лапах, пораженный. И он хорошо запомнил ту жуткую взбучку, которую ему задали. Даже Саргас, их добрый наставник, отлупил его так, что у него даже кровь из носа начала течь; тогда его и перестали метелить, и тут же отправили к его маме и папе. Его отец, Лирана, который тогда еще был жив, очень строго наказал сына: запретил гулять несколько дней, и в те дни, по утрам, он уходил с ним подальше от прайда и там сотни раз кричал ему «Ложись!», пока сын не начинал падать с лап.

Все приникли к земле, а только потом начали соображать, что произошло.

— Тарна, что такое? — прошипел Хасан.

— Там... на том холме, впереди. Скорее всего свободные, голов восемь-десять.

— Ты уверен, что это они? — спросила сзади Аримала.

— Нет, — ответил Тарна. — Но там одни львы, вряд ли это наши. Сейчас...

Он снял с себя послание, и начал осторожно оглядываться по сторонам, всё так же припав к земле.

Дело в том, что если это действительно чужаки, тогда им грозит реальная опасность. Десять львов против трех, и еще три львицы. Это явно не в их пользу, и в таком случае нужно всячески избежать конфликта. Такова простая мудрость: ты должен выжить, сбереечь друзей, и невредимым придти в прайд, а потом голов сорок отправится искать чужаков, чтобы быстро и без потерь для себя отловить и уничтожить. Такие шайки, которые напроць состояли из львов, весьма опасны. Они не упустят шанса убить шестерых львов Союза, которые так мешают им жить.

Тарна обрадовался, когда увидел справа от себя, в десяти прыжках, большое и сухое поваленное дерево. Лучше сказать, это была сухая коряга. Это отлично: нельзя наблюдать ни за кем, выглядывая, пусть и на очень маленькое время, из травы, на открытой местности. Это сразу же привлечет внимание, будет очень заметным. Чуть пригнувшись, он последовал к нему, ведь выглядывать из травы тоже плохо: рано или поздно тебя заметят. Когда Тарна подполз к дереву, то понял, что сегодня повезло, ибо из этой коряги торчало множество сухих, тонких веток, и трава. Это придавало отличную маскировку наблюдающему — ты их из-за веток видишь, они тебя — нет. Кроме того, около какого-нибудь большого объекта ты всегда незаметней, чем на голой местности.

Тарна увидел, что они их не заметили, похоже, только вышли на холм. Они начали осматриваться; так постояли некоторое время, а потом лениво и не спеша

направились вниз по склону. Тарна заметил, что направляются именно туда, где лежат его друзья, и очень скоро наткнутся на них. Это только вопрос времени. Нельзя этого допустить, решение тут может быть только одно — не дать им этого сделать. Остается только надеяться, что друзьям не придет в голову бросаться на помощь — тогда они все выживут, скорее всего.

Он открыто вышел из-за своего укрытия, и медленно пошел им навстречу, стараясь отходить подальше, правее, чтобы отвести чужаков подальше. Расчет был прост: они, скорее всего, устроят за ним погоню и отвлекутся.

Хасан, Таву и львицы наблюдали за Тарной в меру своих возможностей; им было плохо видно его, из-за травы. Но они заметили, что тот открыто вышел, и дальше ничего не могли засечь — всё скрыло от взора дерево, за которым он до этого прятался.

— Он с ума сошел! — сказал Хасан. — Его же поймают сейчас!

Остальные молчали. Они не могли видеть, что чужаки направляются к ним, поэтому поступок Тарны им был пока непонятен. Шаана догадалась первой:

— Он, наверное, хочет отвлечь их внимание...

— Нет, Тарна точно хочет получить по полной, вот что он хочет, — начал переживать Хасан. — Я иду, ему нужна помощь...

— Стой, куда ты, сиди здесь, — Таву еле успел царапнуть его за заднюю лапу.

— Пусти, не могу я его бросить... — пробормотал тот, и начал лезть дальше.

— Да сиди, дурак! — зло сказал Таву и даже тихо зарычал.

— Не ходи, не ходи, будь тут, — начала умолять Аримала Хасана. — Ты ему ничем не поможешь, Тарна наверняка знает, что делает.

Она переживала за него, ибо Хасан всегда безрассуден и может вытворить что угодно.

Налон был еще довольно молодым, но уже очень опытным львом. Он всегда, будучи главарем своей небольшой группы, правил ею решительно и жестко, ибо по-другому выжить нельзя. Эти чужаки, или, как они себя называют — «свободные» — часто объединяются в такие небольшие группы, чтобы было легче жить; они уже, в принципе, своеобразный прайд, только без определенной территории; кроме того, в такую группу очень редко входят львицы. На самом деле Налон имел доброе сердце и склонен был прощать своих врагов и любить друзей, но его положение решительно требовало совсем других качеств; он вынужден быть жестоким, никогда не прощать недругов и предавать друзей в случае необходимости.

Сейчас они находятся возле прайда Велари, на землях Союза. Это риск, и Налон со своим небольшим отрядом давно бы отсюда убрался, если бы не обилие пищи на этих землях, и необходимость их пересечь, чтобы добраться к местности, называемой Морлай, на севере. Там уже не земли Союза. Налон решил основаться там, ибо всем им ужасно надоело вести бродячий образ жизни. Кроме того, по пути они очень надеялись найти каких-нибудь львиц; но, как назло, те как будто бы исчезли, хотя Сатарина, будь он неладен, расхваливал земли Союза как пристанище многих львиц-одинок: они любят здесь жить-поживать из-за отсутствия таких вот групп львов.

— Опа, хосяин, смотрите, смотрите, — оживленно начал прыгать самый младший член его группы, Торин. Но, никто, конечно же, не зовет его по имени, вместо него у него кличка Зубастый, или Зуб. Он родился со странным пороком: никак не мог выговорить некоторые звуки, хотя мать учила его в детстве, а еще к тому же у него ущербные, кривые зубы. Впрочем, это и все его недостатки. Лев он смелый, и хороший приятель.

Все посмотрели туда, куда он указывал. Там, в гордом одиночестве, словно бросая вызов, стоял крупный лев. Мало того, тот даже сделал несколько шагов по направлению к ним, будто насмехаясь.

— Чокнутый, — молвил один из свободных.

— Пасли, влоим ему, это союзный. Я увелен! — весело крикнул Зубастый. Но приглашать никого не надо: уже целых три хвоста с азартом, рыча и озорно ругаясь, побежали навстречу наглецу.

Налон же похолодел; он понял, что их поход в Морлай сейчас под большим вопросом. И не только в Морлай, а вообще куда-нибудь. Налон был по-житейски мудрым, знал многое, и знал, что львы и львицы Союза очень хитры, и мастерски умеют делать западни, ловушки, и вообще всякого рода подлости и хитрости. Вот и теперь — четыре беспечных дурака бегут навстречу своей смерти с веселыми глупостями; ведь ясно, как летний день, что это — ловушка. Сейчас, будто ниоткуда, из-под земли, возникнет голов эдак тридцать-сорок, и моментально окружит несмышленных, и тут же убьет. «А может, мы все уже окружены?..», — обреченно подумал Налон.

Нужно что-то делать, пока не слишком поздно.

— Стойте! Стойте! Стойте! Назад! — сорванным голосом кричал он. Те, уже отбежав на приличное расстояние, неохотно остановились и обернулись. Налон и остальные, которые уже поняли всю ситуацию, яростными жестами и неприличными междометиями старались вернуть их назад. Не совсем понимая, почему все так разбушевались, Торин и остальные пошли назад.

— Да бегом же!

Они перешли на бег, и вскоре оказались вместе со всеми.

— Но мы почти его... — начал было один, но тут же получил удар лапой по морде.

— Заткнитесь! Это ловушка! Скорее, идем назад, — Налон говорил быстро-быстро, словно упражнялся в какой-то скороговорке. — Быстро, быстро, уходим, давайте шевелитесь!

Все быстро затрусили назад, по склону холма.

— И молитесь, молитесь всем богам, каких только знаете, и даже не знаете, чтобы мы не были окружены, — все так же прерывисто и быстро говорил Налон.

Но вскоре все успокоились, ибо, по-видимому, страшного не случилось.

— Смотрите в оба, — сказал всем Налон, — хорошо смотрите...

Тарна увидел, как несколько львов начинают бежать к нему. «Отлично...», — подумал он и начал медленно отступать, чтобы затем перейти к быстрому бегу и постараться убежать от них, и таким образом отвлечь угрозу от братьев и сестер по прайду. Но неведомо почему главарь вернул их, и они быстро убежали прочь.

— Странно, — только и сказал себе Тарна, когда они скрылись за холмом.

Еще немного понаблюдав, для верности, вернулся к своим. Те продолжали всё так же лежать на земле.

— Они ушли прочь, вставайте, — молвил Тарна.

— Почему? — удивленно спросил Таву. — Как так?

— Это все потому... — Тарна растягивал слова, чтобы произвести должное впечатление. Он сделал паузу, и наступила напряженная тишина, — что я невероятно здоровый!

— Ага, ну конечно, — сказал Хасан.

— Но всё равно, ты у нас смелый, — это сказала Ланнара, приблизившись к Тарне.

— Нет сомнений в этом, — добавила Аримала и также подошла к нему. Так они и встали с двух сторон возле Тарны: Аримала слева, а Ланнара справа.

— Оооо, ну вы его расцелуйте еще. Здоровый он! Увидели, какой он мелкий, и от смеху покотившись, побежали назад, — не унимался Хасан.

— А вот и расцелуем, — начала дразнить его Аримала.

— Ну целуй, — обиделся Хасан. — Ну, чего не целуешь?

— Хасан, теперь я герой, спугнул целый десяток голов, а, каково тебе? — дразнил его Тарна.

— Ой, да заткнись.

— Хватит вам ерундой маяться, — сказал Таву.

Аримала отошла от Тарны, а Ланнара лизнула его в щеку, и только после этого тоже отошла.

— Всё, девчонки, будете всем рассказывать, — сказал Тарна, когда они снова тронулись в путь.

— Конечно, — сказала Ланнара.

— Они подумали, что это ловушка, — задумчиво сказала Шаана, — поэтому убежали. Сегодня судьба на нашей стороне.

— Ну, про ловушку в легенде о Тарне говорить совсем необязательно, — улыбаясь, молвил Таву.

— Нет, вы только посмотрите, гляньте на эту довольную рожу, — сказал Хасан, — и когда я его таким видел? Ответ — никогда!

— Ты, конечно же, хотел бы оказаться на моем месте, — хохоча, ответил ему Тарна.

— Понятное дело, малыш. Конечно хотел.

Все засмеялись.

— Стойте! — этот возглас Шааны тут же заставил всех остановиться. — Тарна! Сообщение для Велари!

Тот непонимающими глазами посмотрел на нее, потом недоуменно посмотрел на свою грудь. Ну конечно же — забыл. Не говоря ни слова, побежал назад. Но повода волноваться не было, ибо оно быстро нашлось.

И всё так же — Ланнара и Аримала вместе, Тарна и Хасан, и чуть в сторонке Шаана с Таву — они пошли в прайд Велари, и добрались туда глубокой ночью, без приключений. Факт того, что Шаана вдруг идет вместе с Таву, не остался незамеченным львицами, что и стало темой их разговоров и толков по дороге.

Прайд Велари раскинулся на большой территории. Они пришли к общему месту собрания всего прайда — небольшому плато, с которого можно осмотреть окружающие земли. Тут же рядом живет дренгир Велари, старый и почитаемый Ваннарен, возле большого камня или небольшой скалы — кому как угодно. Именно под ней он, как правило, и находился. Но сейчас уже очень поздно, все спят, кроме разве что обходящих; правда, они их почему-то не заметили при входе.

— Ну что, обустроимся где-то поудобнее, и ложимся спать, — сказал Тарна. Все порядочно устали. Конечно же, так и следовало сделать. Тут из темноты появился лев, уже старший, большой и с неправдоподобно пышной гривой.

— Ну, и кто это к нам пришел? — вглядываясь, спросил он.

— Гости из Юнити, — ответил Тарна.

За ним появились два молодых льва.

— Ага, ну что ж, сейчас мы вас всех устроим. Вижу, вы устали. Извините, что вас прозевали, исправим, исправим, — и повернулся к молодым львам, с таким выражением морды, что даже гости поняли по их поджавшимся ушам, что кара будет ужасной.

— Иди, покажи, — коротко сказал старший одному из молодых, и тот тут же подошел к гостям.

— Пошли за мной, братья и сестры.

Гости из прайда Юнити проследовали за ним. Остальные два остались позади.

Прошло некоторое время, и Хасан сочувственно вздохнул:

— Что, попали?

— И не говори, — вяло ответил тот.

— Как же вы так? — спросил Таву. — Ведь мы по главной дорожке шли, между зарослями. Не прятались...

Тот ничего не ответил, потому что они уже пришли к деревьям, которые образовывали неровный, маленький полукруг. Здесь спало около десятка львов и львиц.

— Располагайтесь тут. Здесь удобно, — сказал проводивший их лев. Путешественники остановились и тут же повалились в мягкую траву около дерева. — Насчет того, почему мы вас не заметили. Это всё Иллар: я отошел попить, а он и прозевал, сам не знаю как.

— Ты врешь, — смотря на него, медленно и с грустью сказала Шаана.

— Это что же я вру? — притворился праведно возмущенным Ханара, хотя это из-за неожиданности у него не слишком получилось.

— Не знаю я. Тебе виднее, — ответила ему Шаана и начала умываться. Она уже сама начала сожалеть, что разоблачила этого, вполне возможно, хорошего льва. Но его маленькая ложь почему-то опечалила ее, и она не сдержалась, хотя Шелли всегда говорила, что в таких вещах нужно всегда быть осторожной и осмотрительной.

— Гм... — только и хмыкнул тот. — Да, мы двое ушли попить, если честно.

Он смерил Шаану взглядом, вздохнул. Потом, немного нерешительно, немного с неохотцей, добавил:

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, — ответили ему все.

Хасан и Тарна тут же ушли в мир снов. Львицы умылись, и тоже легли спать: Аримала рядом с Халнасом, который заснул со скоростью мысли, а Шаана утонула в мягкой гриве Таву; он же обнял ее лапой, и сильно, но осторожно прижал к себе, словно боялся, что она вдруг убежит или пропадет. Он спросил ее шепотом:

— Тебе хорошо?

Она закивала головой, и очень-очень тихо, только для него, замурлыкала. Он снова, так же тихо, спросил:

— Как это ты узнала о лжи, Шаани?

Она потянулась лапами, выпустила когти и зевнула. Потом ответила:

— Не умеет он врать просто. Не стоило мне этого делать. Само как-то вышло...

— И часто ты так... чувствуешь ложь?

— Чаще, чем хотелось бы, — ответила она ему. И легонько боднула его головой, словно призывая его наконец успокоиться и заснуть.

Таву про себя отметил, что смысл его вопроса был несколько иным — имелась в виду возможность Шааны чувствовать ложь вообще, а она ответила в том смысле, насколько часто ей приходится с нею встречаться. «Неужели она всегда чувствует, если некто лжет?.. Кто знает, может быть и так. Шамани... Нет, с ней всё особенному, неискренности не будет места... Надо же, Таву, как повернулась судьба: страшно немного, но всё равно восхитительно...». С такими мыслями Таву и заснул.

Рано утром все они проснулись, точнее, их разбудили те, кто поднимался; кроме того, все веларийцы стали расспрашивать, кто пришел, откуда пришел, поэтому сон прервался. Наконец, Таву, Ланнара и Аримала всё же остались досыпать, а Хасан и Тарна решили пойти к дренгиру, чтобы не откладывать дело и доставить сообщение. Искали недолго: он оказался возле своей скалы и общался со львами, видимо, ярлами.

Хасан и Тарна подошли, поклонились, и Тарна начал говорить:

— Здравствуй, Велари-дренгир. Мы пришли из прайда Юнити, нас шестеро: три льва и три львицы. Нам поручено передать это сообщение.

Он отдал сообщение Ваннарену. Старшие львы, видимо, уже решили все дела с дренгиром, ибо сразу ушли, не попрощавшись и не обратив никакого внимания на гостей. Хасан между делом заметил среди них того, который их встретил сегодня ночью. Тем временем Ваннарен улегся и начал читать; тут же заметил, что они двое стоят, и пригласил их сесть:

— Не стойте, льята. Не стойте, садитесь.

С неторопливостью, свойственной всем старым львам и львицам, он прочел сообщение. Почему-то усмехнулся и вздохнул. Долго сидел, обдумывая что-то, уставившись в точку перед собой. Хасан и Тарна почувствовали неловкость, и не знали, уходить ли им, или всё же оставаться.

— У меня, кстати, для вас новости. Плохие новости, — сказал Ваннарен наконец.

Видимо, он ждал вопроса, потому что больше ничего не говорил, и только смотрел на них. Наконец, Хасан спросил:

— Какие?

— Нашли мертвого льва, львицу и с ними троих детей. Это были ваши, судя по всему, — как-то обыденно и безразлично сказал он.

Хасан и Тарна переглянулись, ничего не понимая.

— Кто? Где? — встревожено спросил Хасан, нервно виляя хвостом.

— В общем, насколько мы поняли, они шли в Хартланд. Нашли где-то на окраине наших земель, на дороге к Хартланду, совершенно случайно. Сначала подумали, что это просто какие-нибудь свободные, но потом нашли рядом со львом сообщение для конунга. От Таара. В нем было такое: лев Харлан уже не состоит в Юнити по собственному желанию...

— Да, это, конечно же, наш. Он был ярлом в нашем прайде. Проклятье, — грустно сказал Тарна. Стало жалко Харлана и его семью, ибо они всё-таки жили в их прайде, а тут ушли и сразу же погибли; и глупость этого случая угнетала его.

— Зачем отбросы их убили? — начинал заводиться Хасан; конечно, вопрос риторичен. Он ненавидел Харлана в свое время, но сейчас чувствовал, что тот почти что брат родной. Еще бы! Взяли и убили. Просто так, смеха ради.

— Кто знает... — ответил Ваннарен. — Передадите это своему дренгиру. Очень жаль.

— Очень жаль, — эхом повторил Тарна. Всё-таки это могло не случиться, если бы он не пошел из прайда. В любом случае, это серьезный знак — на землях Союза орудует шайка, или даже шайки. Тут Тарну словно молнией сразило: он забыл рассказать о том, кого они встретили по пути к Велари!

— Пусть дренгир выслушает меня! Мы шли к вам, когда по дороге встретили группу чужаков, голов десять. Нам удалось скрыться и не попасться им на глаза. В общем, они совсем обнаглели, их нужно выловить немедленно...

Тарна приблизительно описал, где произошла эта встреча. Ваннарен только качал головой и рисовал лапой на земле только ему понятные узоры. Выслушав Тарну, начал говорить, только говорил он скорее не им, а самому себе:

— Да, да... Сами уж выбились из сил, стараемся изловить, но они никак нам не попадутся, сволочи. Придется, наверное, отправиться в крупную охоту. Нужно дать весть конунгу... и нанести визит Сатарине. Давно пора уже!

Ваннарен вдруг встал, то же сделали Хасан с Тарной. Только теперь они заметили, что в нем не находила места ярость, хотя этого раньше не замечали: то ли дренгир умело скрывал чувства, то ли они были невнимательны. Он смотрел по сторонам, словно не зная, за что приняться, что же делать и куда идти. Потом вдруг обратился к ним, совсем другим, твердым голосом, словно в нем уживались два совершенно разных Ваннарена:

— Слушайте сюда. Я отправлю сейчас группу к Сатарине и предлагаю всем вам тоже пойти. Вы там можете пригодиться, а смысл-то вам сейчас идти в свой прайд? Толку там сидеть без дела? Что скажете?

Хасан тут же, мгновенно, отреагировал и молвил тоном, не имеющим в себе ни капли сомнений:

— А мы скажем только одно — идем!

— Отлично. Вас шестеро, так?

— Верно.

— А кто у вас там есть? Будущие ярлы есть?.. — сощурился, он испытующе посмотрел сначала на Халнаса, потом на Тарну.

— Насчет будущих ярлов не знаем, — ответил Тарна. — Но есть одна молодая шамани. Да мы все здесь молоды, если честно. Никого из старших нет.

— Просто замечательно. Я сообщу Таару, что вы ушли на юг, по моей инициативе. На мир посмотрите, себя покажете, словом. Остальные будут согласны, надеюсь?

Хасан сильно закивал головой и уверенно сказал:

— Будут, будут!

— Ну, ступайте тогда. К Сатарине отправитесь после полудня. В общем, пока отдыхайте, но далеко не уходите. Сбор будет здесь, на этом месте. А я займусь кое-чем, и крепко всем этим займусь... — бормоча себе под нос еще что-то, Ваннарен быстро ушел. Хасан и Тарна тоже ушли к своим, под деревья, и сообщили грустные новости о Харлане; правда, спать тут остались только Ланнара и Аримала, Таву ушел навестить сестру матери, а Шаана пропала вообще неизвестно куда.

— Мда... Всё-таки жалко его, без сомнений, жалко, — молвила Аримала, которая смотрела на землю и теребила камушек между лапами. — И это сделали свободные...

Погрустили.

— А, кстати, есть еще новости, не только плохие. Уважаемые и дорогие мои, а мы идем в гости к легендарному и неподражаемому Сатарине, — с плохо скрываемой радостью сказал Хасан, аж закрутившись на месте от нетерпения. Его, как всегда, тянуло на приключения; и он знал, что поход к старому Сатарине, о котором столько рассказов среди старших львов и львиц в их прайде, будем хорошим развлечением.

— К Сатарине?! — хором спросили Ланнара и Аримала.

— Да, — сказал Тарна.

— Но зачем? — недоумевала Ланнара. Ей не очень хотелось идти — ее ждали дома кой-какие дела, и неожиданное путешествие весьма неудобно для нее.

— Ну мы не сами идем, девчонки, с нами еще веларийцы. Так что всё будет отлично. Наконец глянем воочию на мир. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, не так ли? Кто-нибудь был там? — тараторил Хасан.

Все отрицательно покачали головами, Хасан зря спрашивал. Он ведь отлично знал, что тех местах они никогда не были.

— Халнас, я так не хочу идти, — Аримала подошла к нему и села рядом с ним, совсем близко. — Почему мы должны? — и вдруг прислонилась к нему, аккуратно и осторожно, словно боялась, что он отойдет.

Тот молчал, и ответил Тарна:

— Ваннарен сказал, что мы там можем пригодиться. Думаю, Сатарина как-то связан с теми хвостами, что нам встретились. Насколько я слышал, он у свободных в авторитете, вроде того.

— Меня уже почти никто не называет Халнас... — вдруг сказал Хасан, тихо и как-то неловко. Все посмотрели на него.

— Ведь «Хасан» это кличка, так некрасиво обращаться, — тоном наставницы ответила ему Аримала.

— Ну кто как, а я всё равно буду называть его Хасаном, — сказал Тарна. — Всю жизнь так обращался, и ничего. Или ты как, обижаешься?

— Нет, нет, ты что. Просто иногда забываю, как меня зовут на самом деле, — засмеялся Хасан.

Аримала посмотрела на него.

— Я не дам забыть.

Тарна и Ланнара незаметно переглянулись. Первый понимающе закивал головой, а она постаралась незаметно подмигнуть ему, мол «Мы тут лишние, пошли». Но Тарна этого не понял; Хасан заметил все эти шушуканья и жесты, они ему почему-то не понравились, и сразу вспылал:

— Чё?

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, и как-то душно и неуютно — вероятно, всё-таки будет дождь, рано или поздно, хотя больших туч пока еще не видно. «Будет-таки дождь, непременно будет», — подумала Шаана. Она искала шамани веларийцев, старую, знаменитую Анлиль. Никто точно не знал, сколько ей лет, ибо те, кто это мог сказать наверняка, давно уже умерли; а сама Анлиль никогда не говорила о своем возрасте, и только небрежно отмахивалась от подобных вопросов. Она была в очень хороших отношениях с Шелли, Наррой и их ученицами, ибо считала Шелли и Нарру очень хорошими шамани, и знала их с детства; они, в свое время, даже немного учились у нее. Шаана давно ее не видела, и было огромное желание исправить это; кроме того, у нее была пара вопросов, на которые не помешала бы пара, несомненно, лучших ответов от Анлиль.

Она вскоре быстро нашла ее, возле камней, где няньки смотрели за совсем еще маленькими детьми.

Шаана подошла, и поскольку Анлиль лежала хвостом к ней, она намеревалась обойти ее и пожелать доброго дня, но этого нисколько не понадобилось. К ней осталось всего два прыжка, но тут Анлиль обернулась и заулыбалась, приветствуя юную шамани:

— Ах, Шаана, дитя мое, здравствуй!

— Здравствуй, Анлиль. Очень рада видеть львицу.

— Я тебя тоже, тоже, — Анлиль лизнула ее в щеку и потерлась шеей о шею. — Что ж, нечего тут сидеть, пошли со мной, на мое место. Пришла вот, знаешь, погреться немного, на детей посмотреть, поболтать.

— Я не помешала?

— Нет, нет, совсем нет, что ты такое говоришь, что ты...

Анлилль встала, попрощалась, и они пошли к месту, которое представляло собой большую гладкую скалу, устремленную в небо острым концом; скала находилась недалеко от основного места прайда. Смелчаки иногда выдирались на нее, что было опасным, поскольку скала была попросту большим, лысым камнем с очень крутыми стенками, и уцепиться можно мало за что. В скале — большая ниша, которая с трех сторон прикрыта скалой, оставался только небольшой проход. Сюда никогда не заглядывает солнце, всегда прохладно, ведь проход смотрит прямо на север.

При входе туда Шаана чуть не наступила по неосторожности на панцирь черепахи; вообще же, по всей этой небольшой пещере разбросаны в охапки травы, корни, панцири всех мыслимых размеров. Она заметила в углу большую кучу смешных продолговатых плодов кигелии, из толстой кожуры которых можно делать почти всё — даже лекарство от змеиного яда, а порошком очень хорошо присыпать раны, и делать многое другое. Анлилль уселась посреди этого беспорядка и пригласила сесть напротив нее.

— Ну, как там Шелли, Нарра, Иримэ и Аврина? — осведомилась Анлилль, перечислив всех шамани Юнити по именам.

«Какая память, и в таком-то возрасте...», — подумала Шаана, а сама ответила:

— Всё хорошо, мы учимся, они нас учат, так и живем... А как Анлилль себя чувствует?

Она засмеялась, будто Шаана сказала что-то крайне смешное либо очень приятное.

— Чудно... Я тоже неплохо. Ты меня повидать пришла, или как? — умным, хитрым взглядом старая шамани разглядывала Шаану; и она смутно смогла почувствовать, как Анлилль непринужденно рассматривает ее сущность.

— Я пришла со своими друзьями. Нас шестеро, мы принесли сообщение Ваннарену. Посыльные в прайде были заняты, вот нас дренгир и отправил прогуляться. Сразу решила зайти к Анлилль, еще когда мы только выходили. Я так давно не видела львицу...

— Как же растёт эта молодежь! — воскликнула Анлилль. Она встала, отошла, заглянула в один из панцирей — там была какая-то густая не то жидкость, не то каша. Помешав ее лапой, она вернулась назад и снова села. — Просто поразительно... Прямо на глазах. Совсем недавно ведь приходили ко мне в гости, так тогда была маленькая львёна. А что теперь? Теперь передо мной юная красивая львица!

Шаана, конечно же, начала дергать хвостом, и уши ее прижались.

— Надо же, ты стала сильной, сильнее, чем я могла бы подумать, — подняла она лапу вверх, а потом указала на Шаану. — Шелли хорошо тебя учит, без сомнений, очень хорошо.

— Я стараюсь делать всё, как мне говорят Шелли и Нарра, — молвила Шаана.

— Ты способна, да, именно так, ты талантлива, не все могут обрести такую силу в твоём возрасте, да уж, — небывало мечтательно говорила Анлилль, словно смаковала каждое слово.

Шаана не знала, что сказать; она, было, собралась сообщить Анлилль, что не чувствует за собой никакой особой силы, и ничего уж совсем сверхъестественного она никогда не делала, но передумала. Кроме того, вопросы, которые просили ответа, нужно было задавать уже сейчас.

— Анлилль, я хочу рассказать одну историю, которая приключилась со мной, и с нашим прайдом. Мне нужны советы львицы... — начала она.

— Я слушаю тебя, — участливо молвила Анлиль, жестом головы приглашая ее продолжать.

Шаана в подробностях рассказала о случае с тремя львицами, которые пришли в прайд, чтобы украсть львенка: описала случай с Кавизой, и, конечно же, рассказала о проклятье Ифаны. Шаана чувствовала, что ответов Шелли и Нарры недостаточно; странно, но они почему-то постоянно говорили, что это обсуждать «пока еще не время», и пусть лучше Шаана занимается обычными делами, и не входит в сновидение. Она не последовала совету наставниц, что не было на нее похоже, и продолжала сновидеть, как обычно; ничего странного или необычного она не заметила, если можно так сказать о сновидении, которое само по себе является вещью необычной.

Анлиль очень внимательно выслушала ее. Шаана заметила, что она была удивлена, и даже обрадовалась.

— Надо же! Какой подарок! Если бы мне судьба отдала такой дар в твоём возрасте, я бы расцеловала ее лапы, если у судьбы были бы лапы вообще, — сказала она, закрыв глаза. Потом открыла: — Потрясающе!

— Я не совсем понимаю Анлиль, пусть она меня простит.

— Моя хорошая Шаани, я тебе всё постараюсь объяснить. Видишь ли, за тот очень короткий промежуток времени ты узнала многое и научилась многому. Теперь тебе некуда деваться, и теперь ты должна учиться неистово, как никогда; теперь нельзя тебе медленно и с ленцой продвигаться, ибо окончится это печально. Лучшего нельзя и желать, это точно.

— Это из-за проклятия?

— Да. Последнее намерение имеет большую силу, а произнесенное сильной шамани и видящей, которой была Ифана, становится очень могущественным. Но в то же время оно — ничто. Некоторая часть твоего существа решила попросту не обращать внимания на всё это; но другая, та, что значительно глубже, совсем не понимает, что не нужно придавать проклятью значение, и воспринимает всё действительно всерьёз. Добраться до той, глубокой части, есть вообще великая победа духа, а когда ты это сделаешь, тебе легко удастся убедить саму себя, что проклятье на самом деле ничего не стоит. Поэтому нужно будет это сделать, хочется тебе этого или нет. Это вызов, Шаани. Вызов тебе.

— Что мне делать?

— Продолжать учиться, как училась. Сновидеть, хорошо сознавать себя днем, быть внимательной. И помнить, что времени для сомнений или сожалений уже нет, — сказала Анлиль. Она встала, то же хотела сделать и Шаана, но она остановила эту попытку. Поглаживая Шаану по спине лапой, она смотрела куда-то вдаль, смутно улыбаясь чему-то своему, и Шаане было очень хорошо от этого: мир обрел гармонию и приятную законченность. Вдруг ей пришел в голову неожиданный вопрос:

— Проклятье не действует само по себе?

— Ничего в этом мире не действует без нас. Если исчезнешь ты — исчезнет и мир, будь уверена в этом. Проклятье нигде не летает, если так можно сказать, оно находится здесь, — Анлиль легонько постучала лапой по голове Шааны.

— А вот если бы она прокляла меня, скажем, когда я бы находилась от нее за десять сотен прыжков?

— Тогда ей нужно было бы добраться к той глубокой части твоего существа на расстоянии, и убедить ее, что ты проклята. Суть всё та же — все дело в тебе.

Они снова погрузились в молчание. Шаана фантазировала о том, как такое может выглядеть. Потом решила сменить тему:

— Мне Кавиза говорила о видении, — начала Шаана. Вопрос, который она хотела задать, вдруг очень взволновал ее. Сердце начало биться быстрее, нервная дрожь прошла по телу, от головы до хвоста. Она поняла, что Анлиль знает о видении очень много. Несомненно!

— Да, ты только что рассказывала, я помню. Ты от нее узнала о возможности видеть?

— До этого я не знала ничего, — с нескрываемым сожалением, и даже с какой-то долей обиды сказала Шаана. — Анлиль будет так добра, расскажет мне об этом?

Она посмотрела на Шаану, внимательно и остро, но в то же время ее глаза были добры и полны участия.

— И что же ты хочешь узнать?

Шаана не знала, что сказать. Что можно спросить о том, о чем имеешь очень уж смутное представление? Догадка пронзила ее: Анлиль не просто знает многое о видении; вполне возможно, она сама — видящая. Ведь говорила же Шелли, что в Союзе всё-таки есть одна-единственная шамани, которая видит. Собравшись с духом, Шаана спросила, хотя уже вполне предугадывала, каким будет ответ:

— Анлиль — видящая?

Безразличным тоном та ответила, снова начав смотреть вдаль:

— Да. Я видящая.

Наступило неловкое молчание. Шаана с интересом разглядывала Анлиль, словно увидела ее впервые.

— Что это такое, Анлиль? И как этого достичь? Мне Шелли говорила, что это восприятие напрямую, без участия ума. Также она говорила, что тогда можно воспринимать мир таким, каким он есть на самом деле, и знать значительно больше о чем-то или о ком-то.

— Что ж, можно сказать и так, — ответила Анлиль, когда поняла, что Шаана прекратила поток вопросов. — Видение шамани открыли случайно, в сновидении. Выражая намерение видеть в сновидении, они понимали свойства и природу многих вещей, которые там находились. Тогда они задались вопросом: «Можно ли видеть наяву, в нашем родном мире?», и со временем выяснилось, что можно. Когда ты видишь, для тебя всё выглядит иначе, например, мы будем выглядеть, как... сила. Мир — это сила, воля. И мы тоже будем выглядеть как сила; это невозможно правильно и хорошо описать, ибо это совсем не похоже на обычное смотрение, и тем более никак не связано с глазами. Слова тут ведут лишь в тупик, и я тебе скажу, что многие не имеют дара стать видящими, хотя могут быть очень сильными шамани, целителями, ведьмами — называй как угодно. Я видящая, и я могу видеть тебя, и отвечу сразу на вопрос, который у тебя неизбежно возникнет. Ты будешь очень сильной шамани, нравится тебе это, или нет, и ты имеешь способности к видению, нравится тебе это или нет.

— Но как мир может состоять из воли? Силы?

— Трудно объяснить...

Рассказ Анлиль был захватывающим, и Шаана даже не заметила, как у нее сам по себе открылся рот. Старая шамани это заметила, засмеялась, и закрыла его лапой; а Шаана чуть не откусила себе язык и виновато улыбнулась. Ее, честно говоря, захватила сама идея стать видящей, и она уже, немедленно желала подробных советов и указов к действию.

— Ответ тот же, — продолжила Анлиль, словно предугадав ход ее мыслей, — продолжай следовать путям шамани, и ты придешь к этому сама, будь уверена. Ну, и попробуй выразить намерение видеть в сновидении, оно достигается сравнительно

легко. А теперь ни слова больше об этом, ибо ты можешь стать одержимой этой идеей, а я такого совсем не советую.

— Так же говорила и Шелли.

— Шелли мудра. Правда, она не видящая, и не может точно сказать, когда можно открывать определенные вещи, а когда нет. Ей остается только догадываться, я же вижу сейчас тебя, — Анлиль немного сощурила глаза; казалось, она немного не в себе, а у Шааны вдруг появилось щекочущее ощущение у горла. — Видишь, ты ощутила, как я тебя вижу. Ты стала весьма чувствительной за это время. Так вот, Шелли посчитала, что тебе еще рано знать, я же скажу, что уже вполне пора. Судьба рассудила всё по-своему, и ты узнала о видении из уст умирающей львицы. Какой знак, какое событие! — с величием воскликнула Анлиль, но Шаана понимала, понимала полностью это величие, и ощутила, что сейчас может заплакать. Но этого не произошло.

— Правда, мне трудно сказать, что означает этот знак, — немного погодя, добавила Анлиль.

— А почему те, кто научился видеть, как правило, уходят от всех прочь? — любопытно спросила Шаана, когда наконец справилась с нахлынувшей волной грусти.

— Ой, ну мы же договорились, больше ни слова об этом, — назидательным тоном сказала Анлиль. — Видишь, как оно уже захватывает.

— Прошу прощения...

— Ладно, так и быть. Что тут скажешь? Когда начинаешь видеть, с тебя спадает очень многое, и ты слабо представляешь, зачем вообще с кем-нибудь общаться или что-нибудь делать, ибо всё становится одинаковым и равным, и поэтому, в свою очередь, совсем неважным. Неважно, остаться в прайде или уйти. Это только лишь свобода выбора видящей или видящего. Я вот решила остаться, потому что такова моя воля; и прячусь под ликом обычной старой целительницы, хотя по правде говоря, уже ею не являюсь много лет. Но это судьба всех шамани — так или иначе скрываться. Совсем немногие знают, что занимаемся мы не только лечением и травами, верно?

Шаана согласно закивала головой.

— Вижу, ты влюблена, — неожиданно сменила тему Анлиль, чем застала юную шамани врасплох. — Нам нужно быть осторожными с такими чувствами, помни. Не каждый может быть другом и любовью нашей жизни, не каждый.

— Я знаю. Но он может, уверена. Большинству я непонятна, и поэтому отталкиваю их. Они сторонятся меня. Ему же очень хорошо со мною. Как и мне с ним.

— Это хорошо, хорошо, — задумчиво сказала Анлиль. — Где он?

— Он здесь, — Шаана постучала лапой по земле. — Мы пришли вместе.

— Давай его позовем? — улыбаясь, спросила Анлиль. Но ее вопрос был скорее похож на утверждение, а в голосе звенело озорство.

— Хорошо, — ответила Шаана и встала, чтобы пойти и отыскать Таву. Ей было любопытно, что же будет дальше и зачем Анлиль желает его увидеть. Но Анлиль остановила ее, нахмурившись и сделав недовольную гримасу:

— Куда это ты собралась?

— Ну, я хотела позвать Таву, как мы и договаривались... — остановилась Шаана, сделав первый шаг. Анлиль лежала и отбивала передней лапой о землю какой-то незатейливый ритм.

— А разве так шамани зовут того, кто им нужен? — спросила она, подняв бровь.

— Я не знаю, есть ли другой способ, — виновато улыбнувшись, ответила Шаана. — Если он и есть, я им не владею.

— Есть конечно, и ты о нем знаешь, это даже сомнению не подлежит, — сказала Анлиль так, словно втолковывала самые очевидные вещи на свете.

— Но...

— Ну, что еще за «но»? Зови.

Шаана чувствовала себя неловко, ибо действительно не знала, что делать.

— Не могла бы Анлиль дать хоть небольшой намек?

— Могла бы. Сядь, и вырази намерение, чтобы он пришел сюда. Помнишь, как в сновидении? Намереваюсь — и полетела. Намеревайся, и если он достаточно чуткий, а он должен быть именно таким, то придет. Он, повторяю, должен быть таким, иначе дело плохо.

Шаане захотелось спросить, почему же дело плохо, если он не окажется чутким. Она обеспокоилась, ибо у нее могло совершенно ничего не получиться, — смутным было представление, как же всё-таки это сделать. Но нужно действовать, и Шаана села.

— Можно закрыть глаза?

— Можно.

Она сделала это, и просто мысленно начала взывать к нему. В голове вертелось: «Таву, иди ко мне. Таву, иди ко мне». Но слишком много сомнений и неуверенности, никакой концентрации, и Шаана даже обозлилась на саму себя, помотала головой. Знала она, что намерение не имеет ничего общего с желанием, ибо намерение — течение всего твоего существа в одну точку, в действие. А тут — непонятно... Сделай то, сама не знаю что... На мгновение стало смешно.

«Не желаешь ты шевелить лапой, или хвостом, ты просто делаешь это, тем самым выражая намерение движения. Но учиться нужно всякому намерению, и ты, родившись, не сразу могла ходить...», — так говорила ей Шелли, много-много раз. Поэтому она решила не выражать это мысленное «Таву, иди ко мне», ибо это — лишь желание, не что иное. А что силе до наших желаний? Со смешком подумала (Анлиль внимательно наблюдала за ее произвольной мимикой и движениями лап), что ей, может быть, стоит сделать с Таву так, как делают с предметами в сновидении без образов и галлюцинаций. Есть такой вид сновидения, когда в полном осознании оказываешься в полной пустоте и темноте, после засыпания; состояние в высшей степени приятное, но совершенно бесполезное. В таком сновидении можно создавать различные вещи перед своим взором (конечно же, их делает ум, они на самом деле ниоткуда не появляются) — камень, растение или еще что-нибудь простое, и так забавляться. «Может, и Таву так сейчас сотворить, как камень, и это будет то, что нужно. Но, я ведь не в сновидении».

Вещи были неясны, поэтому Шаана утихла, и постаралась остановить поток мысли. Анлиль терпеливо ждала. Шаана сидела так довольно долго, стараясь найти решение в пустоте ума. Неожиданно для себя, она вдруг довольно громко сказала одно слово:

— Таву!

Анлиль засмеялась, и Шаана устыдилась своего нечаянного порыва; по правде говоря, она сама не знала, почему это сказала; особенно поразила своя же интонация: казалось, что обратилась к нему с неким укором, как если он виноват, что его здесь нет.

Она поняла, что всё кончено, и понимала, что вряд ли ее усилия имели хоть какой-то успех.

— Что ж мне делать? У меня ничего не получается!

— Ничего, продолжаем сидеть, как сидели. Будем ждать его.

— Анлиль, вполне возможно, а точнее, скорее всего, что он не придет; в этом виноват не он, честное слово. Я не умею вызывать на расстоянии: просто никогда не училась! Он чуткий, знаю точно, чуткий, очень хороший! — горячо говорила Шаана. Не хотела она, чтобы Анлиль думала о нем плохо, и что он ей не пара.

— Верю. Охотно верю, не то ты на меня попросту набросишься, — серьезно сказала Анлиль.

— Нет, я совсем не это имела в виду...

Анлиль снова засмеялась; она предалась такому безудержному веселью, что в конце концов они смеялись вместе, как дети.

Наконец, они успокоились, и Анлиль, придвинув к себе один из панцирей, начала помешивать его содержимое. Шаана увидела, что это сок хирайи вместе с ее плодами, черный-черный. Она подошла к ней, и старая шамани начала рассказывать, когда лучше всего собирать сами плоды, и как потом хранить сок, как разбавлять его в воде. Шаана слушала из вежливости, ибо она всё это отлично знала, и только кивала головой. Потом они снова легли друг напротив друга, оставив панцирь в покое.

— Как дела у Маррана? — поинтересовалась Шаана. Марран уже давно был единственным учеником Анлиль, и Шаана давно его не видела, почти целый год.

— Жив и здоров, скоро даст клятву, прям на днях.

— А с кем?

— С львицей одной, с кем же еще. Ты не знаешь ее, она из нашего прайда.

Неожиданные мысли возникли у Шааны:

— Интересно, а мне Шелли говорила, что львы-шамани редко находят себе пару. Раз уж так, трудно ли им так же... как и львицам-шамани?

Анлиль молчала и что-то обдумывала.

— Нет, им, в общем-то, проще. Но львы-шамани не дают клятвы почти никогда, по крайней мере, ни одного случая за свою жизнь я еще не слыхала. И не видела. Они, как правило, перебиваются случайными и недолгими связями. А почему спрашиваешь?

— Любопытно просто. Но я, честно говоря, ничего не пойму. Львица говорила, что ни одного случая еще не...

Анлиль подняла лапу, Шаана прекратила говорить.

— Подожди, ты ведь не знаешь! Вот в чем дело. Я уж старая, совершенно забыла об этом... — молвила старая шамани, и вздохнула.

— Что не знаю?

— Марран совсем не шамани, он просто целитель. Я не обучала его *знанию*, ни на чуть.

— Совсем, совсем?! — изумилась Шаана. Она считала Маррана учеником и преемником Анлиль, и ей было очень интересно, чего он достиг за это время. И тут такая новость!

— Совсем. Видишь ли, ему бы это скорее повредило, чем пошло на пользу, такая уж у него натура; он нетерпелив и совершенно поглощен миром. Я же увидела всё слишком поздно, и пришлось просто обучить его самым обычным вещам, и он, кстати, вышел очень хорошим целителем. Он считает себя шамани, и все остальные тоже, а я старательно поддакиваю, хотя знаю, что это не так. Нам не надо лишнего внимания.

— Надо же... — только и сказала Шаана. — И он ничего не знает о сновидении, о внимании, и прочем?

— Нет, — качнула головой Анлиль.

— Тогда... Наверное, в наших прайдах тоже есть шамани, которые на самом деле... просто обычные целители?.. — собственная остроумная догадка раздосадовала саму Шаану, и она начала чертить кружки на земле когтем.

— Конечно, такие есть, их так же не обучили, как и Маррана. Например, как ни странно, все шамани в Хартланде на самом деле не шамани, а обычные целители. Они и ведут себя соответственно — важно и интригующе, стараясь ошеломить загадочностью, и больше всего любят старые обряды, вроде разукрашивания себя соком хирайи. Мы это делаем иногда, из дани древности, и можем всё это смело отбросить, если нужно, ибо толку на самом деле от этого, ты знаешь, — нет. Для них же ритуальность является чрезвычайно важной, потому что им не за что больше уцепиться.

Воцарилось молчание. Высоко в небе поет некая птица, но ее невозможно увидеть, словно она невидима. Шаана всё же подняла взгляд, чтобы взглянуть. Тщетно. «Как странно... Бывают шамани, которые на самом деле — не шамани. Не всё в мире — настоящее, мир иногда бывает лжив...».

Анлиль продолжила, не глядя на Шаану:

— Мало того, они считают себя кем-то вроде избранных, и всерьез думают, что это по-настоящему. Они безоговорочно верят в «реальность», в «настоящий мир», как и все остальные, что делает их весьма забавными. Нельзя их осуждать или, тем более, каким-либо образом презирать, — в свое время их наставницы или наставники решили, что не стоит передавать в эти лапы знание по каким-то причинам. Поэтому они остались в неведении, но звание шамани осталось. Интересно, не правда ли? — она подняла бровь, но ответа не получила, а потому продолжила: — Поэтому, действительно считая, что им принадлежит некое тайное знание, некоторые из них ведут себя надменно. Высокомерно. Настоящие шамани всегда смиренны перед судьбой, и не имеют времени на такие глупости. Ибо прекрасно знают, что их жизнь слишком преходяща и мимолетна. Ты, кстати, встречалась когда-то с шамани из Хартланда?

— Встречалась как-то, но очень давно.

— Теперь ты весьма сильна, и легко отличишь настоящую шамани от обычной львицы, которая просто умеет лечить остальных.

Шаана никогда не слыхала об этом, и всегда считала, что все шамани — настоящие. Без мрака притворства. Шелли и Нарра ей никогда не говорили, хотя наверняка об этом знали. Многие они скрывали, и скрывают... Они также ничего не говорили Иримэ и Аврине, в противном случае она бы всё узнала; не было у них тайн в том, что касалось знания, по крайней мере, Шаана так думала.

— Ничего в этом страшного нет, — подытожила Анлиль, — каждый идет по своему пути, и наш путь ничем не лучше остальных.

Она аккуратно положила голову на лапы, и чуть прикрыв глаза, стала смотреть как колышутся травы от ветра вдаль. «Будет дождь», — в свою очередь подумала Шаана. Вспомнила о Таву.

Конечно же, ничего не вышло, да и не могло выйти — Шаана прежде такого никогда не делала. Нужно сказать Анлиль, что их ожидание напрасно.

— У меня ничего не вышло, Анлиль. Я, честно говоря, слабо представляла, что делаю.

Шамани посмотрела на нее. В этом взгляде были причудливым образом смешаны доброжелательность, смешливость, и тонкая, трогательная печаль.

— Ничего не вышло? Как же это плохо слышать! Ничего не вышло... Нет ничего хуже в этой жизни, Шаана, если у тебя что-то не получается, верно? Ты наверняка чувствуешь себя просто отвратительно, не так ли?..

До этого она не чувствовала особой досады от своей неудачи, но по реакции Анлиль она поняла, что продемонстрировала непростительное бессилие. Это сразу привело к унынию. О, нет, и тут Шелли и Нарра ничему ее не обучили. Всё-таки они слишком много всего скрывают. «Но почему, почему?», — терзала себя вопросом Шаана. Тем временем Анлиль и не думала прекращать свой укорительный монолог:

— ...Искренне сочувствую. Какая жалость! О, Таву, иди сюда, помоги нам! У Шааны ничего не выходит, она очень расстроилась!

«Как?! Таву?!». Шаана не осмеливалась повернуть голову назад, ко входу в расщелину, чтобы удостовериться, что он там. Но тот сам подошел к двум лежащим на земле львицам — одной старой и радостной, другой юной и с удивлением смотрящей на него.

— Ээээ, здравствуйте... — Таву попросту забыл, как зовут шамани веларийцев, поэтому попал в неловкое положение. — Я тут решил найти Шаану, и вижу, что нашел тут. Хотел сказать ей кое-что...

— Тогда я, наверное, удалюсь ненадолго, — сказала Анлиль и встала.

— Нет, нет, что такое уважаемая львица говорит! Я тут могу сказать...

Анлиль села назад, Шаана перебила его:

— Как ты меня нашел? — спросила она, теперь ее удивление сменилось любопытством.

Тот повел ушами. Выглядел Таву немного растерянным, словно его только что разбудили и начали расспрашивать бессмыслицу со всех сторон.

— Не знаю. Просто решил, что ты можешь быть у этой скалы. Так вышло... А что тут? Что у тебя не получается?

— Да получается, — сказала Шаана. — Всё хорошо. Что ты хотел сказать?

— Мы не домой идем сегодня, а к Сатарине, так что в полдень приходи под те деревья, где мы ночевали. Будем готовиться.

— Зачем?

— Так Ваннарен сказал. Не знаю точно, видно будет. Ну, не буду вам мешать, Шаани, — молвил Таву, дотронувшись к ее лапе своей лапой, совсем ненадолго и чуть-чуть, но этого было вполне достаточно, чтобы снова выразить неуловимую и необъяснимую связь двух существ. И, попрощавшись с Анлиль, ушел.

Они двое сидели и проводили его взглядом, пока он не скрылся из виду.

— Хороший лев. Он тебе действительно пара. Львы-шамани получают как раз из таких. Скажу тебе по секрету: ты ему очень нравишься, — последнюю фразу Анлиль сказала таинственным шепотом, и засмеялась.

— Пожалуйста, очень прошу, пусть Анлиль скажет, не помогала ли мне?

Она подарила Шаане долгий, и на этот раз совсем не озорно-радостный, а пристальный, пронизывающий взгляд, словно хотела высмотреть все уголки души Шааны.

— Конечно, нет. Я бы не стала делать такого глупого поступка; зачем же мне потом твои обида и презрение?

— Я не думала, что у меня получится. Это так неожиданно...

— Ты сама еще не знаешь своей силы.

— Анлиль, вот мне сейчас пришло в голову, что многое Нарра и Шелли скрывают от меня.

— Не так уж и многое, но, конечно же, скрывают. Это так, на всякий случай; они ждут, пока вы все окрепнете и еще немного подрастаете. Они не видящие, и поэтому не могут знать наверняка, кому уже можно передавать определенные знания, а кому — нет. Кроме того, ты можешь быть сколь угодно мудрой, и справиться с

любим знанием и сделать из него силу; но ты ведь учишься не сама, и можешь рассказать своим подругам-ученицам то, к чему они будут не готовы. Так что дело не в тебе, скорее всего, дело в других.

— А разве нельзя просто предупредить, чтобы я никому не рассказывала? — Шаане это казалось очевидным решением.

— Можно. Но они, по своим причинам, как видишь, не делают этого.

— Они не верят мне? — признаться, Шаана обиделась, хотя шамани никогда и ни на что не должны обижаться.

— Я думаю, верят, и верят больше, чем кому-либо другому. Подумай же, если тебе старая Анлиль призналась в том, что она видящая, то что может быть выражением большего доверия? — серьезно спросила она. — Я уверена, что ты не будешь раньше времени рассказывать всё то своим подругам, что мы с тобой сегодня обсуждали. Тут другое, сложно объяснить. Оставим это.

Шаана призадумалась. Она вдруг ощутила весь груз своей судьбы. Нет, он совсем не казался тяжелым и неприятным. Наоборот, приятно знать больше, чем другие; но это всегда влечет за собой невнятные ощущения, словно ты упускаешь что-то, что другим, которые полностью поглощены миром, дается легко и без особых усилий. Знание несет печаль, как ни банально; она не раз замечала, что ее острая чуткость, которую она обрела вследствие практики сновидения и концентрации на определенных участках тела, редко радуется, ибо теперь она могла иногда ощутить чужие чувства, мысли, настроения. Желания. Выяснилось, что львы и львицы часто лгут друг другу, но это еще не страшно: куда уж без лжи в этом мире? Выяснилось, что деланная вежливость часто является маской ехидства, но это так же не страшно: куда уж без показной учтивости в этом мире? Выяснилось, что часто лев внутренне ведет себя крайне цинично и безжалостно по отношению к львице, добываясь всем известно чего, хотя та искренне любит, и готова остаться с ним на всю жизнь; в свою очередь львица иногда искусно играет роль влюбленной, хотя на самом деле к нему совершенно равнодушна; и всё это уже было довольно страшно.

Это подмывало убеждение Шааны в том, что простое, преданное чувство, не обремененное ничем лишним, существует на самом деле; подмывало вообще убеждение в исконной справедливости мира. Одно — знать, что этот мир порочен и жесток; совсем другое — чувствовать это каждый день. Шаана втайне хотела, как и все львицы, чтобы у нее была простая, безусловная, преданная любовь. Радостью и тревогой одновременно наполняли ее душу мысли о Таву. Она будет любить его так сильно, как только сможет; пусть только он не отвергнет ее порыв. Чувствовала Шаана, что Таву очень искренен, и это порождало эйфорию. Пусть будет так, никак иначе...

— Анлиль, а существует ли настоящая любовь? Пусть меня простит за такой вопрос.

— Вполне нормальный вопрос в твоём возрасте, за что тебя прощать? Странно было, если бы ты его не задала, — уверенно и непреклонно говорила Анлиль. — Конечно.

— Говорят, ее нету...

— Кто говорит? Впрочем, неважно, не хочу знать этих глупцов. Это неправда. Немногое знают о мире, кто утверждает такое; какая же жалость: этим знатокам жизни остается только плавать в собственном грязном цинизме, и больше ничего.

Анлиль прекратила говорить. Шаане захотелось подбежать и расцеловать ее.

— Я сейчас приду, будь тут, — сказала старая шамани и быстрым шагом ушла куда-то, оставив Шаану наедине с собой, этой скалой и уже совсем не безоблачным небом. Вернулась она очень быстро, вопреки ожиданиям, но у Шааны уже были

наготове вопросы. Раз уж сегодня такой интересный день, почему бы не воспользоваться случаем?

— Анлиль может подробнее рассказать о влиянии на сознание других? Шелли говорила, что это важно для шамани, она учила меня...

— Хитра, хитра! Раз уж у Шелли не удастся всё разузнать, то это можно сделать у старой Анлиль. Хитра! — с ироничным неодобрением сказала она, усевшись на свое место. И прежде, чем Шаана успела извиниться за свою настойчивость, продолжила: — Так и быть. Ты уже, конечно же, знаешь, что влияние на других — это, прежде всего, влияние на саму себя. Разница лишь в том, что ты в контроле, а они нет. Я, так понимаю, тебя интересует практика: как же сместить сознание другого, непосредственно находясь рядом. Смещать можно по-разному: можно вызывать определенные чувства; можно усыпить, правда, это будет своеобразный сон — с причудливыми сновидениями и даже кратковременным осознанием; можно, наоборот, привести в чувство; можно вообще, особенно если ты сильна, быстро закинуть сознание куда подальше, как камень лапой, и тогда лев или львица становится безумцем или безумной — несчастное сознание, если можно сказать, не сможет найти дорогу назад... Но что зря болтать, это нужно делать.

Анлиль замолчала, и стала смотреть выжидающе на Шаану

— Делать, — еще раз молвила она.

— Что же именно мы будем делать? — неуверенно спросила Шаана

— Известно что. Нам нужен кто-нибудь, на кого ты будешь влиять сегодня.

— Кто? — Шаана немного испугалась, хотя никак этого не выдала. Она считала себя не вполне готовой.

Но ничего не ускользнуло от Анлиль:

— Не пугайся. Я буду рядом. Кроме того, у тебя предрасположенность к влиянию на других, та что это будет сущей ерундой.

— Я не знала этого. Как это так?

— У всех есть определенная склонность. Дар. У кого-то это сновидение, некто имеет сильное и гибкое внимание от природы. Я — видящая, и вижу твою предрасположенность. Ты влияешь одним своим присутствием на других, правда, слишком слабо, чтобы это было заметно для них... Итак, приступим.

Анлиль встала.

— Что мне делать?

— Помнишь то ощущение, которое возникает в сновидении, когда ты, посмотрев в какую-то точку, мгновенно туда перемещаешься?

Шаана его помнила.

— Да.

— Когда твой опыт будет удачным, а он таковым будет, возникнет похожее ощущение. Конечно, главное в этом деле — смотреть в глаза, захватить взгляд любым образом. Без взгляда в глаза с этой задачей могут справиться только очень сильные шамани и видящие. Можно и ничего не говорить, но поначалу намного лучше что-нибудь болтать. Это должно быть несложным для понимания и приятным для того, кто тебя слушает. Болтая, заставь смотреть их в глаза, по определенным причинам, для этих целей лучше левый глаз. Не говори фраз типа: «Пожалуйста, посмотри мне в левый глаз». Нужно так: «Смотри мне в левый глаз». Обращаясь по имени, ласкательно или полностью — зависит от того, кому говоришь. Можно и нужно спрашивать: «Ты хорошо видишь мой левый глаз?». Хорошо, если он или она не будет удивляться или что-то переспрашивать. Если такое произошло, считай — всё провалилось... Успеваешь запоминать?

— Да, мне знакомы некоторые вещи. Несколько раз я это делала.

— Хорошо. Когда ты получила монотонный ответ «Да», это хорошо. Если ответа нет, вообще замечательно. Ты почувствуешь связь сразу, как только она возникнет. Будет ощущение, о котором мы говорили — словно тебя куда-то уносит. Теперь вы стали как бы единым целым, и куда направится твое сознание, туда же начнет идти сознание твоей жертвы...

— Жертвы?

— Такова традиция называть увлекаемых тобой. Не обращай внимания, сама уж не люблю этого слова, — Анлиль прервала повествование, потом продолжила: — Секрет в том, чтобы вызвать в себе необходимое состояние, которого ты... хочешь добиться для жертвы, но самой, будучи в полном контроле, ускользнуть от него. Если ты хочешь усыпить, закинуть сознание в сон, то ты и сама должна вызвать в себе определенного рода сонливость, туман сознания... трудно даже объяснить, ты поймешь сама. Хочешь вызвать радость — вызови в себе радость, но потом уйди от нее, и она будет у жертвы. Ладно, слова всегда бессильны. Ты когда-нибудь делала это?

— Да, но только пару раз, — ответила Шаана. У нее действительно был небольшой опыт: Шелли и Нарра в общих чертах однажды показали ей, как это делается, и больше к этой теме не возвращались; но Шаана, имея природный талант, смогла сразу применить те небольшие знания на практике; в частности, это был случай с Игналом. Но полностью унести чье-то сознание в иное состояние, в сон, да еще так с ходу — она никогда не пыталась.

— Конечно же, а еще ты неосознанно влияла на других, причем много раз. Некоторые львы, наверное, целый день ходили озадаченные и смущенные, не зная, что им делать — то ли броситься на тебя, и уже не отпускать, то ли бежать в панике. Бедненькие, как мне жаль их.

Шаана смущенно засмеялась, тем временем Анлиль отошла от скалы и начала осматриваться, ища жертву для опыта. Молодая шамани поняла это. Ей стало не по себе, не столько из-за того, что не была уверена в успехе, хотя опыт с Таву воодушевил ее, а потому, что почувствовала большую ответственность за то, что должна будет совершить. Между тем у Анлиль не было никаких сомнений или колебаний, и она продолжала спокойно осматривать окрестности, словно они собирались сделать суший пустяк. «Для нее это ерунда, а для меня...», — отчаянно подумала Шаана.

Никого не было видно, кроме группы львов вдалеке, также шли по своим неведомым делам три львицы: одна еще подросток, и две постарше. Анлиль, подумав, негромко молвила, не глядя на Шаану:

— Вначале лучше всего учиться сдвигать сознание на детях, поскольку они совершенно беззащитны перед силами этого мира, в отличие от взрослых; но ты уже вполне способна на большее... — она обратила взор на Шаану. — Не надо сомневаться. Такова твоя судьба — учиться подобным вещам, и прими ее. Никому никакого вреда не будет, я буду рядом, не переживай.

— Я не то что бы сомневаюсь, просто это ответственность, и...

— Похвально, что ты думаешь о последствиях. Но ничего страшного не произойдет, откинь всё лишнее и соберись, — Анлиль обернулась и начала звать самую младшую из львиц: — Лима, иди сюда на минутку!

Пока она не спеша приближалась к ним, Шаана закрыла глаза, чтобы отыскать в себе силы сделать непонятное и пугающее.

Остальные две львицы ненадолго остановились, а потом пошли дальше.

— Здравствуй, почтенная Анлиль. Чем могу помочь?

Старая шамани начала расспрашивать о делах, о здоровье отца и прочем. Шаана отметила про себя, каким удивительным образом сразу изменилось ее поведение,

да и не только поведение — Анлиль словно изменилась сама. Она стала похожей на обычную, старую, львицу, на которую уже наступают старческая говорливость и слабоумие. Когда они наедине, это безжалостная и сильная видящая, об этом говорят ее движения, глаза, речь. Теперь же — всё наоборот, как в отражении. И оставалось только восхищаться ее искусству маскировки.

Шаана открыла глаза. Лима не обратила на нее внимания, и вполуха слушала всё то, что говорила Анлиль, отмахиваясь короткими вежливыми фразами. Шаана почувствовала, причем четко, что сейчас ощущает Лима: это смесь замешательства с раздражением, — она не понимала, чего же всё-таки хочет от нее старая целительница их прайда, и, наверное, куда-то спешила со своими подругами. Но Анлиль уважали все, и ничего не оставалось, как сидеть и выслушивать ее. Шаана догадалась, что Анлиль добивалась понимания Шааной того, с какого рода личностью ей придется иметь дело, вовлекая Лиму в разговор. Не нужно быть шамани, чтобы сразу догадаться, что в Лиме растет весьма надменная и своекорыстная особа, пользующаяся природной красотой, где это возможно. Шаане догадываться не пришлось: она уже это знала.

Лима вежливо улыбнулась в ответ на какую-то несуразную шутку Анлиль, и Шаана в это время ощутила давление в своем горле; квинтэссенция мыслей Лимы даже смогла сформироваться в ее сознании: «Когда ж эта старая меня отпустит?». Шаана поразились своей чуткости, и это придало ей уверенность.

— Лима, дитя мое, познакомься с Шааной. Она из Юнити, пришла вчера к нам в гости.

— Здравствуй, сестра, — сказала Шаана.

— Привет.

Это была неожиданная, мелкая грубость: в таком случае полагается так же ответить: «Здравствуй, сестра». Но Шаана не обратила никакого внимания на это, как и Анлиль. Вторая вообще начала отходить в сторону, словно происходящее ее совершенно не интересовало.

— Знаешь, у нас тоже в прайде есть львица по имени Лима. Вот я думаю — неужели все Лимы такие милые и красивые? — Шаана смотрела ей не в глаза, а чуть выше: она помнила этот совет Шелли. Нельзя спешить.

В прайде Юнити на самом деле не было львицы с таким именем. А будущая «жертва» Шааны была весьма польщена.

— Ой, ну не надо преувеличивать.

— Вижу, что ты торопишься. Не буду тебя задерживать, мне только нужно тебя спросить одну маленькую вещь, хорошо?

— Какую? — заинтересованно спросила Лима.

Шаана теперь посмотрела в глаза Лиме, вкладывая во взгляд всю волю и намерение. Мельком промелькнула мысль, что взгляд получился чересчур уж яростным, но тут же исчезла без следа.

— Ты знаешь, когда группа ваших отправляется к Сатарине? — понизив голос, спросила Шаана, четко выговаривая каждое слово. Спрашивать можно было что угодно, ибо Шаана сразу почувствовала то ощущение, о котором говорилось. Она уже захватила ее, захватила сразу, как только взглянула ей в глаза. С мордочкой Лимы произошли удивительные метаморфозы: на ней начало рождаться истинно детское удивление, именно с таким маленькими львята начинают бессистемно изучать окружающий мир.

— Знаю... — тихо и неуверенно ответила она.

— В таком случае, ты посмотришь мне в левый глаз, ты смотришь в мой левый глаз. Ты видишь?

Ответом было только какое-то странное, еле слышное мычание.

Шаана уже начала чувствовать, что сама начинает погружаться в некое сноповидное состояние, словно сейчас без какого-либо засыпания войдет в сновидение. Приложив всю волю, чтобы остаться здесь, в этом мире, она вынырнула из него, словно из воды, и обрела прежний контроль; Лима же, прикрыв глаза, неуверенно качнулась на лапах. А потом она попросту завалилась набок; Шаана не успела среагировать, и смягчить ее падение, ибо была занята своими мыслями и ощущениями. Всё тело Лимы пребывало в напряжении, это не был обычный сон, — глаза так и остались полузакрыты. Зрелище не из приятных; Шаана опомнилась, и подошла к ней. Она хотела как-то помочь, считая, что сделала ей больно и плохо, но не знала как, поэтому только участливо положила лапу на ее плечо, и склонилась к ней.

Тут же подошла и Анлиль.

— Отлично, Шаана.

— Что теперь делать, Анлиль? Кстати, не совсем понимаю, что я с ней сделала...

Только теперь Шаана подумала о том, что, собственно, она решала самостоятельно, как сдвинуть сознание Лимы; вот она взяла, и вогнала в сон. Но в сон ли?

Анлиль немного помедлила с ответом, пристально посмотрев на лежащую на земле Лиму.

— Ты ее забросила в своего рода сон. Сейчас она видит его, странный и неприятный, очень живой. Она через некоторое время оклемается сама, это безвредно. Только нужно было ее придержать, я тебе забыла об этом сказать. Проклятье же на мою голову!

Шаана ничего не ответила, и гладила Лиму по шерстке.

— Много можно сказать о личности в тот момент, когда ты ее захватываешь, не так ли? — молвила Анлиль. Шаана сразу поняла, о чем она.

— Да. Она выглядела такой... удивленной.

— Внутренне она очень мечтательна, просто старается себя вести по-взрослому. Ну, знаешь, она полагает, что казаться постарше поможет деловитость, раздражительность и самовлюбленность, — Шаана уловила в голосе Анлиль тонкую грусть. Она дотронулась к Лиме, и та начала пробуждаться. Она открыла глаза, вид у нее был растерянный.

— Что... со мной? — спросила она.

Тучи, темные тучи уже начали заволакивать всё небо над саванной.

— Ты упала в обморок, Лима, что это с тобой? — испуганно затараторила Анлиль. — Ты съела что-нибудь плохое?

— Не знаю... Я говорила с... ней, — она слабо указала лапой на Шаану. Потом встала. — Она что-то меня спросила, я смотрела на нее, а потом как закружится голова! И сны какие-то глупые сразу стали сниться. Будто бы я ночью стою, а около меня все наши, и что-то там кричат...

— Пошли со мной, я тебя осмотрю, Лима, не больна ли ты. Не нравится мне это.

Вскоре выяснилось, что Лима совершенно здорова, и что, скорее всего, это от недосыпа. И действительно, она же не спала прошлую ночь: сначала болтала в компании, ну а потом тайком ушла к озеру; существует поверье, что если в полнолуние, глубокой ночью, умыться водой и искупаться, чтобы никто не видел, то будешь очень красивой, и львы точно будут сходить с ума по тебе. Лима, конечно же, этого не рассказала, а придумала сказку о том, что страдала бессонницей. Ну, еще она сегодня ничего не ела, а утром вдобавок приняла участие в небольшом состязании по бегу. Анлиль пообещала, что вечером наведается к ней, и Лима тут же ушла.

— Вот так... — молвила Анлиль, и тепло прижалась щекой к щеке Шааны. — Хорошо, Шаани, очень хорошо. — Просто умница. Ты будешь сильной, только будь осторожна...

— Хорошо. Спасибо.

Анлиль лизнула ее в щеку напоследок. Пришло время уходить и Шаане.

— До свидания, Анлиль, мне уже, к сожалению, нужно идти. Спасибо за всё.

— Удачи, Шаани, береги себя.

И приложила лапу ко рту, подмигнула. Это значило: «Все тайны — только между нами». Шаана улыбнулась, и сказала:

— Конечно же, я знаю это.

Анлиль загадочно ответила:

— Я знаю, что ты знаешь.

Шаана ушла на восток, туда, где поляна, на которой сейчас ее друзья. Тучи становились всё тяжелее и безрадостнее. Потом подул порывистый ветер, и из неба полилось много-много воды, сопровождаемой громом.

4.

Сначала Ваннарен решил никого не отправлять сегодня, ибо слишком мерзкой была погода. Но потом она изменилась в лучшую сторону — проливной дождь сменился мелкими, редкими каплями. Соответственно, снова поменялись планы.

Делать было нечего, и Шаана спала возле Таву, который, в свою очередь, усыпил ее рассказом о том, каким же удивительным образом он сразу нашел ее там, у Анлиль. Заметив, что она устала, и уже дремлет, Таву прекратил говорить, и прикоснулся носом к ее загривку. Так и отдыхали, молча слушая друг друга.

Хасан с Арималой куда-то подевались, но вскоре пришли — мокрые, озябшие, но довольные. Хасан сообщил, что сейчас нужно будет уходить; он был радостен, от довольства сыпал шутками и похабщиной направо и налево, что согнало сонливость с остальных.

Пришел Манару́, один из старейшин правда Велари, вместе с десятком львов и львиц. Все это была молодежь, кроме еще одного льва, того самого, что встретил ночью гостей из Юнити. Манару считался помощником Ваннарена; был он среднего роста, но плотный, и имел очень добрые глаза. Невозможно было представить его рассерженным; и действительно, он никогда не злился и не раздражался, ко всему равнодушный. Этим он напоминал Тарну, только Тарна мрачен, а этот — нисколько.

Ланнара что-то надумала, и когда за юнианцами пришел Манару, неожиданно сказала:

— Извините, но не могу я идти. Дома, в прайде, дела ждут. Честное слово.

Все остальные сделали попытку уговорить ее, но смысла в этом было мало.

— Что ж, неволить не можем, — сказал Манару. — Иди к дренгиру, завтра отправишься с посыльной в прайд.

Таву, Шаана, Аримала, Хасан и Тарна попрощались с ней. Ланнара, перед тем, как уйти, ненадолго задержалась; она хотела, чтобы с ней пошел и Тарна. Но ему было не до того: он не желал пропустить такого интересного похода. Поэтому она ушла к дренгиру Ваннарену сама.

Все же остальные, насчиталось их аж шестнадцать, ушли на юг, туда, где жил Сатарина со своим небольшим прайдом. Капал мелкий дождь, идти было неприятно и в тягость. Но Сатарина не так уж далеко, всего-то день неспешного ходу. Веларийцы хорошо знали эту местность, и уверенно шли к небольшой, одинокой горе,

уже видневшейся вдали. Она была немного в стороне от нужного им пути, но там была большая, нет, — огромная пещера, где они могли спокойно провести ночь.

Когда они дошли, уже темнело. Тучи всё еще висели над небосводом, надоедая тяжестью. Саму же гору окружали разлогие деревья. Группа зашла внутрь пещеры, и обнаружила непонятную компанию из трех львов, и двух львиц, которые спали так крепко, что даже ухом не повели. Все пятеро были молодыми, и детей при них не было, поэтому львы и львицы Союза без зазрения совести разбудили их и сказали катиться куда подальше, подобру-поздорову. Те, сонные и раздраженные, спорить не стали, и ушли из пещеры.

Большинство тут же уложилось на постеленную кем-то ранее сухую траву, и уснуло. Погода этому способствовала. Только Хасану не сиделось, и он, несмотря ни на что, решил пойти охотиться, хотя Аримала и Шаана старались убедить его не идти, а просто себе поспать. Тот уперся, и таки ушел, еще с двумя львами-веларийцами.

— В такую-то погоду! — недоуменно восклицала Аримала. — С ума сошел.

После этого Шаана присоединилась к Таву, который как раз спрашивал Манару о Сатарине.

— Мне столько рассказывали о нем, — говорил Тарна. — Говорили: «Увидеть — не забыть». Что у него там происходит в прайде? Кто он такой вообще?

Манару махнул лапой:

— Жуть, что там творится... В общем, Сатарина уже довольно стар. Его прайд — это нечто, хотя я вполне допускаю, что такие прайды на юге встречаются весьма часто. Просто мы же с ними не сталкиваемся. У него всегда как минимум две-три львицы, а еще... Практически, все львицы прайда принадлежат ему; только некоторые, их немного, наотрез отказываются иметь с ним какое-либо дело. Они бы, наверное, ушли, но боятся — у них дети. Он их обижает, часто заставляет охотиться, всячески издевается. Львов в прайде, как таковых, намного меньше, они не живут в прайде, а так, шатаются по окрестностям. Постоянно там где-то двадцать львиц, и всего три или четыре льва.

— Они иногда в прайд заходят? Те, что шатаются? — спросила Шаана.

— Да, именно. В подарок Сатарина может подарить любую из своих львиц, да и вообще... Когда те приходят, и что там начинается, просто не передать. Всё смешалось там, да что говорить.

— Неужели львицы не могут их всех послать подальше?

— Запуганы они, запуганы с самого рождения. Часто примыкают к этому прайду молодые, которые еще ничего о нем не знают. Вот потом и втягиваются. Еще раз скажу: вполне возможно, что таковыми являются все прайды на юге. Кто его знает... Ну их, сами увидите. Нам чужд такой образ жизни.

— Немного путано как-то, — сказала Шаана, стараясь понять, что же всё-таки там происходит.

Манару засмеялся.

— Это ваша шамани? — спросил он Таву. Тот ответил:

— Да, наша.

Кто-то окликнул Манару сзади, и он обернулся. Пока он с этим кем-то говорил, Таву вдруг наклонился прямо к ее уху и прошептал:

— И моя тоже, — лизнул он ее в щеку.

Она засмеялась, смутилась, как всегда. Улыбнувшись своей странной, обрушивающей мир улыбкой, которая вгоняла Таву в блаженный ступор, молвила:

— Перестань...

Конечно же, она совсем не имела этого в виду.

— Нет, не перестану.

— Ах, нет?

Она поймала его взгляд и уже не упустила. Он смотрел в ее карие, не из мира сего глаза, и снова то же, знакомое ощущение — он проваливается куда-то, вниз и назад, и ничего не остается от мира, кроме нее. Что она с ним делает? Конечно же, таким способом говорит с ним; и он даже понимает ее. Конечно же, берет его так в плен, а он попадает. Конечно же, она его влечет и дразнит... дразнит! Нет, нет, он сейчас точно набросится на нее — никто не в силах это выдержать.

— Так вот, на чем мы остановились... да, так вот, Сатарина.

Манару снова позвали.

— Ну, что еще?

Пришлось Таву взгляд отвести, как и Шаане. Манару был раздосадован: ему не давали спокойно поболтать. Он еще раз обернулся.

А Таву и Шаана украдкой посмотрели друг на друга. Она очень нежно и аккуратно царапнула его по плечу:

— Сам напросился.

Манару повернулся к ним во второй раз, его добрые глаза отнюдь не выражали какого-то раздражения.

— Сидите, аж сияете. Я что-то пропустил?

— Несомненно, — ответил Таву.

— И что же?

— Сложно объяснить.

Тот, ничего не поняв, посмотрел то на него, то на нее, а потом продолжил:

— Ну... вот так вот.

— А зачем его держать под боком, если Сатарина и его шайка таковы? У нас в Юнити давно говорят, что нужно прогнать Сатарину прочь от наших границ. В нас бы такого никогда не допустили, сразу бы разобрались.

— Считаешь веларийцев дураками, да? — иронично спросил Манару.

— Нет, почему. Ведь сколько походов, боев провели вместе Юнити и Велари... Знаем друг друга, как самих себя. Но вот понять не можем: зачем он вам?

— Будь моя воля, давно бы он исчез. Ваннарену тоже это не нравится, но не всё зависит от нас. Конунг лично распорядился его не трогать, и использовать в качестве залога нашей безопасности на южных границах. Видишь ли, Сатарина имеет весьма большой авторитет среди множества свободных, которые живут там, — Манару махнул лапой в сторону, — на юге. Он попросту запрещает им ступать на наши земли, пугает их разными страшилками, чтобы они сюда не вздумали лезть. Нам спокойнее, и ему неплохо. И еще: он живет рядом с проходом в Южных горах, и поэтому знает всё про всех; он наш верный сообщник. Кстати, был кто из вас в Южных горах?

— Я была, но не здесь, а около прайда Хлаалу, — сказала Шаана.

— Здесь горы еще мельче, чем возле хлаальцев. А что касается его образа жизни, то какая нам разница-то?

Таву сидел, задумавшись. Почему-то его очень зацепили слова о том, что «Какая нам разница?», но не мог направить мысль в то русло, где будут аргументы против этой фразы. Казалось, ведь действительно здравые рассуждения — какое дело нам до свободных львов и их судеб?

Снаружи темно, а внутри уж сумрак, который приятно волнует, убаюкивает.

— Манару пусть извинит меня...

— Не надо, Шаана, не надо! Я еще не так стар, чтобы ко мне так обращаться!

— Согласна, — она встала с места. — Лев не стар. Но прошу простить: я спать пойду, мне уже пора.

Манару кивнул, и зевнул.

— Я бы и сам... того... уже всё, в общем. Кстати, где эти герои, что ушли охотиться? Не пришли еще?

— Нет, — лениво сказал кто-то из темной кучи спящих.

Он вздохнул, лег на бок и предался сну. Шаана ушла в глубь пещеры. Здесь, в глубине, не спал никто, ибо все разместились недалеко от входа. Пол был уже не гладким, а с выступами, с торчащими камнями, сухой травы здесь тоже не было. Сыро, неприятно; но Шаане нужно сегодня найти уединенное место, подальше от остальных. Так гласил обычай, и требовала необходимость, когда ты собираешься сновидеть. Но здесь спать явно неудобно, и пришлось вернуться назад; наконец, она нашла подходящее место, нишу, в сторонке от остальных, прыжка четыре разделяло их и ее. Было в этом месте темно и уютно, только голые камни были неприятны, но это поправимо, — Шаана наносила в зубы траву, которую нашла на полу пещеры.

Таву, который всё выяснял у одного веларийца подробности о Сатарине, вдруг заметил, что Шаана исчезла. Сначала поиски его были неудачны, он даже начал расспрашивать Арималу, куда ушла Шаана, но та ничего не знала. В конце концов, он догадался поискать в глубине пещеры. Там ее и нашел.

— Как ты спряталась, — сказал он ей, ложась возле нее, — попробуй найди.

— Таву, я должна тебе что-то сказать.

Он сначала даже не знал, что думать.

— Я внимательно слушаю, — молвил он и наострил уши.

— Понимаешь, — ее черты видны плохо, смутно, ибо вокруг лишь тьма, — теперь ты и я... весьма близки. Дело в том, что шамани... у шамани есть такие ночи, когда они делают определенные вещи. Другие не должны знать этого, но ты должен... — Таву в темноте показалось, что ее глаза светятся, и даже сильно закрыл, а потом открыл глаза. Наваждение, вроде бы, прошло. — Пожалуйста, в эту ночь не буди меня и старайся не тревожить, хорошо? Не уходи, будь здесь. Просто помни об этом, ладно? — она бережно поставила лапу на его.

Ответ у него мог быть только один: он решительно обнял ее, и трогательно поцеловал; сначала очень нежно, потом сильнее. Таву еще раз убедился, что между львицами и шамани попросту пропасть, большая и глубокая. Казалось, из тела вынимали тысячи шипов. Он знал, что Шаана чувствовала то же — мелкая дрожь пробивала ее. Каким же был ее ответ! Мог ли он когда-то подумать о таком? Обняла, и чуть ли не впилась в него когтями, словно боялась, что выскользнет; но больно не было, совсем нет. Таким горячим был ее язык, что подумал, что сгорит в огне, и поминай как звали... Долгим, очень долгим был их поцелуй, а ни прошлое, ни будущее значения не имели никакого.

Таву открыл глаза, перевел взгляд в сторону и вниз, чтобы справиться с нахлынувшим потоком ощущений, передохнуть от них. Выдержать такое слишком долго невозможно — с ума сойдешь, наверное. Целуй сколь угодно другую, и ничего подобного никогда не будет.

А между тем уж Шаана начала вылизывать его, как маленького, как он ее когда-то, тихо так мурлыча. Было до того приятно, что Таву перестал думать, и положил голову на передние лапы, прислушиваясь.

— И всё же, договорились? — тихо, прислонившись к его уху, спросила его.

Он не сразу понял, о чем речь:

— О чем?

— Уже забыл! — в ее голосе была смешная укоризна, а еще она легко укусила его за ухо.

— Ах, да. Конечно, я не потревожу тебя, — говорил Таву шепотом, вполоборота к ней.

— Это будет наш с тобой секрет, мой Таву. В некоторые ночи шамани не спят, но бродят в другом теле, по этому и другим мирам. Ты должен знать его, ты должен, — тихо-тихо говорила она ему.

— Как удивительно... Потрясающе, наверное.

— Весьма, — улыбнулась Шаана, в этой тихой темноте.

**

Таву уж заснул, а Шаана всё никак не могла. Как всегда, заснуть мешали мысли — именно они есть причина большинства бессонных ночей в этом мире, а не что иное. Но всё кончается, поток мыслей иссяк, и она погрузилась в безмолвие ума — именно то состояние, которое необходимо для успешного входа в сновидение.

В первый раз она спала рядом с кем-то, и сновидела. Никогда раньше не представлялся такой случай, да Шелли всё твердила, что сновидение — дело сугубо личное. Впрочем, она не испытывала неудобств, прислонившись к теплому телу Таву, который устал и безмятежно спал. Скорее наоборот, было хорошо. Сконцентрировалась на дыхании: этот метод освобождения от рабства мыслей работал для нее лучше всего, хотя можно концентрироваться на точке над головой, между ушами; можно на солнечном сплетении; на шуме в ушах; в общем, много есть способов. Если начать вот так засыпать, в полном осознании и выражая намерение проснуться во сне, то вскоре ощутишь странные ощущения: потоки разные по телу (теплые, холодные, и всякие-всякие), волны дрожи, интересные ощущения, вроде в тебя из всех сторон бросают чем-то мелким и пушистым... Потом вдруг начинает нарастать шум в ушах, который до этого был тихим, почти что незаметным. Иногда он разрастается в жуткий рев, иногда внезапно взрывается громким хлопком; начинающие шамани, которые только начинают свой путь в сновидении, боятся этого, и страх приводит к неудаче; но Шаана далеко не начинающая, несмотря на молодость, поэтому обыденно и безмятежно встретила пугающие ощущения. Шум знаменует начало сдвига сознания, она знала это, и беспокоиться не о чем.

Вот и всё, рев отпустил ее, и она уже не здесь, в пещере, а в темном-темном, очень умиротворяющем пространстве. В нем приятно быть: полное отсутствие каких-либо ощущений, раздражающих восприятие, нравится сознанию. Шаана не стала задерживаться в этом бесконечном море — это бессмысленно. Подобного состояния — а это океан неопределенной темноты — можно достичь, если просто долго-долго сидеть в спокойном месте, не думать и не шевелиться. При этом нужно долго упражняться; Шаана слышала от Нарры, что даже есть где-то львы и львицы, которые верхом блаженства считают достижение именно этого состояния, и делают пребывание в нем целью жизни. Их можно понять: оно действительно приятно, но Шаана знала, что нет в нем никакого достижения, никакой победы духа, и оно бесплодно, как иссохшее дерево в саванне.

Она всегда попадала в это пространство, где сознанию и восприятию не за что зацепиться. Потом, как правило, она попадала в какой-нибудь из сюжетов сновидения, или сразу оказывалась недалеко от своего тела, в родном мире. Сейчас судьба повернулась так, что она оказалась в пещере; хоть и было в ней очень темно, она странным образом видела всех и всё. Видела она и себя, лежащую рядом с Таву. Поразительно, что такое возможно — ее тело лежит вот здесь, а она сама, ее вос-

приятие, бродит вокруг да около. Шаана часто задумывалась, что же такое мир и она сама, и понимала, что... ничего не понимает.

Восприятие неустойчиво во «втором теле», как называли это состояние шамани. Оно совсем не похоже на обыденное; узнавание сильно затруднено, всё выглядит как будто смотришь сквозь еле двигающуюся воду, сфокусироваться на чем-то долго невозможно, ибо этот предмет надолго приклеит внимание к себе, и оно в таком случае медленно угаснет; после этого начнется обычный, хаотичный сон, который бывает ночью у каждого, с его нелепыми приключениями и ассоциациями. Нужно быстро переводить взгляд с вещи на вещь, с предмета на предмет, чтобы не утратить фокус.

Она вышла (если так можно сказать — «вышла») из пещеры. В данном случае сновидение суть упражнение для внимания, концентрации: ее задача в том, чтобы как можно дольше бродить по этому миру во втором теле.

Побродила снаружи. Нет проблем, восприятие устойчиво. Решила переместиться куда-нибудь — в этом состоянии возможны мгновенные путешествия, достаточно выразить намерение, лучше всего — сказать вслух, хотя, конечно же, никто ее не услышит, будь хоть в прыжке от нее. Львы и львицы, которые не являются шамани, или же чувствительными от природы, не увидят и не услышат ничего.

Она сначала переместила саму себя взглядом. Концентрируешь взгляд на чем-нибудь, что видишь, и оп! — ты уже там, рядом с той вещью. Если тебе хватило контроля и силы. Если не хватило, утратишь контроль и погрузишься в сон; или же проснешься с колотящимся сердцем. Это самый простой способ путешествия во втором теле. Сконцентрировалась на небольшом холме, справа от себя. Вот уже и там. И так много раз, пока не надоело. Потом решила переместиться подальше — сразу в свой прайд, на место сбора; тут уже только силой намерения нужно действовать, взглядом не зацепишься. Ей должно хватить сил! Хватило... Правда, всё туманно и неустойчиво, словно очень сильно кружится голова. Только начала осматриваться, как выкинуло назад, к пещере. Осознание значительно слабее, чем до того, ведь много сил потеряла. Вернулась в пещеру, напоследок начала рассматривать спящих друзей. Шаана посмотрела на одну из спящих — она не могла сказать, кто это, но точно знала, что это львица. Еще тут же узнала, что та беременна. Как? Безмолвное знание. Никто не знает, откуда оно.

Только плохо ей, плохая беременность у этой львицы. Некое пятно темно-красного цвета заметила она у нее на животе, но уже всё стало неустойчиво, она потеряла фокус внимания, и тут же выкатилась прочь, в этот мир, в свое тело. Просыпаешься в таком случае, как правило, со вздрагиванием и колотящимся сердцем. Так и было у Шааны в этот раз. Посмотрела вокруг — все спят, как и прежде. Таву она своими движениями не разбудила, ну и хорошо...

Она снова положила голову о бок Таву, и заснула уже без сновидений до самого утра.

**

Рано поутру все встали, и тут же тронулись в путь. Прошли уже почти половину пути, поэтому к полдню группа должна быть на месте, у Сатарины.

Шаана, еще когда проснулась, тут же решила проверить, кого из львиц видела в сновидении. Да, точно на этом месте, вот она еще спит. Решила с ней поговорить по дороге, ибо вполне вероятно, что ей угрожает опасность.

Погода с утра снова была отличной: никакого дождя, только роса на траве и белые облака в небе. Манару, когда они начали идти, всё смотрел то вдаль, то на небо, и приговаривал:

— Хороша погодка, хороша!

Шли неспешно, с разговорами и хорошим настроением.

Шаана подошла к львице прайда Велари, которую наблюдала в своем сновидении. Она шла в сторонке, в компании еще трех львиц.

— Извини пожалуйста, поговорить с тобой нужно...

Та удивленно посмотрела на нее. Они отошли в сторону.

— Что ж, я слушаю.

— Извини, как тебя зовут, сестра?

— Леари, а тебя?

— Шаана.

— Приятный день для знакомства, — улыбнулась Леари. — Так что за разговор?

Шамани не знала, как же ей всё-таки начать, потому что не была полностью уверена, что это именно она; и вообще, сомневалась — а не подвело ли ее сновидение? Но слова уж брошены, поэтому нужно продолжать начатое:

— Видишь ли... Могу ли спросить — ты беременна?

Теперь уже не было места удивлению на мордочке Леари, а появилось чистой воды изумление, смешанное с подозрительностью:

— Кто тебе это сказал? — приблизившись, тихо спросила Шаану.

— Никто. Я сама это узнала... — ответила она.

— Но каким именно образом? — удивленно, с надеждой в глазах смотрела на нее Леари.

— Никто не сказал мне, я узнала сама. Я — шамани.

— А ты уверена в этом?

— Вполне.

Леари заулыбалась.

— Если это правда... Шаана, то сегодня у меня до безумия радостный день, представляешь?

— Ты разве не знала?

— Нет, к огромному сожалению, но теперь — знаю!

Леари очень обрадовалась этой неожиданной, счастливой новости. Выяснилось, что она долгое время не могла забеременеть по непонятным причинам. Ее льва с нею сейчас не было, и она решила пока не делиться этой нечаянной радостью с остальными.

— Чего ж ты раньше не ходила к Анлиль? — удивилась Шаана.

— Так... Она уже старая, а к Маррану идти неудобно было...

— Советую тебе пойти к ней. Напрасно ты не сделала этого раньше.

Также Шаана сказала, что вполне возможны проблемы с детьми; Леари испугалась. Договорились по приходу в прайд тут же пойти к Анлиль. Она наверняка знает, что делать.

Группа шла по равнинной местности, с мелкой, невысокой травой. Там и сям попадаются одинокие деревья; в воздухе витает свежесть, приятный ветерок дует с востока. Вдали виднеются низенькие горы, около них и находится территория Сатарины. Наконец, остановились: далеко впереди виднелось большое стадо зебр, и все решили, что настало время поесть.

Потом снова тронулись в путь, и вскоре добрались до своей цели. Горы вдали стали уже значительно ближе, и синева дали покинула их.

— Вот здесь и сидит Сатарина, на этих землях, — сообщил Манару юнианцам, когда все взобрались на небольшое возвышение. Земли Сатарины весьма красивы, особо привлекало внимание большое озеро вдали, и любопытная вещь — поле камней и мелких скал около этого озера, словно кто-то очень-очень большой взял да и разбросал их там. Далеко слева, на востоке, виднелось что-то мрачное и блестящее, с торчащими понурыми деревьями; там, скорее всего, раскинулись топи и болота.

Тарна безразлично смотрел на все эти красоты; Хасан терзал вопросами рядом стоящего льва-веларийца, с которым уже успел хорошо познакомиться, что здесь да как; Аримали стояла рядом с Шааной; Таву всё старался увидеть, где же именно находится сам прайд, и одним из первых заметил небольшую компанию, которая приближалась к ним, львам Союза.

Это, конечно же, идет Сатарина, собственной персоной, в окружении еще трех львов. Точнее, все они не идут, а бегут торопливой трусцой. Когда они уже приблизились, можно и опознать их всех: Сатарина, лев с темной-темной гривой и хитрыми глазами, неопределенного возраста — хоть говорят, что он уж стар, но таковым не казался; двое сыновей, поразительно похожие на него самого; и еще непонятная потрепанная личность, наверняка лев из Большого мира.

Сатарина подбежал к Манару, который вышел чуть вперед. Львы и львицы Юнити, не знали, что будет дальше, и просто сидели в ожидании, некоторые же веларийцы начали усмехаться, словно предвкушая что-то забавное. Сатарина остановился на почтительном расстоянии от главы группы, и заискивающим голосом начал говорить, совмещая это с угодническим полупоклоном:

— Рад видеть на свои землях почтенного Манару, милости просим!

Тот в ответ не сказал ничего, но только хмыкнул. Сатарина, видимо, подумал, что сказанного недостаточно, и поэтому обратился к остальным:

— Здравствуйте!

Ответ ему был неожиданным: все веларийцы засмеялись. Шаана не совсем понимала, что происходит, равно как и остальные юнианцы.

— Ну здравствуй, здравствуй, Сатарина... — иронично сыпали веларийцы, и безо всяких церемоний начали идти вперед.

— Потолстел ты, — сказал Манару, идя прямо на Сатарину. — Что так?

— Не знаю, Манару, — ответил тот, уступая ему дорогу и присоединяясь к нему. — Как чувствует себя почтенный Ваннарен?

— Почтенный Ваннарен очень недоволен тобой, так что будь добр, готовься придумывать всякую правдоподобную чушь.

У Сатарины испуганно забегали глаза. Почему-то шикнул на своих сыновей:

— Так, убирайтесь в прайд, быстро!

Что те, сопровождаемые издевками львов-веларийцев, и исполнили. Непонятная личность осталась с Сатариной, и не думая уходить.

— Что же случилось, могу ли узнать? — спросил он.

— У нас заявилась шайка, около наших границ, причем заметь — появилась сначала у южных границ. Чинят они всяческие пакости и безобразия. Вопрос: для чего мы тебя тут держим?

— Манару, ведь не могу я видеть всех и вся! Они, вполне возможно, пришли не с моей стороны, а, допустим, с запада. Всем своим я давно сказал, чтобы не совались на земли Союза. Что им там делать?

— Вполне возможно, вполне... — безразлично ответил Манару. — Эммм... Таву, иди сюда.

Он подошел к идущим впереди Манару и Сатарине.

— Да?

— Сколько там было львов, когда вы их встретили?

— Около десяти.

— Можешь описать их?

— Нет, они были весьма далеко, да и мы к земле тогда прижались. Это Тарна видел их.

Позвали Тарну. Но тот не запомнил ничего особенного в тех львах.

— Неважно, в общем, — молвил Манару, — главное, Сатарина, чтобы ты сказал, кто это может быть. Ну, или узнал.

— Не знаю, кто это, — ответил он. — Попробую узнать, но уверен, что это бессмысленно, ибо почти все мои знакомые сейчас не здесь, а за горами. Так что это кто-то другой, незнакомый мне.

Сатарина на самом деле знал, о чем идет речь и кто это мог быть. Все знакомые вожаки шаек и мелких прайдов поверили ему, что лучше не лазить без спроса на земли Союза группами. Но в этот раз к нему пришел старый знакомый, Налон, и как только Сатарина не старался убедить его, всё же не смог остановить. Взяв с него обещание, что его группа быстро перейдет земли Союза, Сатарина немного успокоился. И тут на тебе!

Но еще у него был другой повод опасаться. Неделю назад к нему пришли некие трое, которые назвали себя «посланниками». Сатарина ничего не знал о пришедших; он удивился и занервничал, когда ему сказали, зачем они пришли: предлагали сотрудничество в борьбе против Союза. Предложили рассказать всё, что он знает о Союзе, и всячески сотрудничать с ними. Сатарина сначала отказался, не потому что питал какие-то хорошие чувства к веларийцам, Союзу (он их ненавидел и боялся), а потому, что испугался за возможные последствия, лично для себя. Семь больших, организованных и сильных прайдов, с глубокими боевыми традициями, скрепленных узами двух сотен лет — с этим играть не хотелось. Всяческие войны против Союза доказывали, что равных им пока не было и нет. Если веларийцы узнают о его двойной игре, то ему и его прайду конец.

Но визитеры оказались не так просты. Пришли они не сами, а с внушительной группой поддержки в двенадцать голов, поэтому просто и со вкусом прогнать он их не мог. Обратиться за помощью к знакомым тоже. Мало того, они оставили здесь своего наблюдателя, который ходил теперь за ним след в след. Сатарина был вынужден согласиться на все требования.

По приходу львов Союза Сатарина в последний раз взвешивал все «за» и «против». Достаточно сказать Манару о произошедшем, как наблюдатель тут же перестанет быть проблемой, и... а что дальше? Те уйдут, а загадочные визитеры непременно вернуться, как обещали, и если узнают, что их приятель мертв, тогда Сатарине не жить.

Он решил молчать, и быть начеку. Он опасался, что веларийцы как-то узнали о его вынужденной сделке с незнакомцами, но его опасения были напрасны. Пришли они, как оказалось, по совсем другому поводу, и камень спал с плеч Сатарины.

Все пришли в прайд; Манару, Сатарина и еще несколько львов ушли говорить о делах. Остальные веларийцы группами разбрелись кто куда, а юнианцы начали осматриваться. Хасан решил не тратить время на глупости и пошел спать под большой, гладкий камень. Подобные были разбросаны то тут, то там по всей территории, и Шаане стало любопытно, отчего же так:

— Смотри, Таву, какие камни! И повсюду!

— Что же это может быть? — задумчиво спросил он сам себя. — Идем, прогуляемся, осмотримся?

— Давай.

— Тарна, пошли с нами, — предложил Таву.

— Нет, зачем же вам мешать? — серьезно сказал тот. — Идите без меня.

— Ты не будешь нам мешать, — сказала Шаана.

— Уй, не надо этих нечестных вежливостей, — ответил Тарна.

Таву заметил, что нету Арималы. Спросил Хасана, и получил ответ:

— Говорила, что идет охотиться... — и перевернулся на другой бок, демонстрируя нежелание болтать о таких пустяках.

— Сама? — удивилась Шаана.

— Да, сама, сама. Всё, Хасан умер, нету его, — лениво, со вздохом, сказал сам Хасан.

— Пусть земля тебе будет пухом, Хасан, — сказал Таву.

— Навсегда, — добавил уходящий Тарна.

Шаана с Таву тоже ушли, куда глаза глядят. Глаза глядели на далекие топи, и лапы понесли их туда. Вскоре, по дороге, встретили первых членов прайда Сатарины. Это была маленькая группа львиц, четыре головы, вероятно, с охоты. До этого, кроме Сатарины и еще тех трех, они не видели никого из местных: такое впечатление, что все попрятались или ушли куда подальше. Усталые львицы с опаской и недоверием смотрели на Шаану и Таву; слухи здесь распространялись молниеносно, поэтому все решили отправиться по своим делам прочь от места собрания прайда, чтобы не попадаться на глаза пришедшим львам Союза. На всякий случай.

Шаана подумала, что негоже будет просто встретиться и разойтись, поэтому поприветствовала их, тем более что те львицы были старше ее:

— Здравствуйте!

Те остановились, и неуверенно сбились в кучу.

— Добрый день, — ответила Шаане самая старшая, со шрамами от когтей на боку и шее, и почему-то сделала шаг назад. Вскоре, в неловком молчании, те быстрым шагом продолжили свой путь.

— Странные какие-то, — заметил Таву, когда они ушли. — Наши что, их обижают?

— Нет, они вообще запуганы, — уверенно сказала Шаана. — Опасаются всего, кабы чего не вышло, как говорится...

— Мда, ну и нравы.

Так они и подошли к большому болоту. Ничего интересного здесь не было, и они решили развернуться, как вдруг Шаана заметила у маленького, неспешного ручья темную глину. Эта глина хороша для одной вещи, которую ей велела сделать традиция еще с самого утра. Тут же она нанесла по три небольшие полосы с каждой стороны шеи. Вообще-то для этой цели лучше всего использовать черный сок хирайи, но где его сейчас достанешь?

Он подошел к ней.

— Ух ты... Знаешь, мне нравится. Теперь будет видно всем, кто ты.

— А кто же я? — спросила она его.

— Шамани.

— Я еще только учусь.

— Ты сама кого хочешь научить можешь, — молвил он. А потом поцеловал ее; она притворилась, что не ожидала, но притворство очень быстро уступило нежности.

— Шаани, я люблю тебя.

Она ничего не ответила ему, только мягко, по всей длине, потерлась о него, обвивая его шею хвостом. Никто еще не делал с ним такого, поэтому он тихо сидел и прислушивался.

Обернулся. Полосок на ее левом боку не было — стерлись.

— Полосочки стерлись, смотри.

— Ничего, я новые сделаю. Разве это трудность?

— А зачем их вообще наносить? Открой тайну свою.

— Для тебя не тайна это, можешь узнать: это просто традиция — после каждого сновидения наносить их. Древняя и непонятная, если честно.

— Сновидение это то, чем ты занималась сегодня ночью?

— Да, — ответила она.

Она снова нанесла полосы, и они пошли назад. По дороге им встретился Гарна.

— О, наконец-то вас нашел. Вы меня извините, просто Манару сказал не разбредаться и сидеть в прайде, чтобы все были вместе. Разнервничался.

— Ну, идем, — сказал Таву, и они пошли к месту собрания прайда Сатарины. Тут уже были и местные львицы с детьми, и веларийцы, правда, не было ни одного местного льва. Все эти львицы до одной мрачные, их лик отражает строгую непреклонность судьбы и уверенность в том, что жизнь — страдание. Манару и Сатарины сначала не было видно, но потом Таву заметил их у акаций вдалеке. Некоторые веларийцы общались с местными, и Шаана не заметила никаких признаков того, что они плохо к ним относятся. Но всё равно местные держались на почтительном расстоянии, во всех смыслах.

Хорошая погода, ветер гонит облака в небе, жарко. Все укрылись под деревьями.

— Шаани, хорошая, я наверное вон туда пойду, — Таву указал на далекие акации, где был Манару и Сатарина. — Пойду посмотрю, что там. Вижу, там Хасан есть.

— Хорошо.

Ласково дотронулся до кончика ее носа своим носом, и ушел. Шаана же ушла под баобаб, под которым уже сидело две взрослые львицы прайда Сатарины; возле одной из них были мальчик и девочка, подростки. Маленькую львицу мама вылизывала, хотя в таком возрасте она уже вполне может помыться сама. Будущий лев же сидел рядом с ними; у него уже начинала появляться грива, чем он, несомненно, гордился. Поэтому и сидел с многозначительным видом, стараясь напустить на себя побольше усталой небрежности. Как только Шаана приблизилась, он недобро посмотрел на нее, встал, и ушел.

Улегшись рядом, шамани услышала, что дочь говорит маме:

— Плохо, мам...

— Ничего, ничего, всё будет хорошо, — успокаивала ее львица.

— Что случилось? — без предисловий спросила Шаана.

Львица посмотрела на нее, словно размышляя, отвечать ли.

— Первые охоты, и вот он результат. Упала неудачно на землю, теперь болит голова. Даже не знаем, что делать...

Шелли всегда твердила, что шамани должна быть решительной, и Шаана, не колеблясь, подошла.

— А когда это случилось?

— Сегодня утром. Почему ты спрашиваешь? — осторожно спросила мать.

Вторая львица с интересом наблюдала за ними, ожидая, что же будет дальше.

— Я могу помочь, если нужно. Ты ударила головой, так?

— Да, теперь заснуть не могу, болит всё, — ответила пострадавшая. Говорить ей было трудно, и она скупилась на слова.

— Слабо себя чувствуешь?

— Да.

— Света боишься, глаза открывать не хочется?

— Да.

— Сознание теряла?

— Нет.

— Тошнит?

Та утвердительно закивала головой, лежа на боку с закрытыми глазами перед матерью.

— Ты умеешь лечить? — спросила вторая львица.

— Умею, — ответила Шаана. Потом нагнулась к лежащей, и аккуратно, носом, провела по ее затылку, сверху вниз, по ходу позвоночника. Это ее не устроило, и она провела языком.

— Тебя нигде тут шея не болит?

— Нет. Не болит, только голова.

Значит, вреда шейным позвонкам нет. Это хорошо. Особой помощи тут не требуется.

— Как тебя зовут?

— Авза.

— А львицу? — спросила она маму.

— Меня — Вельта.

— Вот что: беречь от солнца, полный покой, спать и лежать на боку. Беречь от шума. И так неделю, не меньше, хорошо, Вельта?

— Что тут скажешь, постараемся, — безрадостно ответила она. — Не всегда выйдет, конечно... Ой, несчастье-то какое! — вдруг запричитала она. — С ней хорошо всё будет?

— Будет хорошо, но нужно будет ей побережиться, хотя бы луну. У нее сотрясение. Ты лежи, сейчас заснешь. А если нет, я приду вечером, и помогу тебе заснуть, — обратилась к Авзе Шаана. — Беречь от солнца и прятать в тени, — назидательно напомнила она Вельте.

— Хорошо, хорошо, конечно, как скажешь, — сказала она. — Смею ли узнать имя?

Шаана не ожидала, что львица намного старше нее будет так обращаться, и смутилась.

— Шаана. Не нужно так говорить ко мне, это лишнее...

Вельта поблагодарила ее, Шаана же пообещала, что придет вечером посмотреть, как дела. И уселась назад, на прежнее место, которое поближе к другой львице. Делать и так пока нечего. Солнце разморило ее, и прикрыв глаза, она постаралась выгнать мысли из головы, но удавалось плохо. Прислушалась к звукам мира.

Она недолго так отдыхала. Послышались назойливые, громкие голоса, которые, судя по всему, принадлежали двум молодым львицам. Шаана открыла глаза, посмотрела налево. Оттуда шли две львицы, обе юные и симпатичные. Они стройные, одна ниже, вторая выше; выглядят намного лучше, чем остальные львицы прайда Сатарины, казалось, даже их шерсть блестит на солнце по-особому. В жестах, голосе — уверенность, в походке — глумливая развязность. Несомненно, особые персоны.

Треплясь и хохоча, подошли к тому месту, где дремала та, другая львица. Намного старше их, она вполне годилась им в матери; Шаана даже на мгновение подумала, что она и есть их мама. Но выяснилось, что такая мысль — ошибка.

— Подвинься, — просто и безапелляционно молвила одна из них, повыше, к старшей львице. Та встала, и ничего не говоря, беспрекословно побрела прочь. Шаана изумилась такому порядку вещей; удивительно не только то, что те двое позво-

лили себе такое, но и та покорность, с которой ушла неизвестная. Шаана посмотрела направо, на Авзу и Вельту, словно хотела найти там ответ на свой немой вопрос, но Авза просто лежала, а Вельта не замечала происходящего. Или сделала вид, что не замечает.

— Нехорошо так обращаться со старшими, — сделала замечание Шаана.

Двое с недоумением посмотрели на нее, словно она сказала какую-то жалкую несурзность. Меньшая хихикнула, другая наморщила нос и сказала:

— Ты испачкалась, детка.

Она имела в виду черные полосы на шее Шааны. Меньшая громко засмеялась.

Такого Шаана не ожидала. Все только и говорили о том, какими запуганными являются здешние жители, да и сама она в этом убедилась, и тут — исключение из правила. Кто они? Неужели не боятся ее? Ведь стоит ей сказать что-нибудь Таву, Тарне, кому угодно — и тем придется плохо... Вот ведь свои, в тридцати прыжках отсюда.

Тем временем те, сидя в двух прыжках от нее, говорили:

— Вот, видишь, это и есть львы Союза. Чего им только надо?

— Да поскорее бы они ушли. К Сату надо, а они его задерживают.

— Это точно.

Красивое юное создание, то, что повыше, снова повернулось к Шаане:

— Откуда пришла, новенькая, что ли? Я тебя не видела прежде.

Они как-то совсем упустили из виду, что Шаана может оказаться львицей Союза.

Шаана — не обычная львица. Она есть шамани. А они должны быть терпеливы и отрешенны, поэтому этих двух вполне можно использовать в качестве средства тренировки воли и духа. Как говорила ей Шелли, шамани нечего и незачем защищать в себе, в том числе и собственную личность, поэтому дух их неуязвим.

— Я пришла с севера, — честно ответила Шаана.

Ее смерили взглядом.

— Смотри мне, веди себя хорошо, детка, и не раздражай нашего мудрого Сатарину, — было сделано ударение на «нашего», — своей глупостью, поняла?

— Конечно, я стараюсь всегда себя вести хорошо, — и это было чистой правдой.

— И не надейся, даже не пробуй высказывать, — эту загадочную для Шааны фразу сказала меньшая.

— Не буду высказывать, — кристально честно ответила Шаана. Действительно, зачем быть выскочкой в жизни?

— Умница, детка, — и они в унисон рассмеялись. Шаана изучающее смотрела на них; она хорошо чувствовала их безграничную уверенность в себе и своих поступках, уверенность глупую и недалёковидную, оттого и безграничную.

Эти двое продолжили свой пустой и громкий разговор, чем весьма надоедали Шаане. Она уже решила уйти, как те, видимо, решили всё же добить свою жертву:

— А всё-таки, зачем пришла сюда? В прайд захотелось?

— Главарь прайда меня послал, вот и пришла. Я и так в прайде, нечего мне хотеть, — предельно вежливо ответила шамани. Она спокойна, и ей всё равно.

— Какая уверенная, смотри. Уже в прайде! Это еще вопрос...

Та, что повыше, встала и подошла к ней. Продолжила свой важный и надменный монолог:

— ...это еще вопрос. Ты, вижу, не успокоишься. Хочешь проблем? — она нависла прямо над Шааной. — Хочешь?

— Какой неожиданный вопрос. Нет. Никто не хочет, и я тоже.

— Ну и хорошо. Так что запомни, детка, кто тут главный.

— Запомню. Только имен ваших я не знаю, плохо запомнитесь.

— Что? — те в недоумении переглянулись. — Издеваться собралась? Имен не знает! Узнаешь! Спросишь у остальных, им-то не знать.

— Ну и пришли всякие, — добавила меньшая. — Только проблемы от них.

Вельта была единственным свидетелем этой неприятной сцены, остальные были далеко. Она совершенно не понимала, почему же эта львица из Союза так покорно себя ведет. Достаточно ей сказать своим друзьям пару слов, и (Вельта злорадно усмехнулась) тем двум любимицам Сатарины, Авлине и Шанни, придет конец. «Давай же», — мысленно подгоняла она Шаану.

— Откуда ж ты взялась, несчастье? Какая ошибка мира родила тебя?

Это было крайне неосторожное выражение, которое попало прямо в сердце Шааны. Мама умерла, когда она была еще совсем мала; Шаана очень плакала и грустила за нею, и однажды принесла клятву стать хорошей шамани ради памяти своей матери. Шаана пришла в ярость.

— Тыгыгы! Стой! — темным голосом прорычала она; перемена оказалась страшной и внезапной. Авлина, в изумлении, остановилась на полпути. Обернулась к Шаане, вставшей в полный рост. Но изумление быстро прошло, и вспыхнуло праведное негодование:

— Да ты знаешь, во что вляпалась?! Да ты хоть знаешь, кто мы такие? — Авлина наступала на Шаану, подходя совсем близко и смотря прямо в ее сильные, с огнем где-то далеко внутри, глаза. — Ну уж будь уверена, что так просто дело не сойдет...

Сзади подходит Шанни, предвкушая будущие события. На поднятый шум обернулось несколько львиц прайда Сатарины, и кто-то из веларийцев.

Авлина явно намеревалась ударить Шаану, даже лапу начала поднимать. Не суждено ей было этого сделать: как была с чуть поднятой лапой, так и застыла на месте. Шаана остро чувствовала ее беспорядочную, погрязшую в блюде и грязи душу; сперва она просто хотела позвать своих, Таву... Но ярость и ненависть придали ей значительно больше сил, чем обычно, и смотря в глаза Авлине, она, ничего не говоря, легко захватила ее. А далее всё было предрешено. Казалось, она, и в то же время не она, решила так потряхнуть сознание Авлины, чтоб та надежно свалилась с лап. И лучше, чтобы никогда больше не поднималась.

У Авлины началось жуткое головокружение; хотела закричать, но не смогла; не могла оторвать взгляда от глаз этой неизвестной. Страх сжал ее существо, а потом свет померк, и в каком-то бешеном танце закружились фрагменты реальности, словно она неслась с огромной скоростью сквозь пелену. Шум в ушах превратился в неопикуемый рев.

Вельта, Шанни и остальные наблюдали, как неуверенно покачнулась на лапах Авлина, а потом просто упала, как будто замертво, на землю, подняв пыль. Шаана продолжала смотреть на нее, лежащую; в этот толчок сознания она вложила всё свое естество и ярость. У нее самой немного кружилась голова, поэтому она села, и сильно помотала ею. Вот и всё: мир вернулся к ней таким, каким был прежде. Но не вернулся к Авлине.

Ее подруга сделала неуверенный шаг, посмотрела на Шаану.

— Что...

Она хотела спросить «Что случилось, Авлина?», но не смогла. Встретившись глазами с Шааной, ужаснулась: она почувствовала нечто такое, отчего стало не по себе. Шанни откровенно побоялась подходить к подруге.

— Ведьма! — слезливо сказала она. Растерянно оглянувшись вокруг, неожиданно пустилась наутек, оставив подругу на произвол судьбы.

Шаана смотрела вслед убегающей. К ней подошли Вельта, которая оставила Авзу позади, еще две львицы прайда Сатарины, какие-то дети, двое веларийцев... Гнев ее прошел, и она уже немного сожалела о том, что случилось.

— Как это случилось? — спросила Вельта, с трепетом смотря на Шаану. Даже потрогала тело Авлины — та не двигалась. Дышит ли хоть? Дышит. Только глаза неестественно прикрыты, словно у мертвой.

— Она шамани, — первым ответил один из веларийцев, статный лев с такой большой гривой, что сначала глаз даже не верил ее размерам. Для членов прайда Сатарины это ничего не объяснило, но они поняли, что Шаана какого-то рода ведьма. Дети с любопытством смотрели на нее.

Шаана понимала, что сейчас ей стоит как-то привести в чувство эту львицу. Но делать этого не хотелось, и она решила не претить самой себе. Без единого слова ушла прочь, оставив всех позади. За ней пошли веларийцы, которые по дороге начали обсуждать произошедшее.

— Ого, ничего себе...

Авлину попробовали разбудить, но куда там, — та не реагировала совершенно, только мелкие судороги проходили по телу. Впрочем, никто особо не заботился о ней, и после нескольких попыток ее так и оставили лежать.

Таву всё слушал, о чем совещались Сатарина и Манару. Здешний правитель горячо оправдывался, что не знает, кто это мог быть; узнав о бесчинствах Налона и его шайки на землях Союза, он мысленно проклинал его — ведь просил же! Манару грозился Сатарине, но не очень сильно; веларийцы намеревались пройтись по своим южным окраинам, и он был бы весьма полезен в этом деле, рассказав о местонахождении некоторых мелких прайдов. Таву заметил, что около Сатарины постоянно сидит лев, не отходя от него ни на шаг. Заметил это и Манару:

— Кто это? Может, познакомишь?

— Это мой очень близкий друг, Нару, — как-то уклончиво ответил Сатарина. — Мы теперь управляем делами вместе, так сказать.

— Кусок на двоих, что ли? — иронично спросил Манару. Здесь было еще трое молодых львов-веларийцев, вместе с Таву. Было и две львицы, все молоды. Они заулыбались. В Союзе изречение «кусок на двоих» — намек на близость между львом и львицей.

— Что? — растерянно спросил Сатарина, ничего не поняв. Ухмыльнулся и Нару.

— Ладно, забудь. Всё это, конечно, хорошо. Так вот, поверю я тебе. Благодарю конунга за его доброту. Нужен ты ему, и зачем — непонятно. Признайся, как ты ему смог понравиться, а?

— У меня свои секреты, — улыбаясь, сказал Сатарина. Все засмеялись.

— Смотри же. Больше не хочу слышать о приключениях из-за тебя.

— Хорошо.

К Таву подошла Шаана; подошла сзади, но он почувствовал ее, даже не оборачиваясь, непонятным образом. Узнал ее шаги, походку, запах? Наверное...

Легла рядом с ним, и тут же прижалась, ища поддержки. Чувствовала она себя неважно. Нельзя было так поступать, но содеянного не вернешь назад. Шаана старалась убедить себя: «Она же начала оскорблять мою мать! Как можно!...». Пришла к выводу, что сделала всё правильно, ведь она не только шамани, но и львица Союза, и не должна позволять кому-то оскорблений в свой адрес. Нахальство должно быть наказано.

— Ну и пусть боятся... — тихо сказала она, и закрыла глаза. Таву удивленно посмотрел на нее.

Манару и Сатарина уже собирались расходиться. Договорились, что сегодня ночью веларийцы и юнианцы остаются у него, а утром уйдут. Тут объявилась исчезнувшая Шанни; она спешно бежала к Сатарине. А тот, по всей видимости, был весьма рад ее увидеть. Подбежав, она начала что-то рассказывать ему на ухо. Сначала она не заметила Шаану, но потом, случайно бросив взгляд, сразу увидела эти карие глаза.

— Ой, — она даже испугалась. — Вот она... — и указала на нее. Таву оживился, все остальные зашевелились в любопытстве. Шанни со страхом смотрела на шамани, и спряталась за Сатарину, словно маленькая. Тот прошипел нечто очень-очень неприятное и угрожающее ей на ухо; та прижала уши, имела вид жалкий и растерянный. Сатарина бесцеремонно оттолкнул ее лапой прочь, и обратился прямо к Шаане:

— Пусть благородная львица извинит меня за то, что случилось такое досадное недоразумение с моими... — он немного подумал — ...подданными.

— Сатарина, ты тут ни при чем. Они сами виноваты, — спокойно ответила ему Шаана.

— Что еще случилось, — Манару вплотную подошел к Шаане, потом недобро посмотрел на Сатарину, — что там еще?

— Две львицы посмели непристойно выражаться о моих предках, и мне пришлось... — тут Шаана не могла подобрать правильного слова, отчего даже привстала и начала шевелить в воздухе лапой, — усыпить одну из них.

— Как усыпить? — в унисон спросили Таву и один из веларийцев. Манару в непонимании нахмурился.

— А вот так... — визгливо сказала Шанни, всё еще прячась за Сатариной, выглядывая из-за него. — Так! Взяла, посмотрела на нее, и Авлина возьми да упади. Как так? Зачем так? Она точно ведьма, ведьма... — голос был растерянным и испуганным.

Манару, Таву и остальные веларийцы посмотрели на Шаану. «Надо же...», — мечтательно подумал Таву; он был весьма поражен. Какой дух! Он не знал, что Шаана способна на такое. Думал, что истории о том, как шамани усыпляют взглядом, просто сказки для детей на ночь. «Нет, не сказки. Выходит, не сказки», — подумал он. В глазах веларийцев воспряла смесь уважения и гордости за своих. Кто-то из них негромко, но как-то злорадно, засмеялся.

— Чего ты там стоишь?! — постарался грозно прореветь Сатарина, но отчего-то закашлялся. — Кхе... А ну бегом ступай, поклонись, проси прощения — за себя и за нее! Может, благородная львица и простит вас двух, если соизволит!

Не на лапу Сатарине такие скандалы с союзными львами, ох, не на лапу. Шанни не посмела послушаться, испуганно вышла вперед, к Шаане, которая всё так же лежала около Таву. Шамани не хотела всех этих церемоний, не хотела, чтобы перед ней извинялись, кланялись. Она встала; Манару посмотрел на нее, ничего не сказав, но Шаана сразу поняла его безмолвное послание: «Ты сиди! Так должно быть. Пусть знают...».

Но ей в высшей степени неприятна эта ситуация. Ничего ей не нужно от Шанни. Шелли и Нара часто говорили, что способности требуют бережного обращения. Нужно с большой осторожностью помогать кому-то, а тем более — наносить вред. Авлина — глупое, юное создание, и не следовало на глазах у всех так расправляться с ней, поддавшись ярости. Такие мысли посетили Шаану. С другой стороны... Оставалось только удивляться, как многократно возросли ее силы, как только она

предалась ярости. Она боялась себе признаться, но ей понравилось это ощущение. Кроме того, как-никак, она защищала себя и маму.

Шанни уж начала кланяться, как Шаана остановила ее:

— Не надо, нет. Перестань. Я не держу на вас двух зла.

Манару отвел взгляд, вздохнув. Не так надо делать, так неправильно. Пусть знают, кто тут хозяин.

— Пошли со мной, к твоей подруге, — сказала Шаана испуганной, сломленной Шанни. Та покорно пошла, за ними последовал и Таву. По дороге встретили неведомо откуда взявшегося Хасана. Он присоединился к ним, от нечего делать. Когда пришли, то Шаана с горечью выяснила, что не знает, как действовать. Старания попросту разбудить ее не приводили ни к чему: Авлину она действительно не пожалела. Вспомнив, как Шелли купала ее в реке, она подумала, что это то, что нужно. По крайней мере, лучшего способа придти в себя, в этот мир, она пока не знала. Сказав Шанни, что ее обязательно нужно погрузить в воду, она ушла прочь, позвав за собой Хасана и Таву.

Ближе к вечеру Шаана наведальась к Вельте и ее дочери. Поскольку неудачливая охотница спала, как убитая, то помощь не понадобилась. Допоздна она сидела вместе с Вельтой и узнала много интересного о местной жизни. Та осторожно начала расспрашивать о произошедшем сегодня случае (о нем уже все знали), просто из любопытства. Но Шаана вежливо отказалась говорить на эту тему.

Закат. Шаана очень любила это время, время последних мгновений дня. Она пришла туда, где все уж устроились на ночь. Львицы Сатарины ушли на ночную охоту; перед тем, как отправиться, осведомились у веларийцев, не накормить ли их. Шло на охоту десять голов, а веларийцев было одиннадцать, поэтому идея накормить их весьма глупа.

— Никак, Сатарина подлизывается, — смотрел Хасан вслед уходящим на охоту усталым львицам. Потом добавил: — Сволочь же, а? Как же нужно ненавидеть своих, заставляя охотиться для нас! Может, стукнуть его при случае?

— Может, — сказал Манару.

— Ну что, Хасан, смотри мне, не облажайся, — сказал ему Тарна. — Слово-то держать нужно.

— Да я ничего не обещал! — запротестовал Хасан.

Львицы вели свои обычные разговоры. Весьма важной темой стало сегодняшнее происшествие, правда, когда пришла Шаана, об этом перестали говорить. Как только она пришла, сразу обратила внимание на Арималу, которая дремала в огромном пустотелом стволе упавшего давным-давно дерева, спрятавшись от всех.

— Как дела?

Аримала подняла голову, зевнула.

— О, привет, Шаани. Ничего, потихоньку... Только вот что: не поймала я сегодня ничего стоящего, ну совсем. Пустые земли! Как они тут охотятся, не пойму? — она кивнула на двух львиц, которые беседовали с веларийцами. В другую же компанию затесался Хасан, рассказывая, очевидно, какую-то шутку; все внимательно его слушали. Вообще же, львы Союза вполне дружелюбно и мирно беседовали с местными львицами. Местных львов не было.

Шаане отчего-то очень хотелось поболтать с ней, о том, о сём...

— Слыхала, о тебе только и разговоры, — перешла на таинственный шепот Аримала, словно опасалась, что их могут услышать. — Сказали, что ты на нее только посмотрела, а она тут же упала. Местные вообще стали тебя бояться, уже небылицы всякие рассказывают. Признаться, и мы не знали... Как так?

Шаана, не зная, что ответить, начала смотреть по сторонам.

— Мммм... Не знаю, что сказать...

— Ладно, ладно, не отвечай, и так не скажешь, — улыбнулась Аримала. — Скажи только: что с ней там?

— Не знаю. Должна оклематься сейчас... Впрочем, я на нее была очень зла, поэтому не знаю, что из этого получится, — печально сказала Шаана. — Не следовало этого делать... — добавила извиняющимся тоном.

— Да всё правильно! — махнула лапой Аримала. — Пришла, оскорбила ни с того, ни с сего, мне уже подробности рассказали. Правильно. Она чужая, Шаани, какое нам дело, что с ней будет? Нашла за что себя грызть. Пусть благодарит, что жива осталась.

Шамани только вздохнула, и ничего не ответила. «Нужно будет завтра пойти посмотреть, что с нею», — подумала она.

— Слушай, — Шаана подошла поближе к Аримале, и легла на землю, — всё тебя хочу спросить. Как у вас там с Халнасом?

— Так... — уклончиво ответила она. — Он хороший, но его воспитывать надо. Хороший... — Аримала положила голову на лапы, начав смотреть в сторону.

— Что ж вы не вместе? Прямо сейчас?

— А что ж ты сейчас не с Таву? — она хитро посмотрела на Шаану.

— Ну... вот, пару мгновений с тобой, и буду с ним, — улыбнулась Шаана.

— И я так же. Кстати, он уже всё?.. Иришу бросил? — любопытство светилось в глазах Арималы.

— Не знаю, — приврала Шаана. — Раз он... со мной, то наверное... бросил... Конечно.

Аримали немного подумала.

— Ну и правильно сделал. Вот глупая. Он так просил ее пойти, а она не сделала этого. Мне бы так. Я бы пошла, не глядя. А вы с ним хорошая пара.

— Да? Почему?

— Вы так страстно смотрите друг на друга. Вот я заметила: он никогда не смотрел так на Иришу, как на тебя, и вообще... чего он только с ней был? Она как ребенок, ну честное слово.

Шаана промолчала.

— Понимаешь, вот Халнас, — вдруг сказала Аримала, — он немного того... медлит. Он совсем не такой, каким себя выдает. Такое впечатление, что он меня боится, — с обидой в голосе говорила она. — Как будто ничего не понимает...

Аримали так и не договорила, чего не понимает Халнас.

— Ну ничего, — продолжила она мечтательно, — время-то есть, будет всё лучше... Знаешь, я стану его львицей. Мы принесем клятву. Если он будет вести себя хорошо.

— Что, серьезно? — тихо спросила Шаана, наклонившись к ней.

— Да. Только тсс, — Аримали приставила лапу ко рту.

Шаана закусилась себе правую лапу, что означало полнейшее молчание.

— Знаешь, нужно радоваться жизни. Вот и буду радоваться вместе с ним, будут у нас дети, а потом внуки. Жизнь хорошая штука, Шаани, правда?.. — посмотрела радостными, живыми глазами Аримала на нее. Шамани по инерции ответила:

— Да.

А у самой похолодело в груди. Она аж закрыла глаза от этого неприятного ощущения.

«Что это снова?.. Ну вот. Нет, обязательно пойду посмотрю утром, как Авлина поживает... Надо же, как я ее отделала, да еще при всех. Так нельзя, нельзя... Проклятье... Проклятье? Мда. Ифана, злобная, что тогда ты сделала со мной?..». Она

впервые за эти дни подумала о проклятье, Ифане, и ей стало грустно. Но страха нет. Она ведь сильна, с нею Анлиль, с нею Шелли и Нара, и с нею Таву.

— Что это с тобой? — Аримала заметила перемену в Шаане.

— Так, ничего, не обращай внимания.

— Ладно, сестра, — Аримали вылезла из своего лежбища, — ты сейчас ложишься спать?

— Да.

— Я тоже, иду только еще к той компании, — она указала на тех, кто собрался вокруг Хасана и Манару, которые что-то горячо обсуждали. — Спокойной ночи, сестра.

— И тебе, Аримали, и тебе.

«Где же мой Таву?», — подумала шамани, уходя прочь. Пребывая в беспокойстве, источник которого был настолько смутен и неясен, что она даже бросила попытки его найти, она расспрашивала, видел ли Таву кто-нибудь. Вскоре он вернулся, вместе с Тарной; оказалось, этим красивым вечером, когда в воздухе витали запахи трав, они решили немного сойти с ума. Нашли глубокий каньон, который тянулся на сотни-сотни прыжков; в нем было небольшое озеро, куда они и прыгали с высоты, рискуя разбиться о дно или камни. Да еще принесли с собой запах тины. Шаана, конечно же, начала журить их за это детское поведение, но они в ответ только смеялись.

— Вот это место, я понимаю! — говорил Тарна. — Завтра возьмем туда Хасана, непременно!

— Ну что же вы такие неосторожные? Как так можно... — Шаана подошла к Таву, уткнулась ему в гриву, в подбородок.

— Ой, постой, я мокрый весь, — молвил Таву, но было уже поздно.

Тарна немного постоял, помялся, а потом и сказал:

— Ладно, короче, спокойной вам ночи, — и Тарна подмигнул Таву, да так, чтоб Шаана не видела.

Так и остались они двое, закрыв глаза. Вдруг Шаана, неожиданно для него, начала плакать. Да что там плакать — рыдать. Всхлипывания всё больше и больше походили на вой, безумный в своей грусти. Таву подумал сначала, что это она так разволновалась из-за его выходки, и стало стыдно:

— Перестань, всё, не надо так переживать. Я не буду больше так...

Ей трудно говорить; она только покачала головой сквозь свои слезы:

— Нет... Нет... Дело... не в том.

Его начал охватывать страх, оттого, что могло случиться нечто непоправимое; но что же? Хотел расспросить, но почему-то не стал, и только целовал, успокаивал, гладил.

Оказавшись рядом с ним, Шаана чувствовала все нарастающую волну печали, которая возникла из смутной, тлеющей тревоги в душе. Но чувствовала себя рядом с ним безопасно и хорошо, и решила не контролировать, не останавливать эту волну, а просто поискать у него поддержки. Она ведь теперь не сама... Таких последствий сама не ожидала. Но ничего не могла с собой поделать. И она рыдала, не стыдясь. «Какой же хороший, какой молодец», — думала Шаана. Не стал настойчиво и суетливо расспрашивать ее, не стал задавать этот глупый вопрос: «Да что с тобой?». Он просто был с нею, не выпуская ни на миг, и только слушал ее стелания на своей груди.

— Мой Таву... Всё бессмысленно... Всё в этом мире, будь уверен. Будь! Для меня слишком много всего этого... Страдание. Жизнь — страдание... Все живые

страдают, и некуда... ууу... некуда деться. Слишком много для меня... слишком много. Не могу больше чувствовать... всё это. Нету уже сил... нет сил...

Таву только думал, какие ужасные вещи должны были приключиться, чтобы так вывести из себя его хорошую, улыбчивую Шаану, душа которой, казалось, всегда спокойна, как водная гладь. Ее контроль был безупречен, ведь она шамани. А тут...

Она знала, что говорит глупости; ей было стыдно оттого, что она так отпустила себя, отпустила хватку своего контроля; неведомым образом она знала, что ее воля вернется, как только пожелает этого; но не хотела возвращать ее. Таву оказался рядом с ней, и с ним (и ни с кем другим!) она могла позволить отпустить на свободу всё то, что давно уже просило выхода. Шамани, проживая жизнь, узнают много, значительно больше, чем остальные; они острее чувствуют жизнь, и скопление разных эмоций и мрачных впечатлений попросту неизбежно. Нарра ведь говорила ей, что иногда будут приходить беспричинная печаль, меланхолия, и даже слезы ручьями. Шелли подтвердила слова Нарры, загадочно назвав это «болезнью тех, кто начинает знать». Вот и ее первый приступ у Шааны.

Она успокоилась. Неудобно Шаане, стыдно. Они двое лежат, солнце почти спряталось за горизонт, посылает земле последние лучи. Она лежит у бока Таву и думает: «Вот, наверное, думал, что ждет его вечер, полный романтики и мягкости, и тут вот тебе — подарочек... Главное, что не спрашивает ничего, никаких жалких «Почему?». Какой молодец, какой хороший...», — и прижимается к нему еще сильнее.

— Какие слова ты говорила... — наконец, тихо молвил он. — Так и есть. Ты чувствуешь всё сильнее. Стоит ли удивляться...

Шаане оставалось только поражаться его проникательности. Она поднялась и села прямо напротив него. Поцеловала. Потом прижалась своей головой к его, нос к носу и глаза к глазам. Так им было необычайно хорошо; от мира нельзя уже чего-то желать, чего-то добавить или отнять. Таву почувствовал: он начинает понимать, что такое быть с кем-то единым целым.

Солнце зашло, и наступила ночь. Она, совсем успокоившись, чувствуя приятную расслабленность и опустошенность, уснула, оставив мысли на завтрашний день; он же долго о чем-то думал.

**

Все уж встали, умылись, полностью проснулись, попили и сделали еще много всяких дел; веларийцы и юнианцы во главе с Манару собрались в месте сбора прайда Сатарины. Пасмурный день, облака напозают одно на другое. Пора уж идти, а всех нету, кое-кто еще не пришел. Эта кое-кто — Аримала.

— Куда она делась? Куда делась?.. Ох, получит у меня! — взволнованно бубня себе под нос, бегал по окрестностям Халнас вместе с Таву и Тарной. Время от времени они звали ее, и рычали во всю мощь, давая о себе знать.

Манару пока вовсе не беспокоил, но пребывал в гневе. Да как так? Все собрались, и ждут на одну лишь Арималу. Ох, уж эти юнианцы!

— Семеро одного не ждут! — ходил он кругами в нетерпении, изредка поглядывая на оставшуюся здесь Шаану. Тут же и несколько веларийцев, остальные отправились на поиски.

— Она всегда так опаздывает? — уже в который раз Манару задал этот вопрос Шаане.

Холод в груди. Что ему ответить? Как-то всё равно, не до вопросов ей...

— Нет, нет, — отвечает шамани. — Она весьма пунктуальна, не знаю что такое случилось сегодня.

Ожидание томит. Беспокойство начало сменять гнев у Манару. Ненадолго отлучившийся Сатарина по возвращению тут же был допрошен с пристрастием, как и его двое сыновей, что неведомо откуда взялись.

— Не видали?

— Нет...

— А где тот, четвертый, а?

— Какой? — непонимающе смотрит Сатарина.

— С тобой вчера постоянно был, твой приятель или как там его...

— Ушел по делам. Манару, я прошу прощения.

— Тьфу! Катитесь!

Те ушли.

Манару всё менее выглядел рассерженным, и всё более обеспокоенным. Его добрые глаза не знали, куда и на что посмотреть.

Двое львов-чужаков, которые случайно в этот день шли к прайду Сатарины, попались веларийцам. После их пламенных и вполне правдивых заверений, что они никакой львицы не видели, их отпустили, и те быстро убрались восвояси. Наконец, спросили львиц Сатарины:

— Шла на юг, в сторону гор. Наверное охотиться, чего ж еще туда идти. Больше ничего не знаем...

Действовать, нужно действовать, поняла Шаана. Столько всего у нее получалось в эти дни, так что выйдет и это. Она сильна. Арималу надо найти сейчас же. Плохо, не нравится ей всё это, но Шаана этого никак не выказывает.

— Манару!

— Да? — он посмотрел на нее.

— Не знаю когда приду — иду искать Арималу. Пока не вернусь, не беспокойтесь и не ищите меня.

— Не хватало еще, чтобы ты пропала! — почему-то молвил Манару. — Нет, не надо идти.

Шаана близко подошла к нему. Опустив взгляд, тихо молвила:

— Пусть лев доверится шамани.

Он возражать не стал, ведь уже знал, что эта юная львица, проклятье, таки кое-что умеет. Веларийцы провожали ее взглядом, уходящую, а потом и сами отправились на поиски, оставив Манару одного.

Шаана хотела дерзнуть, бросить самой себе вызов, и войти сейчас в сновидение. Таким образом можно находить того, кого намереваешься; только это трудно, для этого надобится хорошее, тренированное внимание, отточенная сила воли. Никогда прежде она специально такого не делала, а случайно — бывало. Волнение велико, и всё может провалиться. Она убежала к топам, в надежде, что там никто не побеспокоит. Пристроившись под деревом, постаралась заснуть, а это трудно сейчас. Слишком много мыслей, много лишнего и постороннего. После долгой и безуспешной борьбы с собой, она, наконец, уснула. Приснилось, что она ходит по камням в реке, и очень боится оступиться. Обычный неконтролируемый сон. В очередной раз, когда ставила лапу на камень, вдруг вспомнила себя: «Сплю ведь!». Осмотрелась: картина сновидения тут же исчезла, и она оказалась в темноте. «Надо найти Аримали», — подумала она.

В сновидении мысли и слова это грозное оружие: они, как правило, тут же превращаются в намерение. Стоит лишь подумать, что нечто ужасное (на самом деле — всего лишь фантом ума), которое ты видишь в своем сновидении, совсем не

является таковым, то оно тут же пропадет. «Найти Аримали!». Она постаралась это прокричать — так лучше всего. Кто знает, хватит ли ей сил.

Вот мгновение назад она созерцала темноту, а теперь видит что-то непонятное, продолговатое, большое. Вокруг какие-то стены, земляные стены. Шаана знает, что видеть это — очень плохо; она точно это знает. Просто знает. Смутно всё... Эмоции начинают переполнять ее, она утрачивает волю, и просыпается с колотящимся сердцем.

Сновидела она не даром, ибо хотя и не ведала, где Аримали, но уже точно знала, что ее нету среди живых.

Незадолго до этого, ранним утром, Аримала ушла на охоту на юг. Угнетала вчерашняя неудача с охотой; кроме того, ни с того ни с сего разыгрался аппетит. Она никому ничего не сказала, куда ушла и зачем, ибо терпеть не могла отчитываться, куда идет. Это было еще родом из детства: мать постоянно спрашивала ее «Ты куда?», и всегда это ей было неприятно. Она, повзрослев, перестала отвечать на этот вопрос. «По делам». И всё.

Совсем недалеко, впереди, уже виднеются холмы. Ими и начинаются горы. Аримала решила взобраться на один из них, чтобы осмотреть получше местность — вдруг что интересное найдется? Так и сделала. Красиво! Слева, вдали, виднеется любопытная вещь — каньон. «Это о нем говорили Гарна и Халнас...», — подумала она. Свободная идти куда угодно, направилась туда.

Путь был не таким уж и близким, как показалось на первый взгляд. То тут, то там шмыгали по своим делам гиены — их было необычно много на этих землях, что ей решительно не понравилось. Когда пришла к самому каньону, то поразилась. Ого! Глубина эдак прыжков пять, не меньше! И ширина десять. Каньон весьма впечатлил ее. Помня по рассказу, что где-то здесь должно быть озеро, решила его найти. А охота подождет. И пошла вдоль обрыва, чтобы отыскать этот водоем.

А тем временем к Сатарине направлялось тринадцать молодых львов, во главе с Ширамом. Ширам — один из самых видных гунналов: сильный, умный, решительный. С ним шли десять львов из его прайда, и двое из прайда Венгари. Именно гунналы оставили своего осведомителя у Сатарины; именно через него планировалось уничтожить сначала всех веларийцев, а после этого разбить и Хартланд — главный прайд Союза. После этого скрыться, чтобы затем уничтожить остальные союзные прайды. Задача эта казалась безумной и нереальной, но недавно пришедший к власти у гунналов Адилу считал совершенно иначе. Союз был врагом для предков гунналов, и они воевали с союзными львами; сами они обосновались далеко, на юго-западе от Союза, и были там беспрекословными хозяевами. Адилу завоевал много земель и прайдов, отчего смог совсем недавно склонить к союзничеству два больших прайда, в том числе и Венгари.

Шла группа всю ночь, все порядком устали. Но нужно спешить, нужно забрать своего осведомителя, и вконец прижать Сатарину, чтобы с его помощью дезинформировать веларийцев.

— Подтянись! — оборачиваясь, сказал Ширам. Дисциплину он старался держать безупречную.

Уже вышли к каньону. Значит, Сатарина уже рядом.

Один из Венгари обратил внимание Ширама:

— Посмотрите туда — львица!

И действительно, по краю каньона шла львица, и к ней прыжков триста. Наверняка из прайда Сатарины, а потому она вполне может сгодиться. Расскажет, что да как, пока их не было. Тот старый уже вконец их всех замучил; когда они приходили в прошлый раз, так некоторые даже просились к ним, к гунналам. Ширам

подумал, что, может быть, сегодня стоит взять кого-нибудь помоложе да покрасивее. А почему бы и нет? «Думаю, старейшины и служители Мара против не будут...».

«О, великий Мар! Она неплоха!», — подумал Ширам, приближаясь к ней и начиная замечать ее красоту. Она уже заметила группу львов; хоть они шли прямо на нее, но, как ни странно, она не убегала. Это было непохоже на местных львиц: они боязливы и крайне осторожны; иная на ее месте давно бы удрала, а эта какая смелая — стоит, ждет. «Надо же...», — подумал Ширам.

— Разве ты нас не боишься? — немного насмешливо, немного игриво спросил незнакомку Ширам. Она стоит, и смотрит на него карим глазом, без тени страха, и даже с вызовом! Он заметил, как она высоко подняла подбородок, и глядит на них всех, немного отвернувшись (уже по хорошо выработанной привычке она старалась скрыть свой шрам от львов). «Какая надменность!», — подумал он.

— Что вам надо? — спросила Аримали. «Свободные. Проклятье, вот тебе и прогулялась...».

— Ты из прайда Сатарины? — этот вопрос Ширам задал скорее утвердительно, не сомневаясь в том, что это именно так. — Что тут нового?

В глазах львицы вспыхнули гордость и презрение.

— Нет, я не из его поганого прайда, — ответила она. — Извините уж, некогда мне.

И пошла дальше вдоль каньона. Справа от нее — обрыв, слева — львы. «Ох, надо же, какой характер у этой бродяжки. Не упустить!».

— Постой, ты откуда? — спросил Ширам, ничего не понимая.

— Чего тебе надо от львицы Союза? Тебе нужен Сатарина — вот ступай к нему.

Аримали поняла, что слишком дерзнула, сказав такое незнакомцам. Все они мгновенно переменялись в мордах, и она уловила, что кое-что в ее словах оказалось чересчур. Пожалела об этом, но что поделать: слова не вернешь назад, никогда не вернешь.

— Союзааа?!

«Союзные уже здесь! Но как? Почему?! Сатарина сдал нас?..», — мысли вертели свой безумный хоровод в сознании Ширама. Гунналы и Венгари моментально окружили ее с трех сторон. «Наверняка их тут очень много, иначе эта не разгуливала бы так вольно. Нужно с нее всё выбить о том, что тут происходит, немедленно!».

«Проклятье, эти ненавидят Союз. Пора бы удирать...», — подумала Аримали. Но удирать некуда, ведь ее тут же окружили.

— Хватайте ее!

Аримали поняла, что судьба ее будет ужасной. Эти чужаки наверняка сейчас поглумятся над ней, а потом убьют, как оно часто бывает. Она угрожающе зарычала на приближающихся львов. Но силы слишком неравны. Некто набросился на нее, и она успела оставить глубокие раны от когтей на его морде. Но немедленно была прижата к земле.

— Так, держите ее хорошо! Она нам нужна! — крикнул Ширам. Сейчас он всё разузнает о том, что делают здесь союзные львы. Допрашивать он еще как умел.

Аримали хотела зарычать, чтобы дать знать о себе, позвать на помощь, но не вышло, вырвался только сдавленный хрип. «Дура, почему раньше этого не сделала!».

На нее навалились двое львов, потом они ослабили свое давление и хватку, видимо, посчитав, что ей некуда деваться. Есть куда деваться, львица прайда Юнити не позволит с собой сделать такого, не стерпит позора, не дождетесь...

Она вырвалась на волю и оказалась на краю обрыва. Мельком посмотрела вниз — далеко внизу земля, камни. Остался только один выход, один, иного выбора нет... Уцепиться что ли в одного из этих, и взять за собой? Нет, еще сильнее прижмут, и уже вырваться никто не даст.

— Да держите же! — Ширам был вне себя. Не могут справиться с львицей! — Не сопротивляйся, выхода нет!

— Выход есть всегда, жалкий поедатель падали. Смотри, как... — она не договорила, ибо на нее снова набросился один из львов. Смелый. Рядом-то обрыв. Очень больно он ударил ее в бок; медлить нельзя. Аримала, больше ничего не говоря, сделала шаг в пропасть, туда, где внизу ее ждали только камни, и больше ничего.

Прошло несколько мгновений. Все, пораженные поступком этой львицы, склонились и начали смотреть вниз с обрыва. Без сомнений, та была уже мертва. Уж такого не ожидал никто.

— С ума сойти... — жалобно простонал кто-то.

Ширам только тихо молвил:

— Это не местная. Это — союзная львица...

Один из Венгари растерянным взглядом смотрел на своих друзей:

— Подозреваю, с ними будет трудно справиться, если они... все такие.

Он впервые в жизни сталкивался с союзными львами, как и большинство здесь; такое начало не сулило никому из них ничего хорошего.

Ширам понял, что им нужно убираться отсюда. «Наверняка они уже раскусили Сатарину, и убили Нару», — подумал он. Сбитый с толку произошедшим, он сперва пришел именно к такому выводу, хотя, на самом деле, всё было далеко не так. Задумавшись, он стоял на месте. Возле него собралась его группа, и пожирала глазами в ожидании решения, как действовать дальше. «Вполне возможно, что всё не так плохо, и Сатарина нас не сдал, а Нару жив. Но, в любом случае, союзные здесь, и нам нужно отсюда уходить, поскорее уходить».

— Уходим, быстро, — кратко скомандовал он, и все они спешно ушли на юго-запад, домой, в путь через горы. Ширам немного сомневался в своем решении, но его интуиция подсказывала, что нужно убегать оттуда. Кроме того, союзные начнут искать ее, рано или поздно. Нет, надо уходить.

— Почему она сделала это? — спросил один из гунналов.

— Давайте подумаем все вместе, — громко рассуждал Ширам. — Объяснение тут одно: она не хотела сдать своих. Так? Так. Она знала, что мы будем ее допрашивать. Откуда она узнала, кто мы? — спросил у всех. Группа, конечно же, почтительно молчала и ожидала ответа. — Ну конечно же! О, великий Мар!

— Что? Что?

— Сатарина, несомненно, нас сдал, — Ширам плюнул. — Более того, подозреваю, Нару не спасся, и ему пришлось выдать нас. Мда... скорее всего, так. Подумайте, зачем ей было убивать себя, если она просто увидела неких львов? О, нет, она знала, кто мы! Союзные здесь, их много, и они, самое страшное, знают всё...

Все согласно кивали головами. «Голова наш Ширам!».

— ... Плохо, очень плохо. Нужно спешить, шире шаг!

— Всё правильно. Но слишком мало сведений. Всё это лишь догадки, — это сказал умный Вагис, сын слугителя Мара. — Слишком далеко идущие выводы.

— Да уже достаточно, мне всё ясно! — яростно сказал Ширам. — Не хватало нам самим попасться! — он кидал недобрые взгляды то на небо, то на землю, следуя в авангарде группы. И вдруг тихо добавил:

— Пусть покоится душа Нару! Мар, прими его душу.

— Прими... — нестройным хором ответила группа.

— В общем, мы провалились. Молитесь, теперь нам придется несладко в любом случае.

Шаана быстро вернулась к своим; Арималу еще никто не нашел. На поиски были отправлены даже львицы Сатарины, которых заставили бросить все дела. Манару становился всё мрачнее и мрачнее, около него висела угрожающая тишина; отправились на поиски все, кроме него и еще двух веларийцев. Сатарину они ни на шаг не отпускали, так, на всякий случай. «Куда же исчез тот Нару...», — вдруг подумал Манару. Не понимая, что происходит, всё же смутно догадывался, что это как-то связано с ним.

Хоть Шаана и уверена в том, что Аримали уже нет, но доказательств нет, поэтому опрометчиво что либо утверждать.

— Ну что там? — спросил Манару, когда она прибыла назад.

— Ничего, — соврала Шаана. Отвернулась, чтобы никто не видел слезы.

Тут же пришел Хасан с Тарной. Хасан подавлен и трагичен, глаза его растерянно смотрят на мир.

— Еще нету? — спросил спокойно Тарна. Хасан молчал.

— Нету. Пока, — фальшиво-оптимистичным тоном ответил Манару. — Остальные пока что ничего не нашли, — Он повсюду старался выделить это приятное для уха слово — «пока».

Тарна с Хасаном, ничего не говоря, ушли дальше.

— Я с вами! — внезапно сорвалась с места Шаана и присоединилась к ним.

По дороге сильно спорили, куда им податься, куда идти искать пропавшую; наконец, Шаана предложила направиться к каньону, Тарна и Хасан согласились.

Когда подошли достаточно близко — прыжков сто — Шаана сразу заметила стервятников, которые парили, летели вниз, к каньону. «Всё понятно». Что правду скрывать, каков смысл?

— Побежали, это там.

Помолчав мгновение, добавила:

— Ее уже нет.

Ее компаньоны ничего не ответили, только переглянулись. Потом снова перевели взгляд на Шаану, словно ожидали, что она вдруг заберет свои слова назад, сказав эту глупость по нелепой ошибке. Но слова назад не забирались, а смысла не верить ей нету — она знает... Оттого они побежали быстрее; Хасан первым полетел вниз, по крутому склону каньона. Он поцарапался о камни, но совершенно не заметил такой ерунды. За ним, уже осторожнее, спустились Тарна и Шаана. Она уверенно пошла направо, они проследовали за ней. Шаана и Хасан одновременно увидели тело Арималы. На мгновение остановились, поддавшись обычному в таких случаях замешательству.

— Ну вот... — обреченно молвила Шаана. А ведь утро не предвещало ничего плохого! Только эти ощущения, только этот холод вязко сидел в ней, и не давал спокойно жить.

Снова сорвались все трое с места, и подбежали к Аримале. Несомненно, упала с высоты — но почему? Пока Хасан и Шаана сидели в ступоре, Тарна не дал охватить себя параличу, хотя и ему было невыносимо печально. Обошел со всех сторон, и заметил на боку следы от когтей.

— Когти... Тут, — его голос изменился, стал хриплым, неприятным. — Вот тут.

Он указывал лапой на то место, но Шаане и Хасану было всё равно. Она заплакала, он же не плакал. Подошел вплотную к ней, посмотрел вверх. Высоко, прыжков семь-восемь... Упала прямо на камень, как же неудачно.

Аримали была очень близким другом для всех них, и много больше, чем другом, для Хасана. Он не смел плакать; только обнял, и поцеловал. Такова традиция, и ему жизненно важно проститься с ней, ибо больше никогда ее не увидит. То же сделали Тарна и Шаана.

Во всю свою мощь Хасан издал рык, подхватили его и друзья. Вскоре прибыли и все львы Союза.

**

Юнианцы и веларийцы резво идут назад, к себе домой; уже вечер. Все молчаливы и серьезны.

Сатарина сбежал, узнав о смерти Арималы, опасаясь за свою жизнь. Конечно же, обвинят в произошедшем его, хотя он не имел к этому отношения. В неизвестном направлении исчез и Нару, осведомитель и шпион. Впрочем, союзные не стали искать их всех, а просто ушли к себе домой, чтобы зря времени не тратить. Нужно немедленно сообщить Ваннарену, что творится тут неладное, а там дальше видно будет. Манару понял, что после этих событий никто не согласится держать Сатарину под боком, и веларийцы, наконец, пойдут на юг, чтобы отомстить.

Хасан печален и зол, его обычное хорошее настроение улетучилось без следа. Теперь он выглядел так, словно терпел ноющую боль, смотрел на всё недобро, исподлобья.

— Что есть смерть, Шаана? — вдруг спросил Тарна. Таву, идя рядом с ним, покосился в удивлении.

— Прекращение осознания, — ответила она. Слезы ее уж иссякли, шла она рядом с Таву, ни о чем особо не думая.

— А знаешь, мне всё мама рассказывала, — продолжил Тарна, — что мы лишь только часть большого круга жизни. Умрем мы, но будем жить в траве, в других, в земле... — по интонации было понятно, что эта тема глубоко трогает его. Он осмотрелся вокруг. — И вообще, вдруг смерть — это еще не конец? Всё может быть, кто знает.

— Какие темы ты поднял, тем более сейчас, — изрек грустно Таву. — Ну это, оставь...

— Нет, подожди. Всё же? Что шамани об этом думают? — оживился Тарна, словно ожидал какого-нибудь утешения. — Шаана, скажи честно, это важно.

— Ты хочешь знать, что шамани думают о смерти?

— Да.

— Что ж. Идея о круге жизни, конечно же, привлекательна для тебя, для нее и вообще для всех. Но дает она лишь чувство ложной уверенности и безопасности, заставляя тебя думать, что ты бессмертен. Что касается шамани, то они учатся думать о смерти и осознавать ее. Если ты осознаешь свою конечность, много ненужного и неважного попросту исчезнет из твоей жизни... Надеяться на что-либо после смерти, или тешить себя чем-то — нелепо. Мы смертны все, и таков наш удел. Шамани учатся осознавать близость своего конца, — Шаана говорила медленно, подбирая слова.

— Так считают все шамани? — спросил Тарна.

— Так считаю я, и большинство из нас.

— А всё же, что же происходит, когда кто-то умирает? Что он или она чувствует?

— Никто не знает ответа, даже шамани. Когда будем умирать, узнаем...

— Чушь всё! Чушь! Болтовня! — внезапно вспыллил Хасан. Он яростно посмотрел на Шаану, на Тарну. Потом плюнул на землю. Никто ничего не ответил на его внезапный выпад. — Болтаете только! — он пнул камень, который ему попался под лапы. Тот был весьма велик, и Хасан неслабо ушиб о него лапу, и начал прихрамывать.

— Халнас, не надо... Такова судьба, — подошла к нему Шаана.

Тот посмотрел на нее так, словно собирался ее ударить; но потом огонь в его глазах угас.

— Отомщу, Шаана, отомщу. Всем подряд, всему миру. Обещаю...

— Мы все отомстим, — ответила она. Что-то надорвалось из-за смерти Арималы; мрачность и фатализм начали одолевать ее. На ходу обернулась и посмотрела на Таву, подумала о том, как он дорог ей. Он уловил взгляд, чуть улыбнулся, и его улыбка не умещалась в ее печали.

Утром следующего дня пришли в прайд Велари. Узнав печальные новости, Ваннарен был вне себя, и лично отправился в Хартланд, чтобы обсудить с конунгом Кигали сложившуюся ситуацию. Пополудни Хасан, Тарна, Таву и Шаана отправились домой, ибо ничто их не задерживало у веларийцев.

По дороге назад Шаана мельком вспомнила, что обещала пойти с беременной Леари к Анлиль, и ее расстроило, что она забыла об этом. Шамани должны держать слово.

**

Четверка юнианцев шла домой понуро, молча. Шаана и Таву были неразлучны. Она втайне тихо радовалась, что наконец в ее жизни будет тот, кто искренне любит ее. Он же был более задумчив, чем обычно — всё обдумывал, как сказать Ирише грустные новости. Думал так и эдак, подбирались фразы и варианты ее ответов; у него аж разболелась голова от этих раздумий. «Впрочем, я ей не слишком-то и нужен был, так что переживать не о чем», — к такому выводу он пришел наконец, и постарался забыть об этом. Но не вышло.

Тарна пребывал в своем обычном состоянии — в ненавязчивом безразличии ко всему миру. Только нечто неуловимое, не то иная, усталая походка, не то потупленный в землю взгляд — выдавало его внутренние переживания, в которые он ушел с головой и гривой.

А с Хасаном решительно невозможно говорить — он тоже ушел в себя. Только иногда выдавал бессмысленные фразы, назначенные неведомо кому:

— Как же я теперь?

Или:

— Ничего, ничего...

Казалось, спятил.

Они пришли к себе домой, в прайд Юнити, на следующий день. Сразу направились к Таару, сопровождаемые небольшой толпой тех, кто успел заметить их прибытие. Тут же всем, на полпути к пещере дренгира, сообщили трагическую новость о гибели Арималы, что огорчило всех — был издан протяжный прощальный рык. Мать Арималы была на охоте, и узнала о произошедшем немного позже, вечером.

Посмотреть, кто и зачем рычит, вышел Таар.

— А, это наши путешественники пришли! — радостно воскликнул он, но осекся, ибо понял по скорбным лицам и глазам, что его радость тут совершенно неуместна. Глаз у него наметан, и он сразу заметил, что Арималы среди вернувшихся нет. Спросил, предчувствуя недоброе:

— Что случилось?

Ответил Таву:

— Аримала погибла, — и в полной тишине рассказал, как всё произошло, и что никто не знает, кто и зачем убил ее. Потом еще сообщил о неожиданной смерти Харлана.

Когда все разошлись, Шаана ушла искать Шелли. А Таву, только направившись в Общую пещеру, наткнулся на Иришу. Она только-только пришла, и еще не знала, что он вернулся. Радостно вздохнув, стремглав кинулась к нему. Таву растерялся, совершенно не представляя, что будет делать — не ожидал от нее такой радостной встречи. Весь план, предварительно обдуманый и всячески аргументированный, собственно, рухнул.

— Таву! Как же я тебя ждала! — она бросилась ему на шею.

— Да... Но, видишь ли... — неуверенно начал он. В душе зашевелилась жалость, чувство ответственности за нее. «Но ведь так нельзя», — начала вопить совесть.

— А ты даже не знаешь, какие у меня для тебя новости, — молвила Ириша и радостно поцеловала его. Глаза ее светились, и она крутилась на месте. — Всё уже в прошлом: отец больше не против того, чтобы я была с тобой! Всё просто отлично, понимаешь? У меня с ним был длинный и серьезный разговор, знаешь... — и потрепала его лапой по гриве. — Всё уже в прошлом, — и снова поцеловала его.

— Да, это конечно же...

— Он сказал, что хочет с тобой повидаться. Так что мы сегодня к нему пойдем! Ты меня прости, — она прикорнула к нему, — что не пошла тогда с тобой, — она вздохнула. — Боялась я, за тебя... за себя тоже. Отец бы пришел в ярость от моего непослушания, понимаешь? — спросила Ириша и посмотрела ему в глаза.

Таву понимал, что нужно говорить сейчас или никогда. Нужно решиться, нельзя никого мучить, особенно тех, кого ты когда-то любил! Но не тут то было. Он не мог поступить так жестоко с той, которую любил, а теперь вдруг решил бросить. Тут, неведомо откуда взявшись, подошла и Ланна, мать Ириши.

— Здравствуй, Таву!

Момент был безвозвратно утрачен. Таву испугался хода своих новых мыслей, словно думал не он, но, казалось, они живут собственной жизнью. «Ничего у тебя не получится, ничего... Всё зашло слишком далеко. Да, и если хорошо подумать, что же делать с шамани? Как с нею жить?». Таву постарался отогнать последнюю мысль, как кощунственную и низкую, но она уже прочно завладела им. Он совершенно не слушал, что болтали мать и дочь, и вместо этого в который раз предался рассуждениям. Как-то самим собой нашлось и оправдание: он просто поддался увлечению. Ну с кем не бывает, ведь правда? Да. Правда.

Завладела им Шаана, пора и отдавать... «Я смогу всё объяснить, дела не так уж и плохи, как кажется», — подумал он. Он закрыл глаза, и тут же ясно увидел глаза Шааны. Нет, это невозможно вынести, и он сразу открыл глаза. Перед ним стояла Ириша, радостная и готовая быть с ним. Таву впился когтями в землю: глубокая часть его еще сопротивлялась, билась, и не хотела отдавать Шаану. Ведь он действительно ее любил, он действительно бредил этим запахом, этим всепоглощающим взглядом, этой красивой темной шерстью...

Но обыденность, чувство неловкости и долга, а еще страх победили его глубокую часть.

И он потерял носом о шею Ириши.

Вечером того же дня Таву пригласил Шаану пройти с ним по западной тропке. Он заранее решил, что будет вести себя прямо и честно, как и полагается льву,

безо всяких там увиливаний и непонятной мути многих слов. Шаана чувствовала в нем сильное смятение, неуверенность, и это насторожило ее, но решила не расспрашивать и не торопить события.

— Понимаешь, Шаани... — начал он. — Нет, не так.

Шаана заметила, что они идут как-то врозь, он слишком далек от нее. Расстояние между обычным и близким так невелико, но сразу заметно.

Он избегал смотреть в ее глаза. Они остановились на дорожке.

— Что?

— Прости меня, но я должен тебе это сказать. Мы с Иришей помирились, и мы вместе. Прости, я не могу ее бросить. Я не хотел, чтобы так вышло... — осознавая, что несет полную чушь, всё же продолжал: — Не хочу тебя обманывать, это будет несправедливо.

Хотел еще что-то добавить, но не хватило воздуха в легких и сил. Он никогда бы и подумать не мог в своей жизни, что слова могут даваться с таким огромным трудом. Она слушала его, а выслушав, не сказала ничего. Ни упреков, ни слез, ни злости — ничего. Таву сделал попытку посмотреть ей в глаза, которые смотрели прямо на него, и тут же отвел взгляд в сторону. Невыносимо.

Открыл было рот, чтобы сказать еще что-то:

— А...

Но она молча, тихо, прикрыла его рот лапой, но не резко и порывисто, а мягко и плавно. Перестала смотреть на него, перевела взгляд в землю. Таву почти физически ощутил, как она страдает, хотел что-то сделать с этим, но не мог, потому что поздно. Он понял, что это воспоминание останется навсегда, и он на всю жизнь получил камень в груди.

— Попрощайся со мной...

— Но Шаани, зачем? Ведь мы будем видеться с тобой, живем-то в одном прайде? Мы ведь останемся друзьями, так зачем?..

— Не хочешь со мной попрощаться? — только теперь в ее голосе появилась укоризна и обида. — Разве не хочешь?..

Он немного помолчал.

— Ну, тогда... Прощай, — и не зная, как правильно поступить дальше, отошел на несколько шагов, собравшись уходить. «Куда!», — вопила из последних сил его часть. «Стой! Подойди к ней, но не от нее! Взгляни в последний раз в эти глаза, ощути в последний раз ее тепло и страсть!..». Этот внутренний голос вдруг ослаб, померк, и окончательно погиб.

Ему очень не хотелось отходить, но он понял, что пребывание здесь принесет только еще больше колебаний. Нужно действовать решительно, не оглядываясь и не оставляя путей для отступления.

Их глаза встретились. Таву на всю жизнь, до самого ее конца, запомнил этот взгляд, полный боли и печали. Глаза Шааны ведь гораздо красноречивее всех остальных глаз, и если шамани любят намного сильнее, чем остальные, то и страдают глубже.

— Прощай.

Он медленно ушел, а она осталась на месте.

Немного позже, весь прайд попрощался с Арималой и Харланом. Все издали долгий рык, от которого шли мурашки по телу и навевались мысли о тщетности всего.

Рано поутру к Таару прибежала посыльная из главного прайда, но ничего с собой она не принесла. Она вбежала в пещеру, по пути чуть не сбив с ног Нарру, которая приходила к дренгиру спросить, не видел ли он Шаану, которая неведомо куда делась этой ночью. Выяснилось, что нет, не видел. Не успел толком Таар осмыслить эту новость, как появилась другая:

— Здравствуй, дренгир Юнити! Мне велено срочно передать сообщение от конунга!

— Я слушаю, — он наострил уши. Дело явно срочное. — Постой!

Осмотрелся, на всякий случай. Всё хорошо, в пещере уже никого не было.

— Да, так что там?

— Кигали велел передать следующее, — она старательно выговаривала слова.

— Конунг весьма недоволен появлением Венгари на наших западных границах. Он сказал, что уважаемый Таар проявил несвойственную ему беспечность и недалекость в вопросе с Венгари. Он считает их опасными, и лично отправился к прайду Юнити, чтобы вместе с вами совершить поход на Венгари. Конунг будет здесь завтра утром, и с ним сорок голов. Нужно готовиться к походу, — и она закончила. Но спохватилась: — Да, еще новости. Веларийцы ушли на юг, по приказу Кигали. Сатарины уже не будет, — улыбнулась она.

Это более, чем неожиданно. Таара это сообщение даже обозлило — он хорошо разбирался в ситуациях и в том, кто есть кто. Он считал, что идти на венгарийцев неразумно, ведь вместо неплохих соседей можно получить плохих врагов. Кроме того, Таар не совсем понимал самой цели похода. Прогнать Венгари? «У Кигали лапы зачесались, для похода?», — старался подобрать объяснение Таар.

— Цели похода не знаешь? Что у вас там вообще творится, в Хартланде?

Всегда полезно спросить мнение посыльной, знал Таар.

— Ну... Насколько я знаю, ему очень не понравились эти Венгари, да еще тут ситуация у Сатарины. По-моему, всё серьезно, Таар. Конунг узнал нечто, и этим был очень взволнован, сама видела, — она непонятно почему перешла на шепот.

— Дела... — Таар в раздумьях прислонился к стенке пещеры.

А тем временем Нарра и Шелли встретились неподалеку от пещеры Таара.

— Дренгир что-то знает о Шаане? — спросила Шелли.

— Нет, — кратко ответила Нарра.

— Понятно, будем искать.

Нарра замахала лапой:

— Ты всё преувеличиваешь. Вдруг ей нужно уединение.

— Плохие предчувствия. Да и ее отец меня извел: «Только на мгновение пришла ко мне, сказала, что скоро будет, а сама пропала на целую ночь. Такой грустной ее никогда еще не видел...». Я знаю, что Шаана никогда не врала отцу, о том куда и надолго ли идет.

— Аааа... — Нарра снова отмахнулась. — Всегда опекаешь ее как маленькую, а Шаана, между тем, уже всё... — что «всё», Нарра не договорила.

Шелли ничего не сказала, и уже собралась уходить, как тут появились из-за большого камня Шаана и Иримэ. Две наставницы сразу почувствовали большую перемену в Шаане. Она больше не улыбалась миру, ни внешне, ни внутренне.

— Отец о тебе волнуется, Шаана, — молвила Шелли. — Где ты была? Уже хотели тебя искать!

— Я к нему уже заходила, всё хорошо, — примирительно ответила она. — Я так, немного гуляла ночью.

Шелли начала уходить, и пригласила за собой Шаану кивком головы:

— Пошли, нам нужно поговорить с тобой.

Она так и поступила, а Иримэ ушла по своим неведомым делам, поняв, что может только помешать. Ушли они совсем недалеко — только зашли за камень. Никого рядом не было.

— Расскажи нам, что случилось? — спросила Нарра. Ее глаза, как и Шелли, излучали участие.

— Ничего особенного, — лаконично и твердо ответила Шаана.

— Шаана... — укорительно молвила Шелли. — Давай не будем играть в прятки. Перемена в тебе весьма существенна, и нам с Наррой она не совсем нравится.

— Не могу я в эти дни быть радостной. Арималы больше нет.

— Твой новый настрой мало связан со смертью Арималы, — молвила Нарра. — Хотя я согласна, ты вправе теперь делать такие вещи. Так что беспокоиться особо не о чем, — Нарра выразительно посмотрела на Шелли. Но та словно не заметила этого укоризненного взгляда.

— Вот видите...

— Не вижу, Шаана, может Нарра и видит. Что с тобой?

— Боюсь, что нет, ничего я пока не скажу. Некоторые вещи я предпочту хранить в себе. Вы тоже слишком многое хранили от меня в тайне, и не только от меня, а еще от Аврины и Иримэ. Так что, думаю, я могу кое-что не говорить и вам.

Шелли и Нарра переглянулись, а потом заулыбались. Это разозлило Шаану, чего она сама не ожидала — никогда прежде она не раздражалась на своих наставниц.

— Ну, скажем так, многие вещи для Аврины явно не пойдут на пользу, — со смешком молвила Шелли. — Хотя так говорить нельзя, но уже поздно, слова не вернешь. Всему свое время, ты ведь знаешь это. Я даже удивляюсь твоим словам. Тебя что-то мучает, Шаана, и нам нужно вместе разрешить эту проблему.

— Нет, ничего не нужно решать. Я сама.

Нарра подошла к Шаане вплотную и внимательно посмотрела на нее.

— Ты сновидела в эти дни?

— Да, — с некоей долей вызова ответила Шаана.

— Почему ты ослушалась? Тебе нельзя сейчас, и ты прекрасно знаешь почему. Вот видишь, такая глупость, как проклятье, всё же гнетет тебя.

— Оно тут ни при чем, — уверенно ответила Шаана. — Я вообще о нем давно забыла.

— При чем, конечно же, при чем, — это сказала Шелли. — Мы тебя не узнаем, и это весьма беспокоит. Мы даже подозреваем, что именно есть источник всех твоих несчастий, — она так же подошла вплотную.

«Обступили... Повлиять на меня вздумали, точно!», — с тем же, незнакомым ей прежде раздражением, подумала Шаана. Сейчас весь мир ей не мил.

— И какой же источник? — немного наигранно спросила Нарра.

— В таком-то возрасте... — загадочно молвила Шелли. — Что еще, как не любовь и всё с ней связанное. Не так ли, Нарра?

— Совершенно верно, сестра, — подхватила она. — Совершенно верно.

Шаану же утомляла их незатейливая, неприкрытая игра. Шелли положила лапу на ее плечо.

— Шаани, не надо терзать себя, ты ведь шамани. Это со всеми в юном возрасте бывает, со всеми. Не будь так поглощена миром.

— Оставьте... — только и ответила она. — Не надо.

Шаана всё смотрела то в землю, то в сторону, то куда-то вверх. Наставницы же явно искали ее взгляда, чтобы помочь. Наконец, Шелли поймала ее взгляд; Шаана

уже отворачивалась, но та лапой вдруг придержала ее подбородок. Это ужасно не понравилось Шаане. Наставница начала говорить:

— Мы поможем тебе, Шаана, поможем, несомненно поможем. Твои тревоги и страхи пусты и нереальны, как и все тревоги и страхи на свете...

Нарра также стояла рядом, и пристально смотрела на Шаану.

«Ну какой подлый и дешевый приемчик! Да как они вообще могут! Всё так не будет...», — Шаана сразу поняла, что ее пытаются банально завлечь и успокоить обычным способом, который применяют шамани. Она вырвалась, и отошла на три шага назад. Ее наставницы теперь казались назойливыми; она сама не могла толком объяснить почему, но сдержаться уже не могла:

— Вздумали меня жертвой сделать? Сейчас, ага! Оставьте меня в покое... Я же вас просила!

Шаана решительно развернулась и быстро ушла прочь. Шелли и Нарра сидели молча, были серьезны и строги. Нарра неодобрительно качала головой, пару раз вздохнула. Шелли внешне оставалась спокойной.

— Плохие предчувствия, — только и сказала она. — Дела идут не так, как надо, — добавила потом.

— И это наша лучшая ученица, — с тенью раздражения молвила Нарра. — Плохо!

— Слишком много свалилось на нее одновременно, — как бы оправдывалась Шелли. — Уверена, сегодня она придет извиняться, так что далеко уходить не надо, — улыбнулась она, и посмотрела на Нарру. Но та совсем не разделила ее улыбки.

Потом они молча ушли прочь. Их ждало еще много разных дел.

Таар тем временем обдумывал, что ему делать дальше. Ведь поход — дело сложное, трудное, особенно если в нем принимают участие около сотни львов и львиц. Нужно выбрать правильное время для начала похода; нужно перед ним наесться до отвала, и отдохнуть, ибо не будет времени охотиться; часто одна большая колонна разделяется на несколько маленьких, параллельных, и в этом случае нужно всем одновременно придти в точку сбора. Много забот.

Он вызвал к себе своего верного помощника и друга Дралана, а также ярлов, и вместе с ними начал обсуждать многочисленные важные вопросы. Стали нужны порученцы, и ярл Лагнал выбежал на камень около пещеры. Не было никого, кроме Халнаса, который одиноко брел куда-то по своим делам через место собрания прайда.

— Хасан, пойдика сюда!

Тот мигом влетел в пещеру дренгира. Его одолевала хандра и тоска, и перспектива заняться хоть чем-нибудь, быть полезным, немного обрадовала его. Таар тут же начал давать ему указания:

— Итак. Первым делом беги к Алири, мне она срочно нужна. По дороге постарайся найти Киррена...

— Он на Северных скалах должен быть, — вставил свое слово Дальвар.

— Беги, Халнас, давай...

«Давно по имени дренгир меня не звал», — подумал Хасан. Выполнив всё то, что ему поручили, мгновенно вернулся назад. Начисто забыв о нем, старейшины спорили, когда нужно выступать в поход; Лагнал вообще настаивал на том, что нужно сначала разведать что да как, а уж потом принимать какое-либо решение о походе, ибо ему непонятна такая спешка конунга.

— Нужно подойти к делу серьезно! — махал он лапой.

Хасан сидел, и всё слушал. Он не понимал, чего же они сидят и спорят, если всё равно придет конунг, и все будут делать то, что он скажет. Ему не терпелось уй-

ти в поход, ибо только он мог развеять, хотя бы ненадолго, его страшную в своей безысходности печаль.

Денек сегодня обещал быть беспокойным и богатым на события. Послышались громкие голоса и шум извне пещеры. Таар и ярлы утихли и прислушались к звукам. Тут в пещеру вбежала львица, вся в пыли, взъерошенная, глаза горят безумием. Никто не узнал ее сначала, даже Таар.

— Дренгир, выслушайте меня!

Он узнал это «выслушайте», он узнал ее голос. Конечно же, это Шивисена, из трайба Венгари.

— Шивисена, какими судьбами? — признаться, Таар был немало удивлен.

За ней вбежали еще два льва, это были юнианцы.

— Как ты смеешь... без спроса вбегать... в пещеру дренгира? — с одышкой, тяжело и угрожающе сказал один из этих львов; это был молодой Рагнар. Шивисена в нерешительности прижалась к каменной стенке пещеры; она не знала, как себя вести и что делать дальше.

— Рагнар! — одновременно крикнули на него Таар и Дальвар. — Оставь ее, всё хорошо, — это уже молвил сам Таар.

Тот понял, что его бдительность сегодня сыграла с ним плохую шутку, и он, извинившись, отошел в сторонку, всё еще с подозрением разглядывая Шивисену.

— Таар! Прошу тебя, разреши моим детям и еще трем львицам придти к вам в прайд! Они здесь, — она махнула лапой. Ее тон был умоляющим: — Они тут, просто ваши не дают им пройти, не было времени для объяснений, мы очень спешили... — она говорила быстро, прерывисто, волнуясь.

— Рагнар, немедленно беги и скажи, чтобы тех спокойно впустили в прайд, — приказал Таар.

Дренгир подошел к ней, остальные остались на месте. Участливо положил лапу на ее плечо.

— Что случилось, Шиви? — смотрел на нее, ища взгляда.

— Нам нужна защита. Я со своей семьей и немногими смогла убежать...

— От кого?

— Десять... нет. Одиннадцать дней назад в наш трайб пришли гунналы...

В пещере сразу все зашевелились, встали. Как только все услышали слово «гунналы», стало понятным решение конунга. Видимо, что-то он таки подозревал. Повисла мертвая тишина.

— ...и потребовали от нашего правителя союза с ними. Тралис отказался сначала, но их пришло слишком много; их главарь, Адилу, начал угрожать. Прайд разделся на две части: первая считает, что нужно идти в поход против Союза с гунналами и Адилу, вторая, меньшая, считает... точнее, считала, — Шивисена оскалилась, но потом понурилась, словно навалилась большая тяжесть. — Тех, кто не был согласен, а это львы и львицы высокого рода, убили. Нам удалось спастись, случайно. А некоторые, низкого рода, даже рады такому обороту событий. Мол, равноправие теперь... Никогда бы не подумала! Позор нам...

— Гунналы, говоришь? А сколько их?

— Много. К нам пришло около сотни, Адилу остался у нас. Не знаю даже, как выдержат наши земли, всем еды не хватит, — качала головой Шивисена, — мой лев погиб, и теперь я не знаю, что делать дальше. Некуда нам больше бежать, Таар! — она посмотрела ему в глаза. — Наша судьба в твоих лапах.

— Тогда оставайтесь пока у нас. Мы вообще-то собирались идти в поход, на вас... Потому что подозревали, что у вас гунналы, — Таар моментально уловил взаимосвязь всех последних событий.

— А гунналы собрались ударить по вашему прайду, вместе с моим трайбом, — горестно вздохнула она. — Точнее, с тем, что от него осталось. Жалкие духом, не могу в это поверить! Они отдали себя врагу просто так! Всем нам уготовано презрение потомков, — казалось, она заплачет. Но этого не происходило — она держалась.

К Таару подошел Лагнал:

— Это вносит некоторую ясность.

Шивисена, справившись с собой, продолжила:

— Сначала они искали лазейки на ваших южных границах. Туда даже отправили группу, в нее, кстати, входил и Игнал. Он сразу почуял, откуда и куда дует ветер, — усмехнулась она, — и сразу принес клятву верности гунналам. Проклятое отродье, с их глупым культом и служителями. Фу! — фыркнула в презрении. — Но у них там ничего не вышло. Ваш прайд, забыла его название, простите...

— Веларийцы? — спросил Таар.

— Именно. Да. Насколько я знаю, гунналы искали связей с местным прайдом, с которым веларийцы были в хороших отношениях. Только им не повезло — по дороге они убили львицу Союза, точнее, как они рассказывали, она сама бросилась на камни в пропасть, и это поломало им все планы. Им пришлось убежать...

К ней подбежал Хасан.

— А ну-ка расскажи мне поподробнее, львица, пожалуйста!

Все удивленно уставились на него. Шивисена ответила не сразу.

— О чем?

— Об убийстве!

— Той львицы?

— Да! — нетерпеливо выкрикнул Хасан.

— Многого я сказать не могу. Знаю только, что они шли, и вдруг встретили львицу. Там произошло нечто непонятное, и в итоге они ее убили, сбросив с обрыва, когда узнали, что она — львица Союза. Они твердили, что та сама туда бросилась, что немало удивило и потрясло их; так они говорили. Но мне это кажется неправдоподобным. Всё...

— Эта львица, мой дренгир, есть Аримали, — объяснил Хасан. — А теперь мы знаем, кто ее убил, отлично! — Хасан неестественно улыбался во все зубы, его улыбка была плохо замаскированным оскалом. — Отлично... Спасибо тебе, милая львица...

Повисла тишина, все молчали. Хасан ушел, бормоча что-то себе под нос; вышел, и посмотрел на безразличное, огромное небо, и в эти мгновения можно было увидеть, как Халнас беззвучно плачет. Но он лев, он никому не выдаст этого, и никто не увидит. Хасан пошел от пещеры прочь, не попрощавшись.

**

Шаана, конечно же, вскоре начала глубоко сожалеть, что не смогла сдержаться, не контролировала себя, и нагрубила своим родным наставницам, Шелли и Нарре. Она не находила себе места; пошла было на охоту с отрядом, но это только усугубило терзания. Кроме того, охота оказалась на редкость неудачной, и все возвращались понурые и недовольные. Когда группа пришла в прайд, то все узнали свежие новости: гунналы рядом, приходит Кигали в прайд Юнити, в общем, будут деньки — не соскучишься.

Юная шамани уже на дороге назад решила пойти и попросить прощения. Она быстро нашла их. Шелли и Нарра как раз показывали Аврине, как правильно обращаться со строфантом, и как готовить из него лекарство, да при том не отравиться.

Аврина волновалась, суежилась и делала всё невпопад. Когда подошла Шаана, то увидела растерянную мордочку Аврины, спокойную Шелли и чересчур серьезную Нарру. Она не знала, как же начать.

Первый шаг сделала Шелли:

— Извини, Аврина, не могла б ты ненадолго оставить нас? Есть небольшой разговор с Шааной, будь добра, — как бы обыденно и невзначай сказала она.

— Конечно, — ответила та и сразу же обиделась.

«Любимица... А я уже никто?! Уже и секреты есть, которые от меня таят. И так можно мной пренебрегать?..», — мысленно вспыхнула Аврина, и подарила Шаане очень короткий, но исполненный нехорошего взгляд. А потом ушла. Шаана стояла, стараясь не шевелиться, и провожала взглядом уходящую Аврину, потому что нужно было как-то сгладить неловкость — в глаза смотреть наставницам не хотелось.

— У тебя был разговор с ней? — это Шелли спросила Нарру, бесцельно шевеля цветки строфанта, которые находились в панцире.

— Будет, — уверенно ответила Нарра.

Аврина скрылась с виду, и придется Шаане повернуться. Глаза шамани оказались участливыми и добрыми, и оценивающе смотрели на нее.

— Шелли и Нарра, мои родные наставницы! Пожалуйста, простите меня за сегодняшнюю выходку, я прошу вас, — молвила Шаана, и вся сжалась. Ей было стыдно.

— Что ты, Шаани, дитя мое, — обняла ее Шелли. — Не говори таким тоном, словно только ты на этом свете делаешь ошибки и глупости.

— Хорошо. Спасибо вам, — радостно и тихо ответила она, понимая, что смогла сгладить свою ошибку, и даже замурлыкала. — Не знаю, просто сейчас плохо мне, если честно...

— Знаем, — молвила Нарра.

— На тебя слишком много свалилось в последнее время. Случай с Ифаной, смерть Арималы, несчастливая любовь — опустошенным почувствует себя кто угодно, — говорила Шелли. — Ты должна справиться, и мы тебе поможем, не беспокойся. Твой дух будет спокойным и чистым, если встретишь судьбу таковой, какой она есть.

Шаана поняла, что Шелли почувствовала, либо же догадалась о ее делах сердечных.

— Наш путь таит в себе много печалей, — теперь говорила Нарра. Такие речи ей несвойственны, потому как она предпочитает действие, и не имеет предрасположенности к разговору. — Нужно сказать, их слишком много для обычной личности. Поэтому шамани делают себя неуязвимыми и сильными, чтобы противостоять силам мира.

Их слова очень воодушевляли и успокаивали Шаану, но всё равно смутные сомнения шмыгали по углам души. Словно ее обманывали, старались только успокоить, хотя Шаана знала, что это совсем не так, и слова их искренни.

— Новости какие, слыхали? Гунналы рядом. Оказалось, Арималу они убили, мне Гарна уже сказал, — грустно молвила Шаана.

— Все уже знают это, — вздохнула Шелли.

Шаана закрыла глаза.

— И мы отомстим.

Шелли недовольно покачала головой в такт каким-то своим мыслям.

— Шаани, нужно сказать, что пойдут в поход я, Аврина, Шелли и Иримэ, а ты останешься, — сказала Нарра.

Юная шамани оцепенела.

— Но я должна пойти, должна, как вы не понимаете? Мы с Хасаном должны отомстить, потому что... нет, весь прайд, весь Союз должен, но мы в первую очередь!..

— Ты останешься. Сейчас для тебя не лучшее время идти в поход. Кроме того, ты будешь тут потому, что если с нами что-нибудь случится, то ты единственная, кто может заменить нас.

— Но со мной всё хорошо, вы преувеличиваете, честное... — Шаана старалась говорить спокойно и убедительно.

— Не спорь, Шаани, не надо, — сказала Шелли. — Всё уже оговорено, ты не пойдешь, и останешься здесь. Ты нужна тут. А идти не стоит, сейчас ты неустойчива; это период изменений, который рано или поздно пройдет, — она легла, и пригласила сделать то же самое Шаане. Нарра незаметно ушла, словно ее тут и не было.

Но Шаана не легла, а тяжело плюхнулась на землю, подняв пыль.

— Не поддавайся этому. Ты ничему не должна поддаваться. Не воспринимай всё так безоговорочно. Ты слишком реальна, твои поступки сейчас — поступки той, которая вовсю поглощена миром. Мы сами создаем свой мир, ты знаешь это.

Шаана положила лапу поверх лапы Шелли, молчаливо ища поддержки и совета.

— Я понимаю, — ответила она. — Но это непросто, слишком легко сказать, но трудно исполнить.

— Та шамани, дух которой силен лишь в спокойные времена, мало чего стоит. Но если ты движешься в трудных обстоятельствах, тогда это действительно достойно.

Шаана покачала головой.

— Я чувствую вину за ее смерть, я всё предчувствовала, но не смогла предупредить. Какой тогда от меня толк? Я не предупредила, не уберегла ее. И кто я после этого?

— Не надо побиваться, — грустно сказала Шелли, — нет твоей вины, и ты знаешь это. Многое зависит не от нас. А теперь давай поговорим о том проклятье, время пришло...

Шелли рассказала Шаане почти всё то же, что говорила ей и Анлиль. Но она не призналась наставнице, что Анлиль раскрыла ей много всего интересного — посчитала это лишним. Потом Шаана захотела научиться делать лекарство из строфанта, и наставница согласилась. Еще они проводали Шиадаль, которой было всё еще плохо после неудачной охоты. Так, в отвлеченных занятиях, они и провели время до сумерек.

— Доченька, ты спать разве не идешь? — окликнул отец Шаану, заходя в Общую пещеру. — Сегодня внутрь иду спать, пошли со мной.

— Нет пап, я еще погуляю, — ответила она.

Агринар был добрым и совершенно нетребовательным отцом, поэтому не возражал. Она подошла к нему, хотя могла просто пойти дальше, и сказала:

— Спокойной ночи. Ты самый славный папа из всех.

— Да? Это почему же? — улыбнулся он. — Вот не знал.

— Так, просто... — Шаана поцеловала его.

— И ты самая лучшая у меня.

— Нет, пап, я совсем никуда не гожусь.

Он с укором посмотрел на нее, даже расстроился:

— Что ты такое говоришь! — потом уже мягче добавил: — Что-то случилось?

— Нет, нет, всё хорошо.

— Всё пройдет. Не беспокойся, Шаани.

Подумав, он добавил:

— Ладно, беги, спать мне пора.

Шаана побрела прочь, и Агринар провожал ее взглядом до тех пор, пока его не окликнула Алири по какому-то мелкому и неважному делу.

А она ушла в сумерки, ибо спать не хотелось, а слова Шелли и Нарры требовали осмысления. Кроме того, было слишком тоскливо, чтобы спать. Юная шамани с удивлением отметила, что в последние дни грусть стала фоном ее бытия. «Может быть, так и происходят перемены?», — подумала она. Вспомнила о Таву — он снова с Иришей, как ни в чем ни бывало, и никто даже не знает, кроме Тарны и Халнаса, что у них что-то было. Как странно! Она всё равно любила его, до сих пор, ибо шамани выгоняют любовь из души прочь долго и тяжело. Закралась крамольная мысль как-нибудь отомстить Ирише, которая забрала у него Таву, но Шаана отогнала эту мысль, как неправильную и ненужную.

Она брела по высокой траве, которая почти полностью скрывала ее от чужих глаз. Высыпали на небе звезды, стало по-ночному таинственно и тихо. Вскоре Шаана вышла к небольшой речке, это был водопой. Оттуда, как раз на ночлег, возвращались Дралан и Ириша. Дралан поинтересовался, куда так Шаана направляется, на ночь глядя. Ответом было краткое и уклончивое:

— Так, нужно.

Дралан, пожелав Шаане спокойной ночи, ушел, но Ириша некстати осталась.

— Как твои дела, Шаани? — беззаботно спросила она, искренне радуясь жизни.

— Дела? — переспросила она. — Как тебе сказать?.. У нас дела всегда с тайной и непонятным. А потому сложно мне сказать, хорошо или плохо, — ответила Шаана, не выказывая эмоций.

— Интересно. Знаешь, побудь со мной немножко, я ожидаю Таву. Он сейчас должен прийти...

Услышав его имя, Шаана снова расстроилась, хотя мгновение назад пребывала в неплохом расположении духа, которое далось ей с такими усилиями...

— Ну, тогда, я пойду, наверное. Не буду вам мешать.

— Нет, нет, останься. Знаешь, давно мы с тобой не говорили. Скажу тебе по секрету: я так счастлива. И знаешь, нет худа без добра. Кто-то очень умный сказал, это точно...

«И нет добра без худа», — подумала молодая шамани.

Шаана чувствовала ее радость, и это вносило мучительный контраст. Но она хорошо умела прятать эмоции и мысли, а поэтому почти ничего не отразилось на ней. И всё же ревность — ужасная вещь, и, когда Ириша посмотрела Шаане в глаза, то прекратила свой монолог; ей на миг стало физически плохо, но, к счастью, это она никак не связала с Шааной.

Шамани поняла, что с ней случилось, и спросила:

— Что такое? Плохо?

— Всё нормально, только что-то голова закружилась... А вот и он, смотри!

И действительно пришел Таву. Увидев Шаану, он на миг застыл в нерешительности, этот миг сполна использовала Ириша, бросившись ему на шею. Говорила она что-то ему, но тот не слушал совершенно, только смотрел в глаза шамани, ища у нее то ли прощения, то ли совета, то ли утраченной любви, или всего вместе. Таву знал, что допустил самую большую ошибку в своей недолгой, молодой жизни, и исправить ее уже почти невозможно. Напоследок Шаана улыбнулась ему; Ириша всё так же стояла уткнувшись ему грудь, ничего не заметив.

«Прощаться нужно достойно, всегда достойно, и никак иначе...», — подумала Шаана. И начала уходить.

Он только обреченно вглядывался в ее исчезающий силуэт.

Шаана бесцельно блуждала по саванне к северу от прайда. Мысли иссякли, она так и бродила в приятном опустошении, не желая ничего. Шла, глядя на землю, потом спохватилась — у нее никогда не было привычки смотреть на землю, только прямо. Что поделает, мир меняет нас.

Зашелестела трава справа — там кто-то идет. Шаана наострила уши, сжалась, втянула воздух. Это не мелкая живность, а нечто побольше. Это нечто оказалось львом, и не просто львом, а Халнасом. Тот тоже блуждал по саванне сегодня ночью, и надо же — волею судеб они встретились здесь и сейчас.

— Халнас!

Тот обернулся воровато, напряженно, словно его застали за чем-нибудь неприличным.

— А, это ты, Шаана. Чего тебе?

— Почему бродишь ты этой ночью, глаз не смыкая? — неизвестно почему, но Шаана старалась напустить на себя веселость, правда, это не очень получилось. Тут же пожалела о сказанном, ведь причина терзаться у него была более чем весомая. Собственные слова показались пошлыми и жестокими.

— Ну... Просто хожу, думаю, не могу уснуть, — Хасан с тенью недоверия посмотрел на нее. А Шаана сразу почувствовала, аж зажмурилась, что он врет, явно и неумело.

Он переменялся: вместо грустного безразличия на морде появились целеустремленность и серьезность.

— Ладно, чего там врать! — он вплотную подошел к ней, глаза горели огнем. — Тебе можно довериться, я знаю. Так слушай: на самом деле я отправился к Венгари и гунналам. Это они убили Арималу. Я иду мстить, и погибну как подобает льву. Прошу тебя об одном — когда придешь в прайд, никому сейчас не говори, куда ушел одинокий Халнас. Прошу тебя. Не нужно меня искать. Что скажешь?

— Но зачем, если завтра-послезавтра мы отправимся в поход, и ты сполна сможешь...

— Нет! Я иду сам, так нужно. Мне незачем больше жить. Так как, ты исполнишь мою последнюю просьбу?

Никогда еще Хасан не говорил таким серьезным тоном, никогда еще не имел такого фатального облика, и Шаана поняла, что он не шутит совершенно.

— Но Халнас, как я могу отпустить тебя на верную смерть? Ты мой близкий друг, как?

— Умоляю.

Шамани вдруг посмотрела на звездное небо, таинственное и безразличное ко всему. Вот он уйдет, она исполнит его просьбу, и продолжит жить как жила: страдать при виде Таву с Иришей, сновидеть, лечить детей от зубной боли и зализывать им мелкие раны, спать и есть каждый день. Но кто она после этого, и что это за существование? Мгновения ее жизни вихрем закрутились в сознании. Она закрыла глаза. «Шамани должна делать то, что чувствует необходимым».

Хасан выжидающе смотрел на нее.

— Я пойду с тобой, Халнас. Вдвоем у нас шансов немного побольше.

Сначала он застыл с открытым ртом, а потом лапой тронул ее за плечо, словно желая убедиться, реальна ли она.

— Ты с ума сошла. Я не пушу.

— Абсолютно бесполезно упрашивать. Иду с тобой, и постараюсь не дать тебе умереть, а еще помогу отомстить. Это и мое дело, здесь есть моя вина. Хоть и предчувствовала, — вздохнула, — но не смогла этого предупредить. Это и моя битва.

Халнасу казалось нереальным то, что она говорит; но в тот же момент он понял, что всё именно так, и она ни в коем случае не шутит.

— Хочу разорвать на куски Адилу, или как там еще... зовут эту падаль. Живыми не возвращаются с таких дел, понимаешь?

Шаана положила лапу ему на плечо.

— У тебя самого нету шансов. Со мной они будут.

— Шаани, ты же львица! Я не могу позволить такого, нет, ты должна быть в безопасности, должна жить, — говорил он.

— Халнас, без шансов. Мы или вместе, или не идем вообще. Я хочу, чтобы ты жил, Халнас. Я не пущу тебя самого.

Шаана думала, что он будет долго упираться, но, видимо, что-то в нем сдалось; вероятно, он понял, что они вместе чувствуют примерно одно и то же.

— Значит, ты действительно хочешь пойти со мной? — испытующе посмотрел на нее.

— Да, — кивнула она головой в ответ.

— Хорошо. Что ж, будем тогда вместе, Шаани. Придется мне жить, чтобы беречь тебя, — улыбнулся он, и она подарила улыбку ему в ответ. — Тогда не будем терять времени. Пошли.

Шаана сделала несколько шагов, он же решительно, медленной трусцой, побежал вперед. Она не хотела идти просто так, не попрощавшись; тут же дунул резкий ветер с запада, словно подгоняя ее поскорее вернуться в прайд.

— Подожди. Пошли со мной, ненадолго...

Он перебил ее, издав загадочную фразу:

— Я уже попрощался со всеми.

Потом добавил:

— Иди сама, я подожду тебя у этого дерева, — и кивнул головой в сторону, где оно находилось.

Очень скоро Шаана уже была возле Общей пещеры. Она намеревалась молча попрощаться. Тихо вошла в нее. Густой мрак не давал ей ничего разглядеть. Недалеко от входа кто-то лежал. Как только Шаана узнала смутный силуэт — это была Иримэ — так сразу он зашевелился.

— Почему не спишь? — очень тихо, но внятно, спросила Иримэ. Ее чуткость во время сна была потрясающей — мышь бы не пробежала незамеченной. Шаана от неожиданности аж подскочила на месте, утратив дар речи. Ей показалось, что Иримэ сейчас раскусит ее, и не даст никуда уйти. Не даст сделать такого странного поступка. Но потом нашлась:

— Мне не спится...

Иримэ встала, ловко и тихо, спящий рядом Ашади нисколько не был потревожен.

— На тебя не похоже.

— Хочу тебя кое о чем попросить, — Шаана шепотом говорила, склонившись к Иримэ, — ты меня не видела этой ночью, хорошо?

— Хорошо, — она не стала задавать никаких вопросов, только внимательно смотрела в глаза. — Я чувствую в тебе смятение...

— Всё неважно, Иримэ, — она потерлась о ее шею, — знай, что очень скоро я вернусь. Пусть прайд меня не ищет. Я должна уйти. Никому ничего не говори, я прошу тебя...

Повисла тишина, только слышно, как гудит ветер в камнях.

— Хорошо, пусть будет так.

Шаана хотела было спросить у Иримэ, где Шелли и Нарра, но передумала. Вместо этого только сказала:

— Спасибо. Я скоро вернусь.

Они продолжали смотреть друг другу в глаза.

— Скоро вернешься? — тихо переспросила Иримэ и первой опустила взгляд.

Шаана не ответила ничего, а только закрыла глаза, и так и сидела несколько мгновений.

Потом, не говоря больше ни слова, быстро выбежала из пещеры. Уходя всё дальше, думала о том, что легко идет на рискованное и непонятное предприятие, без терзаний покидая свой прайд. Ей казалось, что она, решившись на это, поймет нечто такое, что поможет ей справиться с собою и вернуть внутреннее равновесие. «Я не предотвратила смерть Арималы, и должна принять ответственность за это», — беспричинно терзала она себя. Вспомнила традицию, о которой ей давным-давно рассказывали наставницы: если после принятого лекарства кто-нибудь умирает, и оно было тому виной, то шамани, приготовившая (или же приготовивший) его, должны уйти из жизни тем же способом — принять это лекарство. И здесь тоже она должна сгладить свою ошибку, свою невнимательность к предчувствиям. И никогда бы не простила себя, спокойно отпустив Халнаса, сохранив в тайне их встречу, продолжая жить обычной жизнью...

Поймала себя на мысли, что ни с кем так и не попрощалась, даже с Иримэ.

**

Они брели в ночи; Хасан впереди, а Шаана за ним. Еще днем, загодя, Хасан расспросил Шивисену, и теперь представлял, куда им нужно идти. Луна ярко светила, было холодно, неудобно; земля и трава были мокрыми и неприятными, и Шаане всё мерещились чьи-то злые глаза и непонятные ночные шорохи.

Сперва шли молча, обдумывая свой общий поступок и удивляясь: Хасан тому, что Шаана пошла вместе с ним, и он согласился на это; она же тому, что действительно идет в ночь, навстречу неизвестному, желая отомстить и убежать от общества других.

— Халнас, — смешливым тоном молвила шамани, — мне кажется, мы таки сошли с ума.

Он поглядел на нее.

— Я — точно, но ты — нет. Ты слишком мудра, чтобы сойти с ума.

— С чего ты взял?

— Все шамани мудры, кто этого не знает.

— Нет, ошибаешься. На самом деле, искренне тебе скажу, мы мало чем отличаемся от остальных. Сойти с ума вполне можем.

Хасан не стал спорить. Они вместе взобрались на большой холм, который с одной стороны был пологим, с другой же имел крутой обрыв. Осмотрели местность — недалеко густо разрасталось множество деревьев; где-то в них время от времени кричала какая-то ночная птица. Издавала она свои звуки с тошной регулярностью, словно нарочно желала лишить всех окружающих сна. Хасан поморщился от этого незатейливого пения. Шаана села, раздумывая.

— Вот зараза, ненавижу. Портит всё на свете, и не надоест ей, а? И вот так целую ночь!

— Мда... Халнас, а у нас есть план?

— Ну конечно есть, Шаани, — абсолютно уверенным тоном сказал он. — Приходим, я разрываю на куски Адилу, попутно еще парочку мерзавцев, после чего паду смертью храбрых, ну а ты идешь рассказывать о моих подвигах домой.

Было непонятно, шутит он или нет.

— Смеею заметить, плохой план. Всё-таки нужно, чтоб ты остался жив, — молвила Шаана. — Давай серьезно: зачем мы идем и как будем исполнять задуманное.

— На месте разберемся, — вздохнул Хасан, и начал двигаться в сторону, чтобы сойти с холма и продолжить движение, но Шаана остановила его.

— Но ты же главный, у тебя должен быть план, — сказала она, глядя ему в глаза.

Он в ответ тоже подарил ей взгляд, и Шаана остро уловила его подавленность и чувство абсурдности происходящего. Потом взгляд Халнаса устремился вверх.

— Это почему же я главный? — спросил он, смотря на звезды.

— Потому что ты лев, а я львица, — объяснила Шаана, как объясняют мир маленьким детям, и потрепала его по гриве. Хасан засмеялся.

— Как тебе сказать... — он начал гладить себя лапой по гриве. — Я многое постарался выбить из Шивисены, и мы вполне можем находиться на землях венгарицев незамеченными. Смотри: гунналы будут думать, что мы Венгари, венгарицы будут думать, что мы гунналы. Неплохо для начала.

— Гм... Как-то всё слишком просто... — недоверчиво хмыкнула Шаана.

Хасан махнул лапой и беззаботно улыбнулся. Это почему-то очень воодушевило Шаану, и вернуло ей хорошее расположение духа. Она сильна, они вместе всё сделают!

— На месте уже осмотримся. Только вот...

— Знаю, что ты скажешь. Я совсем не зря с тобой иду. Ты будешь действовать слишком прямо и грубо, и в результате погибнешь. Но вместе у нас есть шанс. Я смогу использовать свои силы, им найдется достойное применение, — молвила Шаана, снова потрепав его по гриве, и глядя на него своим пленяющим души взглядом. Ей все больше нравился отчаянный, преданный и смелый дух Халнаса. Он в шутку попытался укунить ее за лапу.

— Не сомневаюсь.

Потом добавил:

— Замечательно, что я родился юнианцем, просто замечательно.

Шаана нашла, что она никогда ничего, в сущности, не знала о нем — так умело он скрывал свое «Я». Он пнул лапой камень, который полетел вниз по крутому склону обрыва, распугав какую-то живность внизу, в кустах.

— Пошли...

Они продолжили свой путь, уже в лучшем настроении, чем прежде. «Нет, всё-таки стоит жить», — думал Халнас. «Нужно драться и не сдаваться, ради Арималы, а желание умереть — низко и трусливо. Еще успею, не следует бросать свой прайд...». Они шли уже по малознакомой местности — весьма далеко отошли от родных земель. «К рассвету должны быть у границ», — подумал он.

— Знаешь, всё стыдился своего маленького роста, — прервал молчание Халнас.

Она засмеялась.

— Вот глупый. Да всё хорошо с тобой. Смотри, я того же роста, что и ты, даже немного меньше.

— Ну и что с этого? — недоуменно спросил он. — Всё равно маленький.

— Большинство львиц примерно моего роста, так что ты зря беспокоишься.

Он помедлил с ответом.

— Я, скажем так, беспокоился, но теперь, боюсь, мне уже всё равно.

Шаана не знала что сказать, и снова наступило молчание. Вдруг Хасан на ходу посмотрел на нее интригующим взглядом.

— Шаана, а ты знаешь, что значит твое имя на древнем языке?

Она очень удивилась, ибо никогда не задумывалась об этом, и действительно не знала. Стало любопытно, она даже замедлила шаг, вслед за ней это сделал и Хасан.

— Нет, и что же?

— Оно значит «темная».

— Откуда ты знаешь? — удивилась Шаана.

— Мне Шивисена сказала. Мы разговорились, я рассказал о трех порченницах и о тебе. А она в ответ заметила, что у тебя красивое имя. И объяснила, что оно означает. Знаешь, она вообще очень умна.

— Не знала... — пробормотала она, и Халнас улыбнулся.

«Как интересно...», — подумала Шаана, — «Жить со своим именем и не ведать, что оно означает».

**

Наступило утро, и солнце взошло.

Таар сначала даже растерялся, узнав о пропаже Шааны и Халнаса. О том, что пропала юная шамани, еще перед рассветом сообщил отец Шааны. Взволнованный как никогда, он просил дренгира начать поиски, что Таар тут же велел сделать. О пропаже Халнаса стало известно позже, когда конунг Кигали прибыл в прайд, и все юнианцы построились около скалы дренгира, чтобы поприветствовать его и тридцать братьев и сестер из Хартланда, прибывших с ним. Ярл Дальвар сообщил Таару об этом — его нигде не могли отыскать.

Таар чувствовал, что дело плохо, ведь Шаана и Халнас никогда просто так не исчезали — на них это не похоже. Отправив несколько групп на поиски пропавших, он пошел за скалу, чтобы продолжить разговор с Кигали. Конунг не любил сидеть в пещерах, предпочитая им пространство и свежий воздух.

— Ну, что там? — спросил он Таара. Тот глянул на него, при этом стараясь выглядеть абсолютно спокойным, и это ему не вполне удалось — на самом деле он волновался. Куда же делся его сирота Халнас, куда пропала его любимица Шаана?

— Всё хорошо. Двоих просто еще нет, уже отправились на поиски.

— Понятно, — безразлично молвил Кигали, играя с камешком и явно думая совсем о другом. На морде конунга Союза всегда играет некое молчаливое презрение к окружающему, а еще особое выражение, словно этот лев привык жить с вечной, ноющей зубной болью. Но его лик весьма обманчив — он слышит добрым и справедливым конунгом, и при его правлении Союз живет как никогда мирно и спокойно. Его окружает небольшая, молчаливая свита из двух ярлов, помощника и посыльного.

— Что ж, — сказал Кигали, оставив камень в покое, — скоро будем выходить. Но перед этим, конечно же, будет небольшая речь... Да. Небольшая речь. А потом пойдем.

Любимой шуткой конунга была эта: «Люблю поговорить с умным львом. Да. С самим собой».

Таар молча кивнул головой. Кигали подошел к нему, и обнял его как старого, верного друга. Они начали править почти в одно время; их отцы были большими друзьями.

— Помни: нам нужно выйти точно в срок, чтобы вовремя встретиться с прайдом Хлаалу на месте встречи, у границы Венгари.

Таар снова кивнул.

— Пора идти, ведь они ждут...

Дренгир юнианцев правой лапой дотронулся до левой стороны груди.

— Готов умереть с тобой!

Необычайно сильно повторил этот жест и Кигали.

— Готов умереть с тобой! — даже не всем дренгирам он отвечал так же.

Таар обошел скалу, и заметил Шелли и Нарру, которые собрались под деревом, в сторонке от всех. С ними были и ученицы Иримэ и Аврина. Он пошел к ним; по дороге к Таару с расспросами кинулись львицы прайда — Кисара, Шиададь, старая Зари. Всех интересовало, нет ли новостей о пропавших. Устало Таар ответил им, что пока нет. Когда они отошли, украдкой посмотрел на Шелли. Та имела вид очень печальный; она сразу ощутила взгляд дренгира. Он не успел отвести глаз, и тут же всё начало уплывать в сторону. Видимо, из-за тревоги та утратила часть контроля над собой, и теперь ее силы рвались наружу. Шелли поняла, что причинила неудобство Таару, и легко стукнула его лапой по щеке, чтобы он очнулся.

— Извини, не хотела, мой дренгир.

— Ничего, ничего. Что там?

— Вещи для нас темны и неясны, — молвила Нарра, — мы только знаем, что она весьма далеко отсюда. И наверняка вместе с ней Халнас...

— Он с ней? — удивился Таар.

— Верно. Но больше ничего путного мы не смогли узнать, наши силы подводят нас.

Нарра умолкла. Казалось, Шелли хотела что-то сказать, но Нарра продолжила дальше:

— Как она могла, в такой момент, уйти? — в словах Нарры был нескрываемый упрек. — Она поддавалась, потакала своим слабостям. Всё это время, всё последнее время, — заключила она.

Иримэ, как и всегда, была невозмутима. Ее настроение выдал только длинный вздох, когда говорила Нарра. А Шелли лишь пребывала среди грусти, ибо очень любила Шаану, и всегда втайне считала, что именно она — лучшая. И никто иной.

— Она неспроста сделала это, я уверена. Я это чувствовала и чувствую сейчас, — сказала она.

— Возможно. Но когда прайд идет в поход, шамани не должна бросать его! И кого мы теперь оставим? — Нарра вопросительно обвела взглядом всех. Таару стало неуютно от этого острого взгляда.

— Разве всё так просто, Нарра?..

— Ну, по крайней мере, ничего не стоит так усложнять. Что есть, то есть. И мы должны с этим что-то делать!

Впервые дренгир, да и все остальные, видели, как спорят Шелли и Нарра. Зрелище странное, никто и представить не мог, что такое может быть — прежде они всегда были словно единым целым в своих суждениях и решениях.

Иримэ не выдала тайны Шааны: она видела ее этой ночью. Впрочем, она и так не знала, куда отправилась Шаана.

— Придется оставить кого-то вместо Шааны, — с неохотой заметил Таар; ему претило просто стоять и слушать, хотелось принимать какие-то решения. Правда, он не знал, что именно нужно предпринять в этой ситуации.

Нарра недвусмысленно посмотрела на Иримэ, и Шелли тоже. Не сказавшая пока ни слова Аврина демонстративно немного отвернулась.

— Как угодно прайду и вам, так я и поступлю, — молвила Иримэ. — Только знайте, — ее голос звучал уверенно и степенно, — что она сделала это неспроста. Она не просто так ушла, от каприза. В любом случае, Шаана великая душа и верная шамани; не нужно ее осуждать — это легче всего.

Шелли еле заметно закивала. Аврина хмыкнула.

Словно ниоткуда появился Таву, никто и не заметил его прихода. Он спросил, нашли ли Шаану, ответ был односложным: «Нет».

— Пусть мой дренгир позволит мне отправиться на поиски, — умоляющим тоном обратился он к Таару.

Но тот ответил:

— Ее уже ищут, ты не поможешь.

Всё то время, пока говорил Таву, Шелли и Нарра неотрывно, немигающе смотрели на него. Когда тот, волоча по земле хвост, ушел, то они переглянулись. Шелли молвила непонятное для всех остальных, кроме Нарры:

— Так вот.

И закрыв глаза, не сказала больше ничего.

— Что ж, останется тогда Иримэ, — сказал Таар и подошел к ней вплотную. Она только кивнула, потому что знала: Таар поклонов не любит. — Ничего не поделаешь, скоро мы должны выходить. Как Шаана придет в прайд, то пусть остается с тобой, и ждет нашего возвращения.

— Хорошо.

Тем временем на камне дренгира уже был Кигали. Он медленно осмотрел всех собравшихся здесь, словно хотел решить — а достойны ли эти львы и львицы его речи? Ему нравится это ощущение, когда на тебя обращены сотни глаз, таких разных, — и добрых, и наивных, красивых, завистливых, грустных, злых, безразличных, — но неизменно в них отражались надежда и вера в лидера.

Таар знал, каким бесподобным оратором является конунг. Он никогда не говорил много и долго, и всегда его речь была только по существу; он ненавидел общие фразы и увиливания.

— Прайд Юнити! — после этих слов Кигали надолго умолк, и воцарилась естественная тишина, несвойственная такому большому сборищу. — Гунналы вернулись, и к ним примкнули Венгари. Венгари, которых мы считали за друзей и соседей! Предательство не имеет право на жизнь! Те, кто собираются разрушить наш Союз, не имеют права на жизнь! — Шивисена, услышав эти слова, перестала смотреть на него и обратила взор в землю. Стыд сжигал ее естество: уши прижались, когти впились в землю, зубы чуть обнажились в оскале.

— Там — запад! — Кигали с силой указал налево лапой, а потом зарычал. Его рык был сразу подхвачен остальными, и разнесся над саванной. Кигали, безусловно, умел влиять на головы, как никто другой.

Но некоторые не ответили на его клич: это были Шелли и Иримэ, это был не находящий себе места Таву, это была Шивисена, и это был Таар — его голова была слишком забита различными заботами.

Собрание так же быстро окончилось, как и началось — чего зря время тратить? Все разбрелись: кто на охоту, кто отдыхать, ибо завтра предстоит трудный день. Нарра и Аврина ушли, под деревцом остались Иримэ и Шелли. Ученица никогда не видела свою наставницу настолько грустной; впервые она выглядела чем-то всерьез озабоченной.

— Шелли сильно беспокоится о Шаане? — участливо спросила Иримэ.

Шелли не ответила, но кивнула.

— Не думаю, что стоит, — молвила она снова, но это прозвучало совсем неубедительно. Вдруг Иримэ подумала, что стоит рассказать о ее ночной встрече с Шааной. Она ведь никакого большого секрета в этом случае не раскроет, она ведь не знает, куда пошла Шаана. — Сегодня ночью я видела Шаану, должна сказать...

Шелли оживилась и посмотрела на нее, наострив уши.

— ...она сказала, что уходит, скоро вернется, и пусть прайд ее не ищет. А больше ничего. Чувствовала в ней смятение и... — Иримэ начала махать лапой, стараясь подобрать нужное слово, — ...некое отчаяние, что ли.

Шелли освободила Иримэ от своего испытующего взгляда, и посмотрела вдаль.

— А куда она идет, не сказала?

— Нет. Боюсь, если б она даже сказала, этого я бы не выдала. Она просила хранить в тайне нашу ночную встречу. Я просто увидела, как Шелли волнуется, поэтому решила снять эту тревогу. Разве сновидение не дало результатов?

— В сновидении легко искать обычных львов и львиц, но не шамани. Поэтому вещи были неясными, и даже мы с Наррой ничего не смогли толком узнать. С нею Халнас, это мы знаем наверняка, — бесцветно ответила она. Потом поднялась, молвив:

— Ладно, нужно продолжать действовать. Пошли к Тайше, очень скоро придет ее время, и у нее появятся дети. Если она не родит сегодня ночью, то ты будешь с нею, когда мы уйдем. Ты готова? — спросила Шелли, прекрасно зная, что Иримэ абсолютно готова.

— Да, — просто ответила она.

Они уже было начали идти, но остановились: к ним бежал Таву. Вид у него был отчаянный, безумный и растерянный, как у маленького львенка, который попал в опасность. Грива его растрепана, а глаза влажны.

— Послушайте! Это я виноват во всём... — и они, не перебивая, выслушали их с Шааной историю: как они пошли к веларийцам, как полюбили друг друга по дороге, как вернулись назад, как он бросил Шаану и быстро вернулся к Ирише. Таву чувствовал, что сделал самую большую ошибку в жизни, и теперь проклинал себя и всё на свете. Он был уверен, что она ушла из-за него; правда, разумно объяснить куда и почему — не мог. Таву, рассказав всё шамани, хотел таким образом как-нибудь помочь в ее поиске — возможно, это прояснит дело, и шамани смогут найти ее?

Когда он остановился, Шелли молвила такие слова:

— Я вижу, что твои намерения чисты, и ты хочешь помочь найти ее. Плохо предавать, а особенно любовь, и теперь ты остро чувствуешь это. Все учатся на своих ошибках. Но, боюсь, это нам не поможет найти Шаану, ибо еще до этого я знала, что она ушла, в частности, из-за тебя.

Иримэ с удивлением слушала ее, потому что сами Шелли и Нарра всегда учили ее никогда не рассказывать, что ты сама чувствуешь или знаешь о других — это может навредить. Вообще, шамани по возможности стараются скрывать свои способности.

— Что мне делать? — спросил он, поедая глазами Шелли. Она ответила:

— Иди к Ирише и люби ее. Ничего уже не исправишь. И никогда, нигде не упоминай об этом разговоре, а особенно ей. Мы же всё сохраним в тайне. Ступай.

И он ушел. Они начали свой путь к Северным скалам.

— Очень жаль, — вдруг сказала Шелли, — ведь он был хорошей парой для Шааны. Он будет ненавидеть себя за это всю жизнь. Очень жаль.

— Дааа... — протянула Иримэ.

Недолго они шли спокойно и без приключений. Навстречу им шла Шивисена, которую окружали несколько незнакомых им львиц, видимо, ее сестер по прайду; еще рядом был Рагнар, который что-то оживленно у них расспрашивал. Увидев Иримэ и Шелли, Шивисена извинилась, и быстро подошла к ним, без всяких предисловий начав:

— Должна вам сказать, что вчера ко мне подошел Халнас и подробно расспросил о том, как добраться до моего трайба, а также о многих других подробностях. Жаль, что из-за своей нерадивости я не догадалась сообщить вам этого раньше. Простите. Уверена, что он ушел, по каким-то причинам, на территорию моего трайба, где сейчас находятся гунналы и худшая часть Венгари... Что ему там нужно, не знаю, мне он не сообщил... — после своей четкой речи, она легко поклонилась и добавила: — Прошу прощения, но должна идти.

Вернувшись к своим, ушла вместе с ними прочь. Иримэ позвала Рагнара.

— Быстро сообщи всем, что Халнас...

— Да я знаю, знаю, — нетерпеливо молвил он. — Хасан ушел к Венгари.

Иримэ толкнула его лапой в бок.

— Так чего стоишь, быстро беги и расскажи тем, кто его ищет!

Тот кивнул, сказал «Ага!», и побежал.

— Халнас, выходит, точно с Шааной, — молвила Иримэ. — Как вы с Наррой и говорили. Только зачем они туда пошли?

— Нет, это Шаана с ним... — задумчиво протянула Шелли, молвив таким тоном, словно ей стало всё понятно. — С ним. Мое отважное, доброе дитя! — вдруг громко, даже слишком, сказала она. — Вызовы жизни пришли к ней, но я не досмотрела, не позаботилась! — и качала головой со стороны в сторону, закрыв глаза.

Иримэ же подумала, что ничего хорошего из этого не получится.

**

Шаана пыталась зализать небольшие ранки на боку Хасана, которые тот получил, продираясь сквозь колючие кустарники. Но он не давал сделать этого, упрямо твердя, что «сам всё сделает, как надо». Из лучших побуждений она пыталась помочь: это была ее идея пролезть сквозь кусты, чтобы сократить путь.

— Да не надо, что я, маленький? Ерунда какая, — Хасан попросту убежал от Шааны. Она сначала засмеялась, но потом серьезно сказала:

— Не упрямясья, колючки могут быть опасны, от них даже может случиться огонь в крови.

— У меня и так огонь в крови, и в голове, и вообще везде, — сказал, как откусил, Хасан. — Куда уж больше. Смотри, уже солнце порядком взошло. Отдохнем, что ли немного, а?..

Шаана понимала, что отдыхать именно сейчас не стоит, но усталость и желание уснуть взяли свое. Они уже на землях Венгари. Шли они целую ночь, быстро, с небольшими перерывами, и это весьма утомило. Она легла на землю и закрыла глаза, точнее, они как-то сами и закрылись. Хасан тем временем оставил свои царапины в покое и начал думать, как же всё-таки им действовать дальше. Ничего особо путного в голову не лезло, из-за этого Хасан злился и отшвыривал от себя камни, которые имели несчастье попасть ему под лапу.

Он даже толком не знал, что именно он хочет совершить здесь, раз уж пришел. «Я здесь с Шааной, и мне нельзя, проклятье, умирать, хотя неплохо было бы. Что мне остается делать...», — думал он. План разрывания Адилу на куски таял на глазах.

— Итак, Шаана...

— Итак, Халнас, — перебила она его, открыв глаза и оставаясь лежать. — Будем надеяться, что наша догадка правдива: гунналы примут нас за венгарийцев, а венгарийцы примут нас за гунналов. Таким образом, мы можем проникнуть в сам прайд, а там как-нибудь выкрутимся... Видно будет.

В отличие от Халнаса, у Шааны было более-менее цельное видение. Она поняла, что их шаг, в целом, — самонадеянный, отчаянный и весьма глупый. А еще она ясно ощутила, как Шелли и Нарра ищут ее, что породило угрызения совести — сейчас все собираются в поход, и она нужна прайду, ведь она должна была остаться... А отец?.. Что он сейчас думает?

Поэтому, чтобы их поступок не пропал даром, она решила следующее: всё тут более-менее разузнав, они постараются остаться целыми и невредимыми до прихода своих, к которым присоединятся. Конечно, никто их не погладит по голове за эту выходку, но это, как-никак, хоть какой-нибудь достойный выход из ситуации. Шаана еще раз про себя отметила, как всё-таки по-разному воспринимаются вещи ночью и днем. Ночью их совместная идея казалась сильной, имеющей судьбоносное значение и некую фатальность; когда в свои права вступил день, поступок показался просто неуместной выходкой двух глупцов. Также она не слишком надеялась на свои возможности. Она хотела порядком обдумать эти вещи, и тут почувствовала, что засыпает...

Хасан не дал совершить этого.

— Пошли, Шаани. Не время валяться.

Она встала, отряхнулась и пошла за ним. Халнас шел впереди с такой уверенностью, словно жил здесь всегда. Он вообще всё всегда делал с уверенным видом, даже если на самом деле понятия не имел, что и как делать.

Вскоре им повстречалась группа львиц-охотниц. Они своевременно залегли в траву.

— Они, — молвил шепотом Хасан, хотя те были очень далеко.

— Да... Мы уже на месте, — ответила ему Шаана нормальным голосом; он шикнул на нее, а она хихикнула: — Не услышит нас никто, не бойся.

Когда незнакомые львицы скрылись с виду, они продолжили идти. Хасан сказал:

— Итак. Как мы там договаривались? Выдаем себя и за тех, и за других? Как думаешь, получится? — он с недоверием посмотрел на нее. Шаана улыбнулась.

— Получится. Главное, чтобы ты молчал. Говорить буду я.

Он притворился, что обиделся.

— И как нас зовут?

— Шаана и Халнас.

— Будем говорить им настоящие имена? — удивился он

Шаана подумала, а потом ответила:

— Конечно. Еще запутаемся, если будем чего выдумывать.

— А если мы увидим и гунналов, и венгарийцев вместе? — спросил Хасан. — Что тогда? Раскусят, что мы нездешние, так сказать.

— Мда. Это мы не учли. Какая досада.

И они весело, в унисон, засмеялись. Шаана увидела: они без малейшего колебания смотрели в глаза опасности, веселясь при этом. Это ее немного испугало и восхитило одновременно.

— Знаешь, Халнас, мне нравится, как мы играем со смертью, особенно ты, — вдруг сказала она. — В этом есть дух.

— А что я? Я — ничего. Мне уже давно нечего и некого терять. А вот ты — да. Пошла со мной, чтобы уберечь меня, чтобы помочь мне... — он многое еще хотел сказать, но не договорил. Умолк.

Они скрытно, прижавшись, бежали по чужой и незнакомой земле. Хасан остановился на месте, то же сделала и Шаана. Хотела спросить у него, почему он прекратил идти, но тут же поняла — сама учуяла воду. Совсем недалеко есть водопой, а их обоих уже давно мучит жажда. Хоть около водопоя всегда кто-то крутится, но это сейчас им даже на лапу: нужно выяснить, каковой все-таки будет реакция местных. В том же русле размышлял и Хасан:

— Мне Шивисена говорила, что здесь всё смешалось и все смешались; я специально спрашивал. Мы вполне можем крутиться здесь незамеченными, если не будем делать глупостей, ну и заручимся поддержкой тетеньки-удачи.

— Не волнуйся, я уже с ней поговорила, — серьезно ответила ему Шаана.

Тот сделал очень любопытную морду.

— И что она сказала?

— Всё будет хорошо, если Халнас будет молчать.

Он улыбнулся, и они пошли к воде.

— Ведем себя естественно, не липнем к земле. И вообще, мы тут уж сто лет живем, — назидательно сказала Шаана. — Думаю, так будет лучше.

Хасан кивнул в ответ, возразить было нечего. Раз уж пришли — так пришли. Они оказались у водопоя; это была красивая маленькая речушка, на удивление чистая и свободная от ила и грязи. Неудивительно, что Венгари выбрали это место для проживания. Халнас и Шаана тут же начали пить, а потом он даже залез в воду, чтобы освежиться, за что получил заслуженный упрек от Шааны. Потом начали оглядываться, стараясь найти то место, где собираются местные на водопой — им сейчас нужно именно туда.

— Пошли вдоль берега. Тех львиц мы видели справа, значит нужно идти направо, вдоль берега, — молвил Хасан.

Шли они совсем недолго, и вскоре вышли на большую площадку, где повсюду были протоптаны тропки. Тут же было несколько взрослых львов, один лев-подросток, одна львица, а еще львята. Шаана немного сбавила темп, когда увидела их, но Халнас совершенно не сбавлял шага, направляясь вперед, словно по своей земле. Шел он прямо на них, и Шаана уж подумала, что он удумал какую-нибудь глупость, и заволновалась; но напрасно, ибо, когда он подошел, то только поздоровался, кивнув головой:

— Доброго всем дня!

Все обратили на него внимание, но никакой враждебности или подозрительности не было. Догадка оказалась верной.

— И тебе доброго! Пусть великий Мар тебя бережет! — тут же ответила ему львица.

Шаана и Халнас не поняли, о каком таком великом Маре идет речь, но, конечно же, не сказали ничего. Шаана также решила проявить вежливость, и поздоровалась. Но львица властно сказала ей:

— Погоди.

Они с Халнасом остановились. Львица обратилась к собравшимся здесь львам. Только теперь Шаана заметила, что все они внимательно слушали ее, не говоря ничего, и имели какой-то виноватый и угнетенный вид.

— Помните, что я вам говорила. Вы пока презренные, вы пока грязные, и веры вас мало, как в этой песчинке, — она указала на землю, и некоторые даже осторожно нагнулись, чтобы разглядеть ее получше и убедиться, что вера их действительно

не слишком велика. — Но великий Мар — слава ему навсегда! — дал вам возможность исправить вашу никчемную жизнь. Хорошо запомните это. А теперь ступайте, молитесь утром и вечером, и делайте всё так, как я вам говорила.

Компания хором, нестройно поблагодарила ее, и благополучно начала удаляться. Шаана и Халнас переглянулись — смысл всего этого действия был им непонятен, и они не знали, чего ожидать дальше. Львица обернулась к ним, и теперь Шаане можно было рассмотреть и ощутить ее сущность получше. Она уже в годах, это — возраст угасающей силы. Несколько шрамов на щеке, на боках и лапах. Худая, среднего роста, шерсть темная. Большие уши, причем левое ухо такое, словно кто-то когда-то долго и упорно его жевал. Глаза, назойливые и беспокойные, смотрели на Шаану, и они совсем не понравились шамани; ей показалось, что эта львица так и хочет ее в чем-то упрекнуть или обвинить, только еле сдерживается.

— Слава Мару! — неожиданно начала она разговор. Халнас молчал, как и было оговорено, а Шаана смекнула и догадалась, что от нее требуется ответ.

— Слава Мару, — эхом ответила она.

Та недовольно поморщилась.

— Вы, венгарийцы, трудные на ум!..

«Отлично! Теперь известно, что она — гуннал...», — подумала Шаана. «Отлично...».

— ...не буду говорить о тех глупцах и грешниках, которые сопротивлялись нашему приходу, и не принимали нашей истинной веры. Этим уготованы все девять кругов ада, и страшные мучения...

Шаана, равно как и Халнас, не знала такого слова — «ад». Но они поняли, что это определенно нечто весьма ужасное, да еще с какими-то кругами.

— ...Особенно Шивисене, уверена, гнев Мара уже настиг ее. Но вы-то? Вы ведь встали на путь истинный, хотя лапы вашей веры еще не держат вас прочно! Так почему же вы забываете о том, как приветствовать друг друга, а особо — как приветствовать служителя Мара, меня, Азизу?..

Говорила она в странной манере, словно перед ней были не лев и львица, а как минимум толпа голов в двадцать. Иногда она закидывала голову высоко к небу; выглядело это для юнианцев комично и неестественно. В один из таких моментов Шаана украдкой посмотрела на Халнаса, и подумала, что если он не сменит свою кислую мину на что-нибудь более приветливое, то могут возникнуть проблемы.

«Эта дура больна, она давно не дружит с головой!», — просто и бесхитростно подумал Хасан.

— Так как нужно отвечать? — испытующе посмотрела она на них. Произошло то, чего и боялась шамани: Хасан, продолжая презрительно смотреть на Азизу, вздохнул и фыркнул, чем сразу привлек внимание.

— Что значат эти жесты, молодой лев? — молвила она самым возмущенным тоном, какой только слышала Шаана в жизни. Нужно действовать, чтобы остаться в живых.

— Простите его, о мудрая Азиза, хранительница знаний, — покорно молвила Шаана, заступаясь за Халнаса. Шамани знала, что ей понравится такой тон, она уже почувствовала, что натура ее любила поклонение, да и чем раболепнее, тем лучше. Вообще же, в ее естестве Шаане разобраться было трудно, ибо она еще не встречала в своей жизни львов и львиц, у которых была только одна вещь на уме. Азиза показала ей неестественно ограниченной и глупой. Также в ней сидело много странной ярости; шамани в других обстоятельствах постаралась бы хорошо разобраться во всем этом, ей довлело любопытство, но не сейчас. — Мы только еще начинаем свой путь, и не знаем ничего; он же, Халнас, еще от рождения немного глуп, так что

пусть... — тут Шаана запнулась, ибо хотела сказать «львица простит его», но вовремя вспомнила, что другие прайды и трайбы говорят «вы». — ...пусть вы простите его.

— Напомню, ответ должен быть «Слава навсегда!», и чтобы мы больше к этому не возвращались. Понятно?

— Да.

— Что ж, это уже лучше, — удовлетворенно сказала Азиза. Шаана мельком взглянула вверх, на небо: погода становилась пасмурной и неприятной, в воздухе появился запах дождя. Где-то далеко пищало семейство сурикатов — они всегда беспокоятся перед дождем.

— Скажи мне, дитя мое, ведь это ты желала стать служительницей, не так ли? Я помню, это ты, — уверенно молвила Азиза; прищурившись, она внимательно разглядывала ее.

— Вероятно, вы с кем-то меня перепутали, — ответила Шаана. Хасан, видимо, устав просто так сидеть, лег. Азиза незамедлительно среагировала на это:

— Ну что за глупец?! Лежать в моем присутствии, да как можно?! Оказывая вам высочайшую честь, разговаривая с вами, я трачу свое бесценное время, а вы ведете себя нахально и невежливо (Хасан встал). Это просто не укладывается в голове! — она выглядела очень раздраженной. — Кроме того, сейчас сюда придет Адилу, так что лучше бы вам, а особенно тебе, — она лапой небрежно указала на Хасана, — убраться отсюда.

«Здесь будет Адилу!», — подумали Шаана и Халнас, не подозревая о том, что сделали это в унисон. Шамани, поклонившись, тут же начала уходить прочь, к берегу реки; так же поступил и Халнас, уходя от бормочущей какую-то ерунду Азизы. У Шааны мгновенно родился план: смелый, невероятный и безумный. Она подумала, что нужно делать или всё, или ничего; и пребывание здесь будет бессмысленной тратой времени, если они просто побродят тут, и уйдут, собрав какие-то жалкие сведения. А потом придется неуклюже приходиться к своим, и смотреть им в глаза, не находя слов для того, чтобы внятно объяснить свой поступок.

— Халнас, слышал? Тут будет Адилу! — прошептала она ему на ухо.

Он не разделил ее энтузиазма, и выглядел обеспокоенным.

— Нужно убраться отсюда! Пошли поищем чего-нибудь в другом...

— Я останусь, а ты беги к тому месту ... — она начала быстро оглядываться по сторонам. Но ничего подходящего для своего плана найти она не могла. Думать нужно быстро; она прикрыла глаза. — Беги быстро к тому месту, где мы с тобой вышли к реке. Помнишь? Я приведу его к тебе.

— Кого приведешь?! — невероятно удивился Халнас.

— Тише ты... Адилу. Мы его уьем! Лучше мести и не придумай! Это как раз то, что нам нужно.

Халнас понял, что Шаана сошла с ума вслед за ним.

— Шаани, как ты не понимаешь...

— Не спорь, нет времени! Он уже идет сюда!

— Откуда ты...

— Беги! — шикнула она на него, и в нетерпении даже топнула лапой. Спорить больше он не стал, и быстро убежал, недоумевая; но втайне он верил ей. Шамани знают, что делают.

Шаана обернулась. Азиза всё так же сидела, и на что-то или кого-то ждала.

— Смею спросить, вы ждете здесь Адилу?

Та с недовольством посмотрела на нее.

— Да, жду. Уходи отсюда, у нас с ним очень важный разговор, слышать который тебе незачем.

— Я сейчас же уйду, моя госпожа, — Шаана поклонилась. — Вы просто упоминали о том, чтобы я стала служительницей Мара... — шамани краем глаза заметила, что сюда направляется группа из трех львов. — Покорно прошу сказать мне всё, что нужно сделать для этого? Готова ко всему.

Азиза враз как-то подобрела, и приобретая еще более важный вид, покровительственно вздохнула.

— Что ж, похвальное желание для молодой Венгари. Думаю... У тебя больше способностей, чем у других, — она сощурилась, посмотрев на Шаану, на миг уловив отблеск истины. — От тебя вполне может быть толк. Но ты должна помнить, что служить Мару нужно всю жизнь, и пути назад нет. Приходи сегодня ко мне, вечером, и если ты хорошо подумаешь, то согласишься. Тогда и пройдешь обряд, а потом сразу приступим к учебе. Ты многому научишься, и получишь невиданные силы от самого великого Мара. И если ты будешь учиться хорошо, то сможешь даже общаться с ним.

— Хорошо, — еще раз поклонилась Шаана. «Всё же кто этот Мар? Некий фантом, или, может, реальный лев?», — раздумывала шамани. Львы Союза мало что знают о богах, а тем более не верят ни в одного из них.

Эта странная игра с Азизой ей нужна была только для того, чтобы завоевать расположение, хотя бы на эти мгновения, и получить возможность остаться здесь, неподалеку, рядом... Сложное еще ждет своего часа, еще ждет ее впереди, и тусклый страх начал пробираться в сердце. Но она — умная и сильная шамани, несмотря на свою молодость и неопытность, и страху уже не удастся захватить ее существо целиком и полностью.

Теперь и Азиза заметила трех львов; она осталась на месте, но высокомерная спесь враз слетела с нее, словно сдуло ветром. Шаана предусмотрительно отошла в сторонку к воде, чтобы не вызывать раздражения, и начала пить, хотя пить совершенно не хотелось.

Один из этих львов — Адилу. Он среднего роста, худой и внешне весьма невзрачный. Но внешность, как это часто бывает, обманчива. Это упорный и сильный лидер гунналов, довольный собой и своими владениями, которые стали воистину огромными. Двое остальных — его телохранители, двое огромных львов, которые повсюду следуют за ним.

— Азиза! Рад тебя видеть.

— О, великий Адилу! Да пребудет с тобой Мар!..

Говорил Адилу громко, не стесняясь никого, а поэтому Шаана слышала всё. Она поняла, что Азиза весьма важная персона среди гунналов. Как стало понятно, она была вроде одной из главных служителей Мара в прайде гунналов. Она же говорила тихо; по отрывкам разговора Шаане стало понятно, что она о чем-то просит. «Удивительно, но никого кроме них и меня нету у водопоя. Очень странно...», — подумала шамани. Но ей не пришлось задумываться над этим вопросом, потому что ответ очень скоро появился сам, как только Азиза ушла.

— Я же говорил, что никого не должно быть на водопое в то время, когда прихожу я! Единственные мгновения, когда я могу спокойно подумать и побыть один — и те забирают, а?! — всё это Адилу говорил, оставив Азизу позади и энергичной походкой направляясь прямо к Шаане, намереваясь разобраться с этой наглой особой. Шаана вздохнула, закрыла глаза. Потом открыла. Посмотрела на свое отражение в воде. На нее смотрела красивая молодая львица, только чрезмерная устремленность и серьезность в ее облике весьма не подходили к юному возрасту. Через

мгновения она должна измениться, и от этого изменения зависит очень многое. Время использовать то, чему научилась...

— Эй ты, как тебя там!.. — Адилу уже был рядом. За ним неотрывно и молча следует его верная охрана. Пора.

Она обернулась, и взглянула ему прямо в глаза. В этот взгляд она вложила всю свою силу, и не промахнулась — Адилу как шел, так и медленно остановился. Глаза настоящей шамани пленят волю, сразу притягивают к себе, и уже не отпускают. В глазах, что ясно видят — всегда темнота.

Адилу сначала даже не понял, что случилось. Он уже не шел, а стоял; перед ним стояла невероятно красивая львица, которая чуть улыбалась, а глаза ее были еще более невероятными. Ему показалось, что они затягивают куда-то вдаль, а блеск их попросту несравним ни с чем. Закралась странная, детская мысль, что, наверное, именно так влюбляются с первого взгляда. Вскоре он опомнился, и отвел взгляд в сторону, но ему хотелось еще. Еще раз взглянуть в глаза незнакомке.

— Как тебя зовут?.. — наконец, спросил он внезапно охрипшим голосом. — Уйдите! — раздраженно приказал он своим телохранителям. Один из них было хотел возразить, раскрыл рот и поднял лапу, но ничего не вышло. — Вон!! — он хотел показать ей, насколько он властен и влиятелен, небеспочвенно считая, что на львиц это сразу производит впечатление. Да и, в конце концов, они действительно мешали.

Адилу глянул на нее, чтобы посмотреть, оценила ли она его по достоинству. Поймал себя на мысли, что уж очень давно не заботился о том, что о нем думает какая-нибудь львица. Ведь он — глава гунналов, и может почти всё. Львица так и продолжала стоять, и смотреть в глаза, чуть улыбаясь. Он немного помолчал, восхищаясь ею.

— Меня зовут Шаана. Дочь Венгари я, — негромко сказала шамани, и слегка поклонилась. — Извините, мой повелитель, я задержалась у водооя, и сейчас же уйду, не смею...

— Стой! — быстро и нервно молвил он. Подумал, что сказано было слишком громко и грубо. — Постой... Почему я раньше тебя не видел?

— Не знаю, мой повелитель. Видимо, л... — тут Шаана снова осеклась, ведь фраза «...лев попросту не замечал меня» сама хотела сорваться с языка. — ...вы меня не замечали, наверное.

— Как же так? Как же так? — вопрошал самого себя Адилу вголос. И заметил: он не знает, что дальше говорить.

— Пошли со мной, — молвил он Шаане наконец. Он еще не знал, куда, собственно, собирается с нею идти, но знал, кто же теперь будет его новой любимицей. В жизни он еще не встречал львиц, которые бы так мгновенно очаровывали его.

Вместо того, чтобы пойти за ним, она только тихо засмеялась. И снова этот долгий-долгий, почти что вечный взгляд, от которого Адилу испытал настоящее головокружение, и это малость испугало его. Показалось, что в ее глазах мелькнула ярость, которая тут же угасла. Нет же! Адилу понял, что никакая это не ярость, а страсть.

Грациозно она отвела взгляд и пошла вдоль реки. Адилу последовал за ней; поймал себя на мысли, что ему по статусу не положено ходить вслед за львицами, но мысль эта показалась пустячной и никчемной.

Вирис спаслась от юнианцев. Впервые в жизни она осталась полностью одна, и теперь у нее не было никого. Кавиза была львицей из ее прайда; еще совсем маленькой она взяла Вирис с собой в Большой мир, чтобы странствовать с Ифаной и учиться путям шамани. Мама ее умерла очень рано, и Кавиза заменила ее. Ифана же была для нее главным авторитетом и наставницей, несмотря на свои ужасающие взгляды на путь шамани. Вирис нравилось всё в учебе, кроме этого; но выбора не было, и деваться тоже некуда. Она просто смирилась с этим, как с неизбежным злом; сама она никогда не принимала непосредственного участия в обряде убийства маленьких львят, но при этом помогала Кавизе и Ифане находить и заманивать их. Ей было искренне жаль, и по ночам иногда мучили кошмары, а пару раз она даже отпустила львят, сообщая потом наставницам, что они смогли спастись.

Она бежала, спасаясь от юнианцев, недолго, и вскоре остановилась. Как она может бросить своих на произвол судьбы? «Нужно возвратиться, немедленно! Куда же я бегу!?!». Подумав, Вирис решила и развернулась, чтобы выяснить, какую судьбу встретили Ифана и Кавиза. Она шла, и чувствовала, что случилось худшее, что вообще может случиться, но отказывалась верить в уход тех единственных львиц, которых любила. Ветер дул ей навстречу, и Вирис задолго еще учуяла запах крови, а пыль летела в глаза, словно ветер хотел вернуть ее назад. Но она этого не сделала, и даже не пряталась. «Будь что будет».

Она пришла на то место, где встретили смерть ее наставницы. Зачем-то обошла их тела вокруг, словно хотела удостовериться, что они действительно мертвы. Заплакала — ей было невероятно грустно и одиноко. Вирис имела добрый и отзывчивый характер, никогда ей не была чуждой эмпатия; мечта ее — стать хорошей целительницей и лечить всех, кого только можно — всегда таилась в сердце.

— Кавили... — так она иногда называла Кавизу, втайне считая, что как для львицы, у нее слишком жесткое имя. Конечно же, ей никто не ответил. Она легла и уткнулась в бок Кавизе, которой уже не было. Испачкалась в крови, но какая теперь разница?

«Теперь можно и умереть... Смысла жить больше нет...», — подумала она, и закрыла глаза. Так она пролежала долго, пока ей не послышались шаги. Вирис ментально вскочила на лапы, но вокруг не было никого; только вдали куда-то шла небольшая группа львиц. Вдруг захотелось жить, и Вирис, поцеловав на прощание Кавизу и Ифану, убежала прочь.

Она начала странствовать в Большом мире; хотя и умела прекрасно охотиться, и детей у нее не было, и интуиция с чутьем, которые были намного сильнее, чем у остальных, обычных львов и львиц, не раз выручали ее, как и умение лечить всеческие травмы и болезни — но меланхолия и тоска съедали заживо. Но ей недолго судилось оставаться одной, и через четыре дня она случайно повстречала гунналов, а точнее Азизу с несколькими учениками, и еще одним служителем Мара. Те шли на молитву, которая требовала уединения, она же искала водопой. Вирис сама подошла, заметив их — ей было скучно, и хотелось общения. Кроме того, она сразу поняла, что эти львы и львицы состоят в каком-то прайде, и нелишне расспросить что здесь да как, и куда она попала вообще.

Судьба все расставила так, что именно в это время Азиза говорила с Нарисом и двумя учениками о возможности для тех, кто не является гунналом, стать служителем Мара. Оживленные споры вызвал следующий приказ Адилу: служителям Мара брать в ученики даже тех, кто не является гунналом. При этом глава гунналов следовал только практическому интересу: он хотел объединить, связать свой прайд с остальными, которые завоевал или склонил к союзу. Он считал, что недостаточно

будет только заставить их принять веру в Мара. Некоторые старые служители были возмущены, но протестовать не смели.

Как только Вирис обратилась к ним с простой просьбой: «Подскажите, где можно попить, прошу вас!», то Нарис сразу увидел в этом знак, и, не советуясь ни с кем, незамедлительно предложил Вирис присоединиться к прайду гунналов и стать ученицей. Она думала недолго и согласилась — всё равно нечего терять.

Нарис объявил, что это знак. Гунналы считали, что львицы, которые имеют пятна, особо отмечены Маром, и призваны служить ему. Именно такие пятна имела Вирис, которые не сошли, когда пролетело детство, а только поблекли, но всё равно остались видимыми. Все согласились с этим, и Азиза тоже. Действительно, знак — они как раз говорили о возможности для чужаков быть служителями, и тут является львица в пятнах. Кроме того, Нарис, который был весьма чутким, понял, что Вирис совсем не простая львица; выдавали ее глаза, и еще нечто неуловимое разумом, но вполне осязаемое.

— Откуда ты, кто такая? — спросил он Вирис.

— Родилась в прайде, моя мама умерла рано, воспитала меня тетя, а вот теперь я брожу сама по Большому миру, — скупно ответила она, приврав, и скрыв факт того, что она шамани. На всякий случай.

Нарис подумал, что это действительно знак. Азиза же спорить не стала, и согласилась с этим. Так неожиданно для себя молодая бродячая шамани оказалась в новом прайде.

В тот же день Вирис представили Адилу, и она попросила его разрешения остаться в прайде. Ему понравилась эта львица, он сам не совсем понимал почему, и благосклонно разрешил. Тут же Нарис взял ее в ученицы, чтобы в один прекрасный день она превратилась в служительницу Мара. Вирис не была против, ибо сразу поняла, что другого выхода нет. Хотя она не имела ни малейшего понятия, кто такой Мар, но хорошо всё обдумав, пришла к выводу, что спорить с судьбой не стоит, и без малейших колебаний приняла клятву ученицы. Конечно же, на самом деле ей было абсолютно всё равно.

Вирис поначалу было трудно вникнуть в жизнь нового прайда. Живут здесь вместе гунналы, и Венгари; и гунналы здесь совсем недавно. Еще есть какие-то иные прайды, которые подчинены Адилу. Непонятные традиции и обычаи. Всё так запутано... Но она старалась влиться в новую жизнь, как могла.

Она сразу раскусила, что вера в Мара — полная ерунда, и эти львы и львицы не имеют никакого понятия о мире, в котором живут. Но она решила, что ей здесь вполне неплохо, а статус ученицы давал возможность реже ходить на охоту. Кроме того, она всех удивляла знанием различных способов лечения тех или иных недугов и болезней; все гунналы говорили, что это наверняка дар от Мара. Она вылечила Адилу от зубной боли простым и эффективным способом, которому ее научила когда-то Ифана — дала ему смесь трав. Тот был очень благодарен ей и объявил, что теперь Вирис находится под его защитой.

«Поживу пока здесь, а там видно будет», — так думала Вирис, оставаясь наедине с собой.

Этим утром ей было неудобно и тревожно — чувство, словно нечто должно случиться. Адилу вчера приказал явиться утром к нему, что она и сделала. Но его самого нигде не было, и Вирис уж решила пойти по делам, как тут пришли два его охранителя.

— Вы не видели нашего правителя Адилу? — спросила их Вирис, легко поклонившись. Так полагается при упоминании имени правителя гунналов.

Один из них ответил:

— Да, познающая Мара (а так полагается обращаться к ученицам). Приказал оставить его у реки, а больше мы ничего не знаем.

— Да, он остался с какой-то львицей, — добавил второй. Первый неодобрительно посмотрел на него. К чему такие детали?

Вирис закрыла глаза. Беспокойство охватило ее, она чувствовала, что вот-вот нечто уловит, нечто поймет... Желание идти куда-то, что-то делать, а что — непонятно. Открыла глаза, осмотрелась по сторонам. Что-то не так, сегодня особенный день, и особое мгновение. Ифана учила прислушиваться к своему чутью, и она хорошо научила Вирис. Ей принесли весть об Адилу, а еще о львице. Львице?..

«Их нужно найти», — без тени сомнения подумала она.

— С какой львицей? — настойчиво спросила она.

Они уставились на нее, словно не зная, отвечать или нет.

— Тебе то что? Правитель делает то, что считает нужным.

— Их нужно найти, — уверенно сказала Вирис и начала уходить. — Немедленно!

В ответ был только смех. Но она ничуть не смутилась, а сразу направилась к Нарису. Вскоре она нашла его, где и предполагала, под деревом; он лежал с закрытыми глазами, и тихо бормотал себе что-то под нос.

— Нарис, Нарис, немедленно, нужно действовать! Адилу в опасности!

Тот изумился, ведь случилось нечто немыслимое — его потревожили во время молитвы.

— Ты, зачем же... — но не договорил. Вирис перешла все границы и начала его тормозить.

— Адилу в опасности! Скорее, учитель Нарис! Надо ему помочь! — она уже несомненно знала, что это так. К Адилу она равнодушна. Но та львица нужна ей — она знает это.

— Что? Где? — растерянно спросил Нарис, вставая. — Что случилось?

— Нужно побольше наших, и пусть бегут все за мной! За мной! — прокричала Вирис, убегая вдаль. Нарис понял, что она не шутит, и не стал мешкать и раздумывать.

**

— Шаана... Дай же взглянуть мне в твои глаза, да постой же!..

Она обернулась и улыбнулась ему.

— Тихонько. Не надо кричать. Криком не сможешь. Поймать нужно меня, чтобы узнать мой взгляд.

Адилу тут же бросился вперед, и Шаана начала ловко убегать от него. Впереди как раз было болото, у реки, и Адилу даже поскользнулся и упал на бок прямо в грязь, забывшись в азарте погони. Это еще больше подстегнуло и разозлило его. «Поймаю — точно разорву на куски!..», — подумал он.

Шаана со смехом выбежала на то место, где они с Халнасом вышли к реке. Втянула воздух, прислушалась. Но не было ни его запаха, ни единого шороха. Шаана испугалась на миг, что прибежала не туда, но ошибки быть не может: вот большой камень, который наполовину погружен в воду, вот густой кустарник, который тянется вдоль реки, и проход в нем, сквозь который видно бескрайнюю саванну и одинокое дерево в ней. Именно через него они и пришли сюда. Может, Халнас не здесь? Только не это...

— Шаана! — выдавил кто-то из себя громким шепотом. — Я здесь!

Она узнала его голос, но никак не могла понять, где он. Но беспокоиться о том, где Халнас, уже не надо. Он тут.

Адилу был взбешен, пришел в ярость. Она вздумала с ним играть, да что она себе возомнила! Да еще и в грязи тут вывалялся. Не поздоровится ей.

Он резво подбежал к ней, Шаане, что вдруг остановилась. Теперь она и не думала убегать, оставалась на месте; лишь сидела к нему спиной. Перешел на шаг и подошел вплотную, и шамани обернулась.

— Ты злишься на маленькую Шаани? — спросила она, улыбаясь и смотря ему в глаза.

— Да, злюсь, и сейчас я тебя... — сказал он всё это по инерции, ибо уже совсем не злился на нее. Ему показалось, что не видел за свою жизнь более красивых глаз, более красивой львицы. — Сейчас я тебя съем...

Она встала, но всё равно смотрела на него снизу вверх, ведь была ниже. Подумала о том, что это может помешать, но сразу выгнала из головы ненужную мысль. Только бы Халнас понял, когда наступит *тот* момент. Всё остальное неважно.

— Конечно, съешь меня, мой властелин Адилу... Только посмотри мне в глаза, ты видишь их. Нравится тебе?

— Да, — ответил он, не раздумывая.

— Тогда посмотри мне в глаза, посмотри в мой левый глаз. Посмотри пристально, внимательно, и ты увидишь всё то, что нужно тебе, о чем ты мечтал. Смотри же, и ты больше никогда не захочешь оторваться от пропасти, в которую смотришь сейчас, Адилу... Смотри. Смотри... — Шаана заметила, как он всё больше стает похожим на львенка. Всё идет отлично, замечательно. У нее самой начала кружиться голова, а мир становился всё больше похожим на сон. Нужно удержаться, нужно не поддаваться этому.

— Ты уходишь, Адилу, уходишь ты... — шамани поняла, что Адилу готов. Халнас, ну же, время! Она хотела обернуться, дать ему знать, но это оказалось лишним — тот сам, уловив нужное мгновение, выскочил позади Адилу. Он неслышно подкрался, и поскольку Адилу плохо воспринимал окружающий мир, то не услышал и не учуял льва, который набросился на него с тихим рычанием. Шаана сквозь туман своего восприятия поняла, что им удалось сделать это — по крайней мере, они дерзнули!

Халнас, то ли в ярости, то ли от волнения, почему-то не вцепился в горло Адилу, чтобы быстро и легко прервать его жизнь; вместо этого бросился ему на шею сверху. Конечно, так труднее убить льва; Адилу, приведенный в чувство болью, отчаянно зарычал, с ужасом поняв, что попался в ловушку. Непроизвольно махнул наугад правой лапой изо всех сил, чтобы хоть как-то выплеснуть ярость. Под лапу ему и попала Шаана, и она не могла никак увернуться, ибо стараясь выкинуть сознание Адилу из этого мира, должна была сама уйти из него. Удар был неожиданный и страшный, ведь она совершенно не видела опасности.

Когти Адилу глубоко расцарапали ей щеку, а сам удар пришелся в челюсть. Пошатнулась, и сделала несколько неуверенных шагов в сторонку, потом села. Сразу не болело ничего, потом шамани ощутила теплое и мокрое на щеке, и начало сильно жечь. В глазах затанцевали пятна; горько подумала о том, что наверное, всё у них провалилось, и делали всё они с Халнасом зря...

Но Халнас крепко держал Адилу, свалив его на бок. Шаана решила помочь своему брату по правде, и выпустив когти, навалилась на гуннала, чтобы он не шевельнулся.

Случилось то, что должно было случиться — Халнас убил его.

И только после этого он заметил, что Шаана в крови, и стоит на лапах крайне неуверенно.

— Шаани, ты как?!

Услышав вопрос, она сразу же ощутила боль и слабость.

— Я? Ничего, так себе... — она вдруг легла. — Точнее, Халнас, не очень... хорошо.

Она потерла щеку лапой, потом посмотрела на нее — там кровь. Очень болит челюсть, и трудно говорить, это приносит мучения. Она закрыла глаза, а Халнас склонился над ней.

— Он тебя сильно ударил. А ты молодец, знаешь... — он началлизывать ей щеку, но она застонала. Любое прикосновение к подбородку, к щеке, несло с собой боль. — Прости... Проклятье. Что делать? Ты должна знать, как это лечить! Шаани, что с этим делать, ты же должна знать... — стараясь говорить как можно более спокойно, хотел спасти ситуацию и Шаану Халнас.

Шамани сделала большое усилие, открыла глаза и тяжело встала.

— Больно... Как я выгляжу? — слова были неразборчивы, но Халнас понял. Он подумал, что даже в такой момент истинная львица думает о своей внешности, и это впечатлило. Хотел сказать что-либо успокаивающее или ободряющее, но не смог. Он искренне переживал за нее, чувствуя за собой огромную вину. Если бы не он, ничего не случилось бы...

— Пошли, Шаани, мы должны идти, скорее, — он решил, что нужно что-то делать, а не стоять на месте.

Вместо ответа она кивнула, и они медленно, слишком медленно для того, чтобы убежать, отправились прочь.

— Есть ли какой-нибудь способ тебя излечить? Помочь? — участливо спросил Халнас. — Скажи только, что делать! У тебя всё здесь в крови... вижу, ты говорить не можешь...

Она неопределенно помотала головой и посмотрела на него. Ее взгляд был, как всегда, выразителен и пронзителен; он понял, что нет такого лекарства, которое спасет ее, и что из них двух выжить сможет он один. Тот, кто повредил челюсть — не жилец.

Они вдруг, не сговариваясь, остановились. «Куда идти, какой в этом смысл...», — подумал Халнас, и слеза скатилась у него по щеке, хотя плакал он очень-очень редко, почти никогда. Очень осторожно лизнул щеку Шааны, чтобы хоть как-то облегчить ее страдания. Она не сопротивлялась, и очень больно от этого не было.

Потом она медленно перевела взгляд вправо. То же сделал и Халнас. Впереди, далеко, но с каждым мгновением неумолимо всё ближе, наступала группа львов. С львицей в авангарде. Направлялись они прямо к тому месту, где лежало тело Адилу.

— Халнас, беги! — невзирая на боль, четко и ясно прошептала Шаана, впрочем ощущая наперед, какой ответ получит, и не ошиблась. Он засмеялся, презрительно глянул на тех, кто приближался, и молвил:

— Куда там, Шаани, куда мне бежать без тебя... — и улыбнулся ей. — Это невозможно вообще.

Она не могла говорить уже громко, отдельно, и поэтому нашептала ему на ухо:

— Ты славный лев, Халнас. Ты лучший из всех, кого я имела честь знать в жизни.

Он закрыл глаза, прислушиваясь к ее словам.

— А ты лучшая шамани из всех, которые бродили по этому миру. Прости меня, что втянул тебя в это, прости...

— Стоять! — крикнул им какой-то лев, который уже бежал рядом с львицей, хотя они никуда и не уходили.

Шаана вдруг заволновалась. Она поняла, почему так быстро гунналы и венгарийцы появились здесь. Конечно же, среди них была, как ни странно, шамани. Прошло еще мгновение, и она поняла, что это за шамани, безошибочно поняла — та третья львица, которая спаслась в тот день. «Я забыла ее имя ...», — подумала Шаана.

Вот она узнала Вирис, она уже рядом вместе со всеми. Она прошептала на ухо Халнасу:

— Это та львица, которая спаслась в тот день. Третья, это она.

Он кивнул, хотя совсем ничего не понял. Их окружили. Она еще раз прошептала:

— А вон тот, с рыжей мелкой гривой, очень боится нас. Странно, правда?..

Вирис вышла наперед. У всех гунналов горели глаза, они желали мести за Адилу, и предвкушение справедливой расправы терзало их.

— Юнианцы, ха! Вы не ускользнули; я ощутила тебя, львица. Я тебя узнаю. Ты та, которая погубила Кавизу и Ифану, и теперь твоя очередь. Судьба сделала мне интересный подарок...

— Пошла ты, — без экивоков, неспешно, ответил за себя и за Шаану Халнас. — Пошли все вы.

— Вперед, убить их! Месть за Адилу! — с жуткой силой прорычал кто-то, и все бросились на двоих юнианцев.

Шаана так и осталась стоять на месте, не сопротивляясь неизбежному. Вся жизнь промелькнула перед глазами: кого когда обидела, кого любила, охота, Таву, отец, Нарра и Шелли; вот она в одно прекрасное утро идет на охоту вместе со своей группой; а вот учится у Нарры правильно засыпать; вот она идет солнечным днем к реке, предаваясь приятным раздумьям... Так много было жизни, и так мало времени, слишком мало.

Вон тот, рыжий, самый первый, к ней подбегает. И она впилась в него взглядом; он останавливается прямо возле нее — и она ощущает его мерзкий страх. Но остальные не робели, и Шаана спокойно и достойно встретила свою судьбу.

Халнас прожил на свете немного дольше. Отскочив от первых двух заседавших, он успел кого-то лишиться глаза и укусить за бок. Но силы были неравны, вскоре его свалили с лап, а дальше он только успел подумать, что не зря прожил на белом свете, а еще было ему очень жаль Шаану, и он бы заплакал, но не успел, потому что умолк и умер.

Эпилог

Наверное, кое-кому будет интересно узнать судьбу остальных после смерти Халнаса и Шааны. Анлиль спала в тот момент, но когда Шаана погибла, тут же проснулась. Вскоре она, попрощавшись с прайдом, ушла прочь и больше никто Анлиль не видел. Таар, конунг и прайд Юнити очень быстро пришли к Венгари и гунналам, но застали только некоторых растерянных венгарийцев, да нескольких гунналов, которых прогнали вон или убили. Здесь же все и узнали, что Адилу был убит львом и львицей, и что те были юнианцами. Шелли и Нарра сразу сказали, что это — Шаана и Халнас, но и без них это стало понятно. Как ни старались, но тела их найти не удалось. Они — Шаана и Халнас — стали легендой, и история об их поступке передавалась с поколения в поколение много-много лет.

Шелли была очень опечалена, Нарра же не смогла до конца понять поступка Шааны. Главной наследницей их знаний стала Иримэ, которая стала очень хорошей шамани.

Таву навсегда утратил огонь в глазах, а его сердце было разбито вдребезги. Он до конца жизни был с Иришей, хотя никогда ее больше не любил. У них было трое детей. Иногда он, Тарна и Ланнара собирались вместе, и больше молчали, чем говорили, вспоминая тех, с которыми однажды отправились в путь, к веларийцам.

2007–2008 гг.

mso